

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Коробков Н., проф. — Военное искусство Кутузова	3
Панкратова А., проф. — Образование второго очага войны в Европе (1933—1935)	34
Рубинштейн Н., проф. — С. М. Соловьёв и русская историческая наука	57
Вяткин М. — К вопросу о крестьянских войнах в Казахстане	72
Грабарь В., проф. — Вселенские соборы XII—XV веков как органы международного общения	86

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

Югов А. — Даниил Галицкий и Александр Невский	99
Грунт А. — «Прогрессивный блок»	108
Свирская В. — «Караванный бунт»	118
Нарочницкий А. — Якобинская республика и нейтральные государства летом 1793 г.	123

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Горянов Б. — Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии	135
Корхов Ю. — Коултон Г. Средневековая панорама. Англия от завоевания до реформации	142
Яцунский В. — Альбом американской истории. Колониальный период	145

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	146
---------------------------	-----

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Научные сессии, посвящённые М. И. Кутузову	148
Жмакин М. — Центральный государственный архив Военно-Морского Флота в Ленинграде	151
Илларионов В. — В Горьковском педагогическом институте	153

Историческая наука за рубежом

СТАТЬИ

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО КУТУЗОВА

Проф. Н. Коробков

I

Нельзя не признать, что наша военно-историческая наука значительно отстаёт в разработке ряда существеннейших вопросов отечественной военной истории, в частности очень мало освещён и вопрос о роли Кутузова в истории развития русского военного искусства.

В советской историографии прочно установился взгляд на Кутузова как на одного из величайших русских полководцев. Взгляд этот продолжает народную традицию, в своё время отражённую в фольклоре и в сочинениях виднейших представителей русской литературы — Жуковского, Крылова, Пушкина и Л. Толстого, подчеркнувшего глубоко национальную «народную» силу творческой мысли Кутузова¹.

Однако эта столь справедливая общественная оценка, к сожалению, до сих пор не получила должного раскрытия в исторической литературе, и определение роли Кутузова в истории развития русской военной мысли и военного искусства остаётся делом будущих специальных исследований. Имеющиеся по данной теме статьи частного характера не решают общего вопроса об основах военного искусства Кутузова². О нём говорят как о выдающемся представителе русской военной школы и продолжателе Суворова, но тем не менее совершенно неясным остаётся вопрос о том, что же именно прибавило военное искусство Кутузова к наследству его учителя; что нового внёс Кутузов в русское военное искусство, отличаются ли его методы от суворовских или же они являются только применением последних в конкретных условиях новых войн и операций. В результате и оценка Кутузова как великого полководца и одного из творцов русского военного искусства остаётся недоказанной и голословной. Это тем более существенно, что в специальной дореволюционной литературе имеется немало отрицательных необъективных заключений о Кутузове.

Сколько-нибудь значительной и удовлетворяющей научным требованиям общей работы о Кутузове мы не найдём ни в дореволюционной, ни в советской литературе. Этот зияющий пробел не восполнен и до сих пор.

Ранние издания военно-биографического характера представляют не более чем материал для изучения и интересны лишь с точки зрения соб-

¹ Толстой Л. Война и мир. Соч. Т. VII, стр. 255. М. 1887.

² Кац Б. О замысле Кутузова в Бородинском сражении. «Историк-марксист» № 3 за 1941 г.; Соколов Б. Стратегия и тактика Бородинского сражения. «Исторический журнал» № 2 за 1943 г.; Коробков Н. Кутузов и освободительный поход русской армии в 1813 г. «Военная мысль» № 6—7 за 1945 г.; Рындзюнский П. Кутузов в Тарутинском лагере. «Исторический журнал» № 3 за 1945 г.; Яковлев В. Инженерное оборудование Бородинского поля сражения. «Техника и вооружение» № 10 за 1938 г.; Рудakov Д. Березинская операция. «Военная мысль» № 1 за 1938 г.; Предтеченский А. Бородинский бой и русская общественность. «Учёные записки Ленинградского университета» № 19. Серия исторических наук. Т. IV. Вып. 1-й за 1938 г. и др. Из более ранних, но малоубедительных попыток надо отметить работы комбрига И. Левицкого «Война 1812 г. М. 1938» и более значительный труд полковника Н. Подорожного «Кутузов». Восиздат 1942.

ранных фактов и документов¹. Среди множества исследований, описаний и «историй», так или иначе касающихся Кутузова, есть несколько, оказавших сильное влияние на последующие. Это работы Д. Бутурлина² и особенно большие работы генерала М. Богдановича³ и А. Михайловского-Данилевского⁴. Принадлежащее последнему «Описание отечественной войны 1812 г.» отредактировано Николаем I, который внёс в труд большие поправки и изменения. Мнения этих авторов представляют особый интерес, потому что оба они в своё время были виднейшими военными историками, а Михайловский-Данилевский в прошлом состоял адъютантом Кутузова.

Эти историки, особенно Богданович, установили чрезвычайно критическое, хотя и замаскированное, отношение к Кутузову как к полководцу. Характерно, например, заключение, которым Богданович подводит итоги жизни и деятельности фельдмаршала: «Он должен жить в памяти потомков, как орудие Всесильного Промысла, поразившее неприятеля так же неожиданно, как поражён был сильный Голиаф рукою слабого Давида. Не будем сравнивать Кутузова, как полководца, с гениальным его противником... но скажем, что он был вождём русских в великой войне, поколебавшей преобладание Наполеона... История не забудет этих подвигов»⁵.

Эта точка зрения как будто совпадает с точкой зрения, изложенной Л. Н. Толстым в «Войне и мире», но сущность освещения тут и там совершенно иная. Если для Толстого Кутузов действительно является орудием в руках рока, и ценность его заключается не в способностях полководца, а в умении не мешать развитию predetermined событий, то для Богдановича «промысел» — это только способ объяснить, почему Кутузов при его будто бы медлительности, ошибках сумел победить величайшего из полководцев своего времени. Позиция эта резко пристрастна. Она отображает взгляды императоров Александра и Николая и вместе с тем специально направлена на возвеличение роли Александра I в войнах 1812 и 1813 годов. Тот же отпечаток лежит и на работах Михайловского-Данилевского, хотя его личное отношение к фельдмаршалу создаёт здесь двойственность оценки. К тому же оба историка, особенно Михайловский-Данилевский, не дают ни анализа, ни обоснованных выводов, а ограничиваются формальным описанием и произвольной оценкой фактов (Богданович). Но при всей неубедительности выводов эти большие «Описания», которыми не может не пользоваться и современный военный историк, оказали на военно-историческую литературу большое влияние.

Много способствовали укреплению подобных мнений и записки некоторых современников, неодобрительно относившихся к Кутузову или пристрастно, в личных целях изображавших и оценивавших факты, — Беннигсена, РаSTOPчина, Ермолова, Толя⁶. К тому же «Записки» быв-

¹ «Исторические записки о жизни и воинских подвигах генерал-фельдмаршала Кутузова». СПб. 1813; «Картина жизни военных и политических деяний... Кутузова в трёх книгах, писанная одним российской службы офицером». М. 1813; «История военных и политических деяний Кутузова.. с достоверным описанием частной или домашней его жизни». СПб. 1813, 1814 и др.

² Бутурлин Д. История изшествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. Ч. 1-я и 2-я. СПб. 1823 — 1824.

³ «История отечественной войны 1812 г.». Т. I—III. СПб. 1859—1860; «История войны 1813 года за независимость». Т. I—II. СПб. 1863.

⁴ Михайловский-Данилевский. Описание отечественной войны 1812 г. Ч. 1—2-я. СПб. 1843; Описание войны 1813 г. Соч. Т. VI. СПб. 1850.

⁵ Богданович М. История войны 1813 г. Т. I, стр. 118.

⁶ Беннигсен Л. Записки о кампании 1812 г. «Русская старина» №№ 4, 6, 7, 9, 11, 12 за 1909 г.; Ермолов А. Записки. М. 1865; Толь К. Описание битвы при селе Бородино. «Отечественные записки». Ч. 2-я, № 28—29 за 1822 г.; его же. Записки. «Военный сборник» № 11 за 1910 г.; «Генерал-квартирмейстер К. Ф. Толь в 1812 г.» СПб. 1912

шего квартирмейстера Кутузова, Толя, непристойно искажены и подделаны издавшим их немецким военным историком Бернгарди, который был домашним учителем в семье Толей. Тогда-то Бернгарди и записывал рассказы Толя и впоследствии опубликовал их в собственной обработке. Глубокое искажение фактов, самой личности Толя и клеветнические замечания Бернгарди вызвали протест со стороны семьи Толя. Тем не менее этой фальшивкой пользуются и до сих пор. Пресловутые «Записки» Толя ввели в заблуждение даже Энгельса. Статья Энгельса о Бородинском сражении, построенная, как он сам указывает, на материалах Толя, даёт неверное соотношение сил и потерь сторон, неточное описание действия (особенно в канун сражения) и тем более роли Кутузова, который будто бы только после ранения Багратиона «принял некоторое участие в сражении»¹.

К числу свидетельств необъективных, даже лживых, но оказавших сильное влияние на историков, надо отнести и записки английского генерала Вильсона². Этот дипломат не только чрезвычайно субъективно оценивал и описывал факты, но и плохо понимал обстановку. Стремясь в своих целях убрать Кутузова, Вильсон со своей позиции даже был искренен. То, что он писал и сообщал Александру, он заносил и в свои записки. В них он зафиксировал также многочисленные «интимные сообщения» императора о фельдмаршале, причём, подобно большинству иностранных дипломатов, вовсе упустил из виду, что это «византиец», который был настолько же глубже, насколько и тоньше Меттерниха, обладал прекрасным умением говорить для того, чтобы скрыть свои мысли.

Многочисленные свидетельства и заключения французских современников Кутузова отличались не только субъективностью, но и недостаточным знакомством с фактами. Это и понятно. Даже такие блестящие мемуаристы, как Сегюр³, могли иметь по интересующим нас вопросам лишь крайне ограниченные сведения. Их свидетельства ценны главным образом фактическим материалом о своей стороне. Искать в них правильного понимания и оценки Кутузова не приходится.

Это в полной мере относится и к Жомини⁴, убеждённому апологету Наполеона. Влияние Жомини, начальника штаба маршала Нея, а с 1822 г. начальника русской военной академии, главы наполеонистской школы в России, чрезвычайно сильно сказалось на взглядах русских военных теоретиков и историков даже второй половины XIX века. Воспитанные им в духе безграничного преклонения перед военным искусством Наполеона, они мало интересовались Кутузовым и усвоили к нему скептическое отношение, совпадающее с отвлечёнными мнениями Клаузевица. Последний в своих работах опыта кампании 1812 г. не только ограничивает роль Кутузова, но и даёт ему грубо неверную оценку⁵.

Этот ложный взгляд упрочился настолько, что проник даже в военно-учебную литературу. Так, в официальном руководстве для военно-учебных заведений, составленном Карцовым, роль Кутузова в 1812 г. остаётся вовсе затуманенной⁶. Ранние, более объективные исследования вообще

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI Ч. 2-я, стр. 631—637.

² Wilson B. Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte and the retreat of the French army. London. 1860.

³ В русских переводах — «Бородинское сражение». Киев, 1901; «Переправа через Березину». СПб. 1905; «Поход в Россию». М. 1916; «Поход в Россию 1812 г.», «Интернациональная литература» № 1—2 за 1942 г., стр. 172—191.

⁴ Жомини. Очерки военного искусства. Т. I—II. Воениздат. 1939. Общий обзор французской литературы, касающейся Кутузова (в основном относящейся к истории 1812 г.), даёт В. Васютинский в статье «Отечественная война во французской исторической литературе». «Отечественная война и русское общество». Т. VII, стр. 282, 291. На немецкой литературе не останавливаемся. Её обзор дан В. Перцевым в том же издании Т. VII, стр. 291—299.

⁵ См. Клаузевиц. О войне Т. I—II. М. 1937.

⁶ См. Карцов. полк Военно-исторический обзор войны 1812 г. СПб 1852

не получили распространения и представляют явления единичные¹. Даже такой серьёзный и добросовестный военный историк, как В. Харкевич, в своём исследовании березинской операции и в других работах, избегая прямого порицания Кутузова, многократно подчёркивает его безынициативность, медлительность, странное равнодушие к успеху дела. В заключительной части исследования березинской операции Харкевич отмечает как причину неполного её успеха, что Кутузов «своей медлительностью добровольно лишил себя возможности руководить действиями в момент кризиса и являлся простым свидетелем совершающихся событий»².

Тем же недостатком страдают и такие ценные работы, как «Бородино» А. Геруа (СПб. 1912), Н. Михневича (М. 1912), П. Ниве («Отечественная война 1812 г.». СПб. 1911).

Толчок вперёд дали работы А. Н. Попова. Не будучи военным специалистом, но внимательно изучив архивные первоисточники, в ряде своих работ³ А. Н. Попов отчётливо показал, что многочисленные враждебные Кутузову свидетельства современников продиктованы стремлением приписать себе славу успехов Кутузова, лишить его «соединённых с его искусством» прав на достойную оценку⁴. Опровергая клеветнические выпады и просто непонимание значения Кутузова, Попов утверждал, что фельдмаршал являлся подлинной «центральной фигурой войны 1812 года»⁵. Позднее А. Н. Попов выпустил отдельное издание, что также способствовало распространению более правильной оценки Кутузова.

В специальной литературе XX в., особенно в связи с столетним юбилеем Отечественной войны, появилось стремление серьёзно пересмотреть такие взгляды.

Стремление к правильной оценке событий стали усваивать и военные специалисты. Полковник Поликарпов подверг жёлой критике концепцию и освещение фактов в труде генерала Богдановича⁶. Попытку более верно оценить значение Кутузова находим у профессора Николаевской академии генерального штаба генерала Б. Коллюбакина⁷. Представляют интерес также работы П. Васенко⁸, А. Байова⁹, из популярной литературы — книга А. Погосского¹⁰.

Тем не менее сколько-нибудь полного, исторически правильного понимания Кутузова как полководца дореволюционная литература так и не дала. В основном Кутузова рассматривали как величину, гораздо меньшую, чем Наполеон. Характерно, что даже в монументальном юбилейном издании «Отечественная война и русское общество» (1912) мы нахо-

¹ В этом отношении особенно интересен труд полковника Окунева, посвящённый истории войны 1812 г., изданный на французском языке и появившийся на русском языке в 1833 г. под названием «Рассуждение о больших военных действиях... в 1812 году». СПб.

² Харкевич В. Березина, стр. 205. СПб. 1893; см. также стр. 10, 55, 58, 207 и др. Вскрываются и квазимотивы этой медлительности: «обаяние личности Наполеона и страх встречи с первым полководцем своего века» (стр. 207). Любопытно, что Харкевич опирается в этом на мнение Клаузевица. Эту тенденцию ранних историков с возмущением отмечал Л. Н. Толстой в «Войне и мире».

³ См. Попов А. Москва в 1812 г. От Малоярославца до Березины. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры.

⁴ «Русская старина». Вып. 2-й за 1897 г., стр. 523.

⁵ «Русская старина». Вып. 1-й за 1877 г., стр. 277.

⁶ См. Поликарпов Н. К истории войны 1812 г. (по первоисточникам). Вып. 2-й, стр. 4. М. 1911.

⁷ См. Коллюбакин Б. Война 1812 года. Бородинская операция. Изд. «Труды Русского военно-исторического общества». Т. V, кн. 1-я за 1912 г.; см. также его статью в сборнике «Отечественная война и русское общество».

⁸ Васенко П. Двенадцатый год. СПб. 1911.

⁹ См. Байов А. Записки по истории военного искусства в России. Эпоха императора Александра I. СПб. 1906.

¹⁰ См. Погосский А. Отечественная война 1812 г. СПб. 1911. 6-е изд. На других, весьма многочисленных популярных работах, так или иначе касающихся Кутузова, не останавливаемся.

дим лишь одну, и притом весьма бледную, статью о Кутузове; Наполеону же посвящены целые разделы (в томе II — «Наполеон и его соратники», в томе VII — «Наполеон и историческая наука»), а «величие» его выступает в каждом томе издания как дань «благородного либерализма» и псевдообъективности общих, военных историков и историков-публицистов, участвовавших в этом, в целом весьма ценном, издании.

Ограничиваясь самым кратким обзором литературы о Кутузове, мы вовсе не касаемся здесь документальных изданий и публикаций на эту тему¹, а также архивных фондов, к сожалению, всё ещё не вполне выявленных².

Кутузов вступил на военное поприще в период стремительного подъёма русского военного искусства. В 1764 г. он был в Польше, где участвовал в военных действиях, получивших с прибытием Суворова блестящее выражение в кампании 1769 года. По собственному замечанию Кутузова, он тогда ещё не научился «понимать войну», вероятнее всего по молодости и ввиду особенностей тех кампаний, носивших характер «войны малых форм»³.

В 1770 г. Кутузов получил перевод в действовавшую против турок армию. П. А. Румянцева, принял участие в этой великолепной кампании, так прославившей имя Румянцева. О том, что предшествовавший боевой опыт польской войны был хорошо усвоен капитаном Кутузовым, свидетельствовали его отличия уже в первые месяцы службы в войсках Румянцева. Служба в должности обер-квартирмейстера, начальника штаба корпуса Баура, работа над планами передвижений и действий корпуса, в развитие общих указаний главнокомандующего, позволила Кутузову полностью усвоить принципы военного искусства Румянцева. Этот период завершился тяжёлым ранением Кутузова в голову в сражении 24 июля⁴ 1774 г. у деревни Шумы (близ Алушты).

Во второй Турецкой войне (1787—1791) Кутузов в чине генерал-майора командовал корпусом, охранявшим границы по р. Буг. Затем он был отозван к Очакову, затяжность осады которого так возмущала Суворова, и получил там второе, казавшееся смертельным ранение в голову. Однако вскоре Кутузов вновь вернулся в армию, в 1790 г. своими операциями под Измаилом он содействовал взятию Килии, после чего Измаил был блокирован. У стен этой крепости Кутузов вновь сражался под командованием Суворова, к тому времени прославленного победами при Кинбурне, Фокшанах и Рымнике. Кутузов участвовал в подготовке этого классического штурма и был привлечён Суворовым к обсуждению плана атаки.

Возглавляя колонну, штурмовавшую Килийские ворота, Кутузов в исключительно тяжёлом рукопашном бою «мужеством своим примером подчинённым... оказал новые опыты искусства и храбрости»⁵. Так писал о нём Суворов в донесении о взятии Измаила и в знак признательности назначил Кутузова комендантом Измаила.

На этом непосредственное боевое сотрудничество Суворова и Кутузова закончилось. Отзыв старшего полководца как бы подводил итоги

¹ Библиография такого рода публикаций дана в приложении к документальному сборнику «Фельдмаршал М. И. Кутузов». Госполитиздат. 1945.

² Основными хранилищами этих фондов являются Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) и Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Собственный архив Кутузова до сих пор не обнаружен. Известно лишь, по справке 1843 г., «что все бумаги фельдмаршала по смерти его были отправлены к его величеству, где ныне находятся — неизвестно» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3112). Попытка выявить кутузовские материалы, сделанная Главным архивным управлением СССР, дала много новых и ценных материалов, но работа эта ещё не завершена.

³ Михайловский-Данилевский А. Император Александр I и его соратники. Военная галерея «Зимнего дворца». Т. III, стр. 70. СПб. 1846.

⁴ Все даты по старому стилю.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 2413, лл. 5, 12.

предыдущей военной деятельности Кутузова и свидетельствовал о нём как о сложившемся военном таланте и достойном представителе русской суворовской школы.

В 1791 г. Кутузов в операциях у Бабадага и Мачина вновь проявил себя как смелый, решительный генерал, мастер обходного маневра.

Первый период боевой деятельности Кутузова закончился второй Турецкой войной. Тогда ему было 45 лет.

К этому времени русское военное искусство выкристаллизовалось в совершенно отчётливых формах, противостоявших военной доктрине Запада. Система «стратегии истощения» там держалась прочно, хотя опыт американской освободительной войны уже пробил в ней широкую брешь. Да и тактические опыты Фридриха II, пытавшегося в условиях Семилетней войны вырваться из рамок собственной организационной системы, ставили перед военной мыслью вопрос: возможен ли вообще успех подобных начинаний? Французская революция уже совершилась, но ещё не родилось созданное ею военное искусство; имя Бонапарта мало кому было известно. В германских среднеевропейских государствах царили всё те же окаменелые порядки, та же доктрина Фридриха II. Поправки к ним, в смысле укрепления войск национальными контингентами, были незначительны и реально ощущались лишь в Австрии, но основы военной доктрины, по существу, не изменились и там. Процветали теории Ласси, Ллойда, Бюлова. Кордонная система Ласси, против которой так возражал Румянцев, — система, жестоко осмеянная Суворовым, всё же в период первого итальянского похода Бонапарта увлекла и революционных французских генералов. У Ллойда его «ключи позиций» утверждали ложные представления о решающем значении географических точек в войне. Бюловская теоретическая математика войны учитывала солдата только как механическую единицу и пыталась найти общие формулы, которые могли бы служить абсолютными решениями в любых условиях, при правильном учёте количественного соотношения сил и географической обстановки. А в основе всех этих взглядов оставалось стремление сделать войну бескровной и вести её преимущественно на коммуникациях противника.

Русская военная мысль того же времени, как в фокусе, собранная з суворовской «Науке побеждать», уже радикально решила все эти вопросы. Основной оперативной задачей войны она поставила истребление живой силы противника, принципом действия установила сосредоточенность сил, а методом — маневренность, понимаемую не в смысле передвижений войск для действий на коммуникации, а как боевые маневры, имеющие целью поражение противника в бою и его истребление в преследовании.

Предпосылкой этих положений был национальный характер созданной Петром на основе рекрутских наборов регулярной армии и доверие к ней командования, убеждённого в твёрдой воле русского национального войска к победе. На этом принципе был построен «Устав воинский» Петра Великого (1716), положения которого впоследствии были развиты Румянцевым, а затем с ещё большей чёткостью — Суворовым. Русская суворовская школа второй половины XVIII в. исходила прежде всего из военных и из человеческих качеств солдата. Позднее эта мысль была сформулирована Драгомировым, утверждавшим, что военные качества — это прежде всего человеческие качества. Выводом из этих воззрений явилась культура инициативы, «частного почина».

Если Фридрих II воспрещал проявление личной инициативы даже своим бригадным генералам и допускал некоторые исключения только для кавалерии, то Пётр I в предисловии к Уставу 1716 г. указал не держаться его «яко слепой стены»¹ и предписал командующим «своё дело

¹ Устав воинский, стр. 13. СПб. 1717.

исправлять» в зависимости от положения земли, силы неприятеля и обыкновения оного»¹.

После упадка в годы засилия временщиков (бироновско-миниховское время) эти положения петровского устава были восстановлены Румянцевым на опыте Семилетней войны, затем укреплены и расширены Суворовым. Особенности русского военного искусства являлись возможностью действия отдельных, самостоятельных групп в исполнении общего плана, участие не только силы и воли, но также мысли каждого сражающегося в боевом осуществлении решений высшего командования². Это касалось конечно, прежде всего командного состава, но уходило в толщу солдатских масс.

Из правильной оценки качеств русского солдата выросли и два внешне противоположных принципа: с одной стороны, смелость, стремительность, безоговорочная решимость в натиске, широкое применение холодного оружия, и с другой — бережное отношение к живой силе, столь характерное для Румянцева, Суворова и Кутузова. Суворов ненавидел «гнусную ретираду» и по непоколебимости свои войска сразивал со скалой, но вместе с тем учил, что «потеря людей невозвратима; нередко один человек дороже поста», уступка которого ничего не меняет, так как уступленный пост можно снова занять³.

Из бережного отношения к людям и понимания целей войны сложилась общая для всех трёх полководцев система воспитания и обучения войск, столь ярко выраженная в «Науке побеждать», превзошедшей замечательный опыт румянцевского «Обряда службы».

Эти начала русской военной школы стали органическими положениями военной и боевой деятельности ученика Румянцева и Суворова — Кутузова.

Михаил Илларионович Кутузов принадлежал к тому кругу дворянской интеллигенции, которая в XVIII и в первой половине XIX в. была основным выразителем передовой русской культуры. Из среды этой интеллигенции вышло большинство государственных и военных деятелей, дипломатов, писателей, поэтов, политических мыслителей, ярко выразивших культуру и идеологию своего времени. Стоя на уровне современной ей западной культуры, органически осваивая её достижения, русская дворянская культура вместе с тем не была оторвана от культуры народной. Помещичий быт этого среднего круга дворянства насыщал чисто народными представлениями ум ребёнка. Народная мысль влияла на его развитие через всю массу дворовых людей и жизненных обстоятельств, так привлекающих ребёнка в обстановке деревни. Француз-гувернёр не был способен парализовать это воздействие. Связь с народным миропониманием увеличивалась воспитанием первых учителей из поповичей, а русское сельское духовенство того времени было тесно связано с крестьянской массой и в помещичьем доме представляло иные, не дворянско-западнические культурные нагала.

Так воспитывался Суворов, так рос позднее Пушкин. Ту же черту народности в Кутузове с художественной прозорливостью отметил Л. Н. Толстой.

Род Кутузовых, по преданиям, восходит к XIII в.; предок их сражался

¹ Устав воинский, стр. 90—91. СПб. 1717.

² Западные и особенно немецкие военные исторички в силе коллективного действия русских войск видели способность их действовать лишь в плотных массах и непригодность к действию мелкими частями и подразделениями. Эту точку зрения высказывали также Энгельс и Меринг. Между тем бесчисленные примеры из русской военной истории доказывают, что для русского войска характерно как раз обратное.

³ Из приказа генералу Краю от 12—23 августа 1799 г. «Славянин». Т. V, стр. 65 1827

в дружине князя Александра Ярославича в Невской битве¹. Отец будущего фельдмаршала, известный автор проекта Екатерининского канала, был талантливым военным инженером (умер в чине генерал-поручика и звании сенатора). Михаил Кутузов также отличался способностями к математике. Ещё мальчиком он был привлечён к преподаванию математики в военно-инженерной школе, где и сам обучался. Окончив в возрасте около 15 лет школу, он прекрасно владел французским и немецким языками, а «на латинском разумел автора», как особо отмечено в свидетельстве об окончании школы. Позднее Кутузов освоил также языки польский, турецкий, английский. Его дальнейшее образование, как у всех почти военных деятелей того времени, не было систематическим. Кутузов пополнял его самостоятельными занятиями. Знание французского и немецкого языков чрезвычайно расширяло круг чтения Кутузова. Сосредоточивая внимание на вопросах военной истории и военного искусства, он проявлял также большой интерес к инженерному делу, а в годы отставки и жизни в деревне — к агрономии. Он занимался историей России и её международных отношений, хорошо изучил международное право, читал книги по философии. Прекрасно владея русским народным языком, со всем богатством его образов и оборотов, Кутузов вместе с тем был любителем и знатоком французской литературы. Русский, как он это всегда подчёркивал, противопоставляя себя всяким антирусским тенденциям, он в то же время был блестящим представителем европейской культуры своего времени, и его переписка с м-м де Сталь — не случайная, а очень характерная для него черта.

Несколько заграничных путешествий, и особенно первое из них, для лечения после тяжёлого ранения в голову, очень расширило его умственный горизонт. За два года, проведённых в Пруссии, Австрии, Голландии, Кутузов встречался с выдающимися людьми и позднее с некоторыми из них поддерживал переписку². За рубежом он не только изучал постановку военного дела, но также живо интересовался наукой, музеями и театром. Блестящий, дальновидный ум, тонкое остроумие делали его обаятельным собеседником. Он умел подмечать слабые и смешные стороны людей, и его язвительные замечания попадали прямо в цель. Но при желании он очаровывал людей. «К числу... талантов его неоспоримо принадлежало искусство говорить, — сообщает современник, — он рассказывал с таким пленительным мастерством, особливо оживлённый присутствием прекрасного пола, что слушатели всякий раз между собой говорили: «Можно ли быть любезнее его?»³.

Эти качества в сочетании с осторожной скрытностью, умением предусматривать и разгадывать планы противника переросли у Кутузова в редкостные дипломатические способности. К нему стали обращаться в тех случаях, когда поручения были особенно сложны и деликатны или когда дело уже было испорчено неосторожностью других дипломатов.

Поручение громадной важности Кутузов выполнил по окончании второй Турецкой войны. В качестве чрезвычайного и полномочного посла он прибыл в Константинополь, чтобы уладить несогласия по некоторым пунктам Ясского мирного трактата, вызывавшим резкую оппозицию султанского правительства, поддерживаемого в этом французским правительством. Кутузов прекрасно справился со своей сложной миссией, разбил планы французской дипломатии и уехал, установив дружественные отношения побеждённой Порты с победительницей — Россией.

В 1795 г. Кутузов был назначен командующим войсками в Финлян-

¹ «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». Ч. 2-я, отд. 1. л. 31 об.; ч. 5-я, л. 17 об.

² Михайловский-Данилевский А. Военная галерея Зимнего дворца. Ч. 1-я, стр. 27. М. 1839.

³ Глинка Ф. Очерки Бородинского сражения. Воспоминания о войне 1812 года. Ч. 1 я, стр. 27. М. 1839.

дни, а вслед затем также генерал-директором Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, основного военно-учебного заведения, подготавливавшего офицерский состав русской армии. Кутузов принял охотно эту должность. Под его управлением корпус стал быстро совершенствоваться. Не ограничиваясь чисто административной работой, он сам вёл занятия по курсам тактики и военной истории. Современники свидетельствуют об увлекательности не только этих занятий, но и всяких других выступлений Кутузова. «Говоря о нравственных его (Кутузова.— Н. К.) свойствах,— рассказывает Ф. Глинка, — должно сознаться, что он имел обширный ум и отличное образование. Будучи в одно время директором 1-го кадетского корпуса и присутствуя на экзамене, он развил такое богатство разнообразных познаний, что все профессора и учителя пришли в изумление»¹.

Когда на престол вступил император Павел, Кутузов остался командующим войсками в Финляндии и генерал-директором шляхетного корпуса и стал, по новой номенклатуре, инспектором своих частей и шефом разных полков. Новые, прусские порядки Кутузов расценивал так же, как Суворов, как большинство русских военных. Но он был очень осторожен и уцелел. Суворов же, всем своим поведением протестовавший против павловских реформ, был отправлен в ссылку. Опять Кутузов понадобился в роли дипломата: после неудачи Репнина в Берлине туда послали Кутузова, чтобы убедить прусского короля присоединиться к австро-русско-английской коалиции против Бонапарта. Дело было удачно завершено. Затем Кутузова назначили командовать войсками, отправленными в голландскую экспедицию. Но вступить в должность он не успел: неудачно задуманная экспедиция сорвалась.

Император Александр, вступив на престол, застал Кутузова литовским генерал-губернатором и повысил его, назначив санкт-петербургским военным губернатором и инспектором войск в Финляндии. Но Кутузов вместе с другими ждал отмены павловских порядков, а Александр Павлович хотел сохранить их. Более проницательный, чем отец, он скоро почувствовал скрытую, но устойчивую и последовательную оппозицию Кутузова. Император высказал недовольство петербургской полицией, и Кутузов, поняв, что конфликт начинает получать выражение, подал прошение об отставке. В начале 1802 г. он был уволен и уехал в свои деревни

II

Опала и увольнение Кутузова явились внешним выражением столкновения между системой национальной военной школы—Суворова и Кутузова — и прусской школой, которую насаждали в России императоры Павел и Александр.

Сущность павловских реформ достаточно известна. Исходя из действительных недостатков в организации русского войска, на которое не раз указывал Суворов, великий князь Павел ещё в 1774 г. представил императрице Екатерине чрезвычайно смелую и резкую по тону записку «Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войска, потребного для защиты оного, и касательно обороны всех пределов». Павел предлагал радикально изменить внешнюю политику и в связи с этим сократить численность войска, компенсируя это улучшением качества армии на основе решительной реорганизации по прусскому образцу.

Такой реорганизацией Павел и занялся тотчас же по вступлении на престол. Он довёл управление армией до такой крайней централизации, что все дела, вплоть до самых мелких, вроде предоставления офицерам длительного отпуска или перевода из роты в роту, решались в кабинете императора. Генеральный штаб был упразднён и заменён военно-походной канцелярией его величества, а затем свитой его величества по квартирмейстерской части.

¹ Глинка Ф. Указ. соч. Ч. 1-я, стр. 27.

В армии были упразднены не только штабы «дежурства» частей, но и полковые канцелярии. Командиры полков лишены были власти, а функции их, притом без всякой определённости, переданы инспекторам. Инспекторы же ведали и прежними военными округами. Старые территориальные наименования полков были заменены новыми, по фамилиям инспекторов, а номера рот — по фамилиям их командиров.

Всё это повлекло путаницу и расстройство в управлении армией. Сознание и инициатива её личного состава, от высших генералов до рядовых, были подавлены детальнейшей регламентацией, определённой многочисленными уставами, «Правилами» и «Наставлениями»¹, которые должны были предусмотреть все возможные в военном деле случаи и стали новилась универсальным катехизисом каждого военнослужащего. Всякая инициатива была не только отброшена, но и воспрещена, а обучение войск сведено к стройному движению в массах и точному выполнению ружейных эволюций.

Вредность павловских реформ очевидна. Ещё более нелепым было сокращение состава наиболее ценной егерской части пехоты (почти на две трети) и кавалерии (на одну треть). На этом фоне терялись и положительные стороны реформы: технически более правильное обучение и использование кавалерии и улучшение артиллерийской службы (создание строевых артиллерийских частей, разработка принципов и приёмов действия орудий и т. д.).

Не только Суворов и Кутузов, не только офицерство, но и все передовые представители русского общества понимали вред этих реформ. «В царствование императрицы Анны фельдмаршал Миних сделал некоторые изменения, но смертельный удар нашему войску... в особенности нанесли преобразования, наставшие после покойной государыни, — уже в 1802 г. писал видный русский государственный деятель, дипломат и знаток армии граф С. Р. Воронцов. — Наше войско не есть уже войско Петра Великого; того даже нельзя назвать русским войском при этой амальгаме нововведений, вызванных подражанием Пруссии и не имеющих никакого отношения к нашей земле»².

В этих условиях закончился первый период военной деятельности Кутузова, и после трёхгодичного его пребывания в отставке начался второй период.

III

В 1805 г. Наполеон развернул свою последовательную завоевательную политику в стремлении создать мировую империю. Начав с осады Англии, он готовил высадку десанта на её берега. Все европейские державы понимали, что победа Наполеона приведёт не только к «нарушению равновесия» Европы, но и к полной гегемонии Наполеона в Европе. Под влиянием этих опасений возник блок Англии с Россией и Австрией. На территории последней намечалось собрать русско-австрийские войска для нанесения сокрушительного удара Наполеону, который главные силы сосредоточил тогда в Булонском лагере, чтобы отсюда атаковать Англию.

По соглашению, в Австрию посылались 50 тыс. русских войск; за ними должна была следовать вторая колонна (Буксгевдена). Командующим первой колонной (армией), по договорённости между союзниками, был назначен Кутузов. Его ближайшей задачей являлось соединение с австрийской армией генерала Макка. Затем войска должны были вместе

¹ Отметим основные из них: Воинский устав о полевой пехотной службе; Воинский устав о полевой кавалерийской службе; Воинский устав о полевой гусарской службе; Тактические правила или наставления воинским эволюциям 1797 г.; Постановление генерал-майорам кавалерии 1796 г.; Правила о службе кавалерийской 1796 г. и ряд других.

² «Русский архив» № 11 за 1876 г., стр. 346. Записка графа С. Р. Воронцова о русском войске.

выступить против врага. Стратегический план начала кампании был выработан в обычном для австрийцев духе полного игнорирования инициативы противника. Между тем Наполеон, располагавший хорошей разведкой, узнав о русско-австрийских мероприятиях, в полной гайне вывел свои войска из Булони и быстро подошёл к Ульму. Здесь он окружил австрийскую армию и вынудил её к капитуляции. С присущим ему политическим остроумием он не взял военнопленным только командующего армией генерала Макка.

Когда Кутузов приближался к Ульму, разведка сообщила ему неясные, но тревожные сведения. Кутузов замедлил, а потом приостановил движение. Император Франц посылал ему из Вены предписания идти вперёд, но Кутузов воздержался. Он ждал сведений от разведки и получил их. Почти одновременно с этим в русскую главную квартиру явился «несчастный Макк»; всё стало ясно. Положение было критическим. Кутузов, считая с присоединёнными к нему австрийскими войсками, имел в то время до 55 тыс., а у Наполеона было более 200 тысяч.

«Соделавшись теперь, так сказать, единою защитою Вены,— писал Кутузов 10 октября 1805 г. в своём донесении из Браунау. — если вдамся вперёд, могу быть отрезан неприятелем, который троекратно сильнее меня; оставаясь здесь, равномерно должен ожидать, что буду атакован, и легко быть может, что принуждённым найдусь ретироваться к самой Вене. Я буду соображаться с движениями неприятеля и теми сведениями, какие получу от армии эрцгерцога, чтобы принять решимость в движениях, кои мне нужно будет учинить»¹.

Уже тогда Кутузов руководствовался стратегическими принципами, весьма близкими к тем, которые он развернул позднее, во время Отечественной войны. Любой полководец, любая армия могли гордиться не меньше, чем самой блестящей победой, таким мастерски проведённым обходным маневром, как 400-километровый марш от Браунау к Ольмюцу, навстречу войскам Буксгевдена. Этот марш напоминает суворовский отход в Швейцарии. Кутузовский маневр с его замечательными движениями и ударами по отдельным частям противника (на р. Траун, у Амштеттла и особенно у Дюрнштейна), ловкие стратегические ходы и умелое пользование военной дипломатией имели ту же цель, что и позднее, в 1812 г. спасти живую силу армии, растянуть коммуникации врага, истощить и ослабить его силы ударами по частям и затем, перейдя в наступление, полностью его истребить.

После неожиданной капитуляции Макка, опрокинувшей все планы австрийского главного командования и поставившей русскую армию в критическое положение, Кутузов предложил императору Францу свой, специфически «кутузовский» план спасения кампании. Он намечал временно оставить Вену французам, упорно защищать переправы на р. Энсе, затем перейти на левый берег Дуная и ни в коем случае не пропускать сюда неприятеля. Позднее же, когда будут стянуты все силы, начать новую кампанию и перейти в наступление. Австрийское правительство согласилось на оборону берегов Энсе. Но отступление австрийцев у Штейера и переход корпуса Мортье на левый берег Дуная вскоре сделали оборону невозможной, и Кутузов, вопреки распоряжению гофкригсрата, отошёл за Дунай, чем действительно спас свою армию. Попутно, на глазах Наполеона, он разгромил корпус Мортье и уничтожил дивизию Газана у Дюрнштейна, совершенно спутав оперативный план наступающей стороны.

Австрийцы же, столь возмущавшиеся мыслью о стратегической уступке Вены, вскоре не только потеряли её, но и дали возможность французской кавалерии беспрепятственно перейти на левый берег Дуная и двинуться наперерез пути отступления русских, стремившихся соеди-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА д № 3136, лл. 124—125.

ниться с подходившей из России колонной Буксгевдена. Чтобы спасти армию, надо было задержать наступающих, и Кутузов поручил это особому, боковому авангарду под начальством Багратиона, высланному к Голлабруну в составе 6 тыс. человек при 12 орудиях.

Выиграв время дипломатическими переговорами Багратиона с Мюратом о перемирии, использовав нечеловеческую стойкость и мужество сопротивления укрепившегося в Шенграбене бокового авангарда, Кутузов вновь вывел армию из-под удара. Соединив свои силы, он намеревался, продолжая отступление, использовать факторы пространства и времени, позволявшие союзникам усилиться и, наоборот, ослаблявшие Наполеона. Надо думать, что эта тактика, столь напоминающая 1812 г., принесла бы удачные результаты и, во всяком случае, исключила бы катастрофу. Но прибытие в армию императоров Александра и Франца, их вмешательство в руководство военными действиями свело роль Кутузова как главнокомандующего к нулю в наиболее ответственный момент кампании. Вместо стратегии Кутузова был выдвинут мёртвый, доктринёрский план Вейротера, и кампания закончилась Аустерлицем, воспоминание о котором ещё более отдалило Александра от Кутузова.

Та же широта стратегической мысли характеризует деятельность Кутузова как главнокомандующего Молдавской армией в кампании 1811 года. Назревал конфликт с Францией, и перед Кутузовым была поставлена задача — как можно скорее закончить войну и вынудить противника к миру. Но нельзя было приступать к активным операциям, не упорядочив общее, весьма тяжёлое положение. Кутузов стал налаживать подвоз продовольствия и стягивать к Бухаресту разбросанные силы (около 46 тыс. чел.). Это требовало времени, и, чтобы выиграть его, Кутузов вступил с противником в переговоры о мире. Турки пошли на переговоры: они тоже нуждались в передышке, для того чтобы закончить свою подготовку к наступлению. Так прошло почти два месяца. Соглашение, конечно, не могло быть достигнуто, и военные действия возобновились.

Визирь Ахмет-бей, командовавший турецкими войсками, двинул свои главные силы к Рущуку, занятому русскими ценой больших потерь. Визирь намеревался вернуть Рушук, переправиться через Дунай и атаковать русских у Бухареста во фронт и фланг. В то же время 20-тысячный корпус Измаил-бея, заранее высланный в обход Кутузова, от Софии через Малую Валахию, должен был напасть на русских с тыла.

Тщательно наблюдая за действиями визиря, Кутузов разгадал его намерения и, учитывая слабость связи, несовершенство управления в турецких войсках и трудность маневрирования в бездорожной местности, противопоставил врагу собственный план, сущность которого до времени оставалась тайной.

Установив наблюдение за корпусом Измаил-бея, Кутузов поручил генерал-лейтенанту Зассу атаковать противника в благоприятных для себя условиях или, дождавшись, когда он углубится в лежавшую на его пути болотистую местность, «не выпустить его на твёрдую землю»¹.

Главное внимание Кутузов сосредоточил на Рущук. Он перевёл свои войска через Дунай и выдвинул на 4—5 км навстречу противнику почти половину своей армии (до 18 тыс. чел.) и большую часть артиллерии. Войска были построены в расположенные друг за другом каре — два пехотных и одно кавалерийское. Учитывая численное преобладание наступавшего противника (около 60 тыс. чел.), Кутузов сначала ограничился обороной укреплённых позиций, опиравшихся на лежавшую сзади крепость.

Первый натиск врага стоил русским больших потерь. Вражеская кон-

¹ ЦГВИА, ф ВУА, л. № 2952, лл. 277—278.

ница прорвалась в тыл, но, получив жестокий отпор, вынуждена была поспешно отступить. Бросив на врага свою кавалерию, Кутузов погнал конницу турок на их же собственную пехоту и, пользуясь сумятицей, двинул в атаку весь фронт.

Полностью разгромить столь превосходившие силы врага было невозможно, но понесённое им поражение было так тяжело, что визирю пришлось поспешно отступить, бросив на поле битвы раненых и большое количество военного имущества.

Русские генералы и вся армия, восхищённая победой, рвались преследовать противника к Шумле, но Кутузов благоразумно сдержал этот порыв: наступление могло стоить дорого, а решительных результатов не дало бы. Дальнейшие действия Кутузова вызвали общее изумление и даже ропот. Вместо того чтобы использовать победу, он оставил Рушук, предварительно срыв его укрепления, переправился на левый берег Дуная, разрушил мост и отступил на один переход к северу.

Рушук был единственным пунктом в руках русских на правом берегу реки, и оборона его сковывала значительную часть войск. Оставляя Рушук, Кутузов выигрывал в маневренности. Самое отступление было задумано как стратегический маневр, который «только и можно было произвести после выигранной баталии и ежели бы вместо выигранной батэлии была бы хотя малая неудача, тогда должно было... не оставлять Рушук»¹.

Визирь в соответствии с приказаниями султана и сложившейся обстановкой занял Рушук, но сразу переправиться через Дунай не решился: он ожидал известий о движении корпуса Измаил-бей, которых, однако, не поступало. Заходя в русский тыл, Измаил-бей на переправе через Дунай встретился с 5-тысячным отрядом Засса, а после переправы вынужден был углубиться в огромные топкие болота, тянувшиеся в окрестности Калафата; из этой топи выбраться можно было только по двум дорогам. Когда турки ушли в болота, Засс при поддержке подошедших отрядов О'Рурка и Воронцова прочно занял выходы и «совершенно стеснил и запер неприятеля в Калафате»².

Прошли июль и август. Кутузов терпеливо ждал.

Понукаемый из Константинополя, визирь в начале сентября начал, наконец, переправу через Дунай. С большими трудностями из-за действий русской речной флотилии он перевёл на левый берег реки, к Слободзее, больше половины своей армии и после жестоких боёв закрепился здесь. Меньшая часть войск оставалась ещё в лагере у Рушука в ожидании переправы, закончить которую визирь не торопился. Этого-то и дождался Кутузов, добившийся к этому времени подкрепления в две дивизии. Одну он назначил для охраны левого фланга, а другую — для усиления главных сил.

В конце сентября Кутузов ночью переправил через Дунай и двинул к Рушуку сильный отряд генерала Маркова (5 тыс. штыков, 2500 сабель, 34 орудия), который внезапной атакой разгромил противника и обратил его в паническое бегство. «Неприятель потерял убитыми, на месте оставленными полторы тысячи человек, да в плен взято до 900... Наша же потеря состоит в 6 убитых и 40 раненых в нижних чинах»³.

Затем с берега начался артиллерийский обстрел переправившейся через Дунай вражеской армии. Подошедшие с другой стороны главные силы Кутузова, прижав противника к реке, взяли его под артиллерийский огонь с близкой дистанции. «Заняв своими войсками берег неприятельской... прервав почти совершенно с Рушуком коммуникации туркам, находящимся в большом лагере на сей стороне... войска главного корпуса

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 2952, лл. 251—252.

² Там же, д. № 2934, л. 148.

³ Там же, л. 153.

сернированы... с моей позиции»¹, — писал по этому поводу Кутузов Багратиону 2 октября.

У визиря оставалось только два выхода — сдаться или бесцельно погибнуть. Турки поспешили предложить мир. Кампания, проведённая как шахматная игра, закончилась.

Переговоры оказались, однако, трудными. Наполеон удерживал султана от каких-либо уступок. Только исключительно ловкая и настойчивая дипломатия Кутузова могла вынудить согласие на подписание мира.

Почти накануне войны с Наполеоном Кутузов заключил с Турцией трактат, согласно которому Россия навсегда получила Бессарабию с крепостями Измаилом, Килией, Бендерами, Хотинем и Аккерманом.

IV

Молдавская кампания завершила второй период боевого творчества Кутузова. Он выступает здесь как главнокомандующий и талантливо решает новые задачи действия на больших территориях против превосходящих сил противника.

И если в 1805 г. дело Кутузова было испорчено вмешательством императоров Александра, Франца и окружавших их военных теоретиков, то в 1811 г. свою великолепную военную победу он сам завершил победой дипломатической.

И в 1805 и в 1811 гг. Кутузов выступал как достойный представитель суворовской школы, сумевший завещанные его предшественниками принципы воплотить в новых условиях.

Опыт кампаний 1805—1807 гг. показал насущнейшую необходимость пересмотра павловской военной системы, и Александр пошёл на это. Но ни он, ни его окружение не верили в пользу столь простого решения вопроса, как возвращение к национальным принципам и порядкам, воскрешению духа петровского Устава, румянцевского «Обряда службы», суворовской «Науки побеждать». Разгром Пруссии, осуществлённый Наполеоном в 1806 г. с невиданной лёгкостью, заставил хотя бы временно отвернуться от опозоренного прусского военного искусства, искать образцов и примеров во Франции.

Учиться у победителя, конечно, было естественно, но его уроки хотели расширить и исправить дополнительными умствованиями всё ещё не терявших престижа при русском дворе немецких теоретиков в сочетании с учением француза Гибера. Решено было восстановить практику лагерных сборов, маневров, обучать солдат прицельной стрельбе, упростить формы построений. Привычка плацпарадных «эволюций» всё ещё оставалась в силе. Но даже такие любители муштры, как великий князь Константин Павлович, стали находить, что это дело нельзя доводить до военной «танцевальной науки».

Под влиянием военного министра Барклая де Толли вновь ввели действие пехоты в рассыпном строю. А выпущенное в 1812 г. «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения» знаменовало уже прямое возвращение к порядкам национальной русской тактики, неуклонно применявшейся Кутузовым, — широкое использование стрелковых цепей, резервов, меткой стрельбы, решающего штыкового удара. Значительно усовершенствовалась постановка действий артиллерии — как в смысле увязки с действиями других родов войск, так и создания артиллерийского резерва, согласно кутайсовским «Правилам для артиллерии в полевом сражении» 1812 года. Были изданы тактические руководства для офицеров, среди которых большим авторитетом пользовался известный труд Жюмини «О великих военных действиях».

Развитие военной мысли отразилось и в утверждённом 27 января 1812 г. «Учреждении для управления большой действующей армии». Тогда же было разработано «Положение для крепостей, на базе военных

¹ ЦГВИА, ф. 103, оп. 200, сз. 33, д. 55, лл. 2—3.

действий расположенных». Кроме того было составлено несколько вариантов мобилизационных планов, оставшихся, однако, неиспользованными.

Осознав неизбежность решительной борьбы с Наполеоном, правительство Александра принимало меры к увеличению численности состава армии: к началу 1812 г. только в полевых войсках (не считая учебных и гарнизонных) было 480 тыс. человек, в том числе 365 тыс. пехоты, 76 тыс. кавалерии и 40 тыс. артиллерии при 1620 орудиях. При российских просторах и необходимости содержания крупных сил на окраинах из этого общего числа на западные границы, однако, могло быть выделено не более 220 тысяч.

В войсках, которыми командовал Кутузов, начала русского военного искусства не умирали. Это высоко ценили и солдаты, и офицеры, и общество. Кутузов становился главой национального военного течения, представленного буквально всей массой военных имён, позднее прославленных в Отечественной войне под начальством старого фельдмаршала. Даже его личные недоброжелатели и критики входили в этот круг.

Когда Кутузов принял командование войсками в Отечественной войне 1812 г., он, вероятно, ещё не имел законченного, точно разработанного плана, но у него была уже в то время общая стратегическая концепция, при которой условиями достижения конечной цели — изгнания завоевателей — ставились: сохранение живой силы армии посредством отступления; одновременное вовлечение в войну всей силы народа и при его помощи разрушение вражеских коммуникаций и всех видов снабжения; последующее нанесение ослабленному противнику удара, и, наконец, полное его уничтожение с помощью народа и координированными действиями всех войск с фронта, с тыла и с флангов.

Сохранение Москвы Кутузов в тот момент считал необходимым, как видно из его писем к Ростопчину.

Приняв командование, Кутузов начал с самого простого и насущного — с упорядочения материального быта армии, расстроенной быстрыми отступлениями, и с поднятия её духа, подавленного по той же причине. Уже само по себе назначение старого полководца подействовало благоприятно; по войскам сразу пошла поговорка: «Приехал Кутузов бить французов». Кутузов быстро добился того подъёма настроения в войсках, который «есть множитель на массу, дающий произведение силы»¹. Но, чтобы сохранить этот дух, необходимо было дать армии возможность убедиться в своей силе, в способности защитить родину и сокрушить врага или, во всяком случае, приостановить его наступление. Это могло быть достигнуто прежде всего активизацией боёв и использованием фланговых армий. Вместе с тем Кутузов, как видно из всей совокупности его распоряжений, стал всё большее значение придавать народной войне. Он намеревался усилить оборону, создав из войск генерала Милорадовича «вторичную стену» между Дорогобужем и Москвой. На подступах к Москве Кутузов предполагал дать врагу сражение и задержать его натиск.

Но к моменту вступления Кутузова в командование такое большое сражение было всё ещё не своевременным. Распоряжения, посланные генералам Витгенштейну и Тормасову, ещё не могли дать результатов: подкрепления, на которые рассчитывал Кутузов, не подошли, и полководец продолжал отступление, обещая армии, которая рвалась в бой, что день решительной битвы близится. Действительно, уже наступал момент, когда противник оторвался от своих баз, силы его уменьшались, расплывшись на охрану коммуникаций, вследствие громадных потерь отсталыми и заблужденными, а также убитыми и ранеными. Надо было определить место для решительного сражения.

¹ Толстой Л. Война и мир. Соч. Т. VII. Ч. 3-я, стр. 172.

Большинство дореволюционных военных исследователей порицает Кутузова за выбор позиции у Бородина. Многие (начиная с генерала Ермолова) пытаются даже доказывать, что позиция под Царёвым-Займищем была выгоднее. Современники, высказывавшие такое мнение, были явно пристрастны. Бородинская позиция, как писал в своих реляциях Кутузов, была лучшей из того, что можно было выбрать в подмосковных «плоских местах» на пути к Москве.

К тому же выбор позиции не зависел полностью от желания полководца. На предыдущем отрезке пути было ещё меньше возможностей решиться на генеральное сражение, хотя бы потому, что к армии не присоединились ещё ополченские формирования, которых ждал Кутузов. Продолжать отступление к Москве без боя или хотя бы в надежде дать бой где-то в непосредственной близости Москвы тоже не представлялось возможным. Итак, поскольку являлось необходимым «не теряя времени дать сражение и найти на протяжении двух — трёх переходов подходящую местность», Кутузову приходилось мириться со многим, и он, как и высланный им для осмотра Толь, «не был в состоянии найти лучшей позиции, чем под Бородино»¹.

Необходимость сражения созрела в обострении арьергардных боёв, и Кутузов дал его, хотя ему и не удалось к тому времени ни получить достаточных подкреплений, ни даже инструментов для инженерных работ², а операция, намеченная на правый фланг противника, не получила развития.

Очень разумной надо признать систему укреплений позиции и размещения на ней вооружённых сил с сосредоточением возможностей обороны на правом фланге, куда можно было ожидать удара противника, и где, в случае успеха, он мог бы достигнуть решительных результатов. Сосредоточение сил на этом участке, пересекаемом Смоленским трактом, было важно для Кутузова и на случай неудачи. Более слабое левое крыло было усилено искусственными укреплениями, а крайний фланг защищён кустарниками и перелесками, исключавшими возможность для противника действия кавалерийскими массами и для охвата фланга. Но и в случае успеха на левом фланге враг не достиг бы решительной победы: у русских остались бы все возможности организованного отхода.

Принятое Кутузовым расположение сил и средств обороны заставило Наполеона в конечном итоге перейти к фронтальным атакам, стоившим ему на узком фронте колоссальных жертв и непоправимо обескровившим его армию.

Опускаем тактический разбор сражения. Напомним лишь, что войскам Кутузова противостояла численно превосходящая армия³, возглавляемая полководцем, увенчанным славой непобедимости, и всё же Наполеон вынужден был в конце дня отвести с поля свои войска. Огромные потери русских в конечном итоге оказались значительно меньше, чем у французов⁴. Ни та, ни другая сторона не получила решительного перевеса. Но Кутузов вправе был говорить о бородинской победе: стратегическая победа оказалась достигнутой им—этого не могли не сознавать Наполеон и его армия. Рассказывают, что на другой день после сражения маршалы, собравшиеся утром возле палатки Наполеона в ожидании его выхода, обсуждали события предыдущего дня. Все были подавлены и считали неудачу очевидной, а Ней был в таком возбуждении, что даже сказал о На-

¹ Клаузевиц К. 1812 год, стр. 85. М. 1937.

² Поликарпов Н. К истории Отечественной войны 1812 г. Вып. 3-й, стр. 20.

³ По вновь обнаруженному в архиве Государственного исторического музея французскому документу, армия Наполеона на Бородинском поле состояла из 180 тыс. чел. (против обычно принимаемых 130 тыс.).

⁴ 42½ тыс. русских против 58½ тыс. французов. Кац Б. Подлинные потери русской армии в Бородинском сражении. «Исторический журнал» № 7—8 за 1941 г., стр. 124—126.

полеоне: «Если он разучился своему ремеслу, пусть уж лучше уезжает в Тюльри». Ней, впрочем, был неправ. Дело заключалось отнюдь не в ошибках Наполеона и не в его насморке, будто бы повлиявшем на исход сражения, а в тех условиях, которые были созданы Кутузовым на поле битвы для наступающей стороны, в его руководстве сражением, в мужестве и стойкости русских войск, в искусстве их командного состава. Бородинское сражение стало роковым для «великой армии». Это был рубеж в развитии событий.

Наполеон, как утверждают, мог бы выиграть сражение, введя в действие свою гвардию, но он не сделал этого и поступил разумно: пиррова победа была бы для него ещё губительнее, чем неопределённость. Не растрагивая своих резервов и Кутузов. Он мог бы продолжить сражение, но не хотел ни рисковать, ни жертвовать: ему нужна была не тактическая, а стратегическая победа, и вопрос для него, как он писал Александру, заключался «не в славе только выигранных баталий, но вся цель устремлена на истребление французской армии»¹. В основном цель сражения была достигнута. Изучив противника в бою и учтя реальное соотношение сил, Кутузов нашёл нужным отойти. Он сохранил этим армию и заставил Наполеона вступить на гибельный для его войск путь. Новое сражение под Москвой было невыгодно во всех отношениях. С точки зрения тактической, позиции для боя были неудобны. Обещанные подкрепления всё ещё не подошли; противник обходил Москву по Боровской и Звенигородской дорогам, и в случае битвы вышел бы в русском тылу значительными силами. Создавалась обстановка, благоприятная для врага: выиграв сражение, он действительно получил бы громадные шансы на выигрыш войны².

Мудрое решение Кутузова сдать Москву без боя было поистине одним из самых поразительных актов величия ума и стратегического таланта Кутузова. Позднее Наполеон и сам признал огромные ошибки, которые допустил, взяв Москву и задержавшись в ней³.

Движение Наполеона к Москве и отход от неё Кутузова были тем этапом кульминации борьбы, когда наступающий, истощив себя, близится к опасному моменту вынужденного сокращения активности, а затем перехода к обороне. Вступление Наполеона в Москву совпадает с резким ослаблением его способностей к наступлению, а фланговый маневр к Подольску, Красной Пахре и Тарутину знаменовал переход инициативы в руки Кутузова⁴.

К этому времени дальнейший ход войны был уже ясен для фельдмаршала. Выведя фланговым маршем свою армию через Москву к Подольску, Красной Пахре и к Тарутину, он остановился тут, закрывая противнику путь на юг, богатый продовольствием. С этой позиции он брал под угрозу пути отступления «великой армии», и современник правильно отметил, что маневр к Тарутину явился «первым наступательным действием» русской армии в кампании 1812 года⁵.

В предписании от 23 сентября Кутузов сообщает генералу Витгенштейну, что при нынешнем осеннем времени, когда движения «большою армиею делаются совершенно затруднительными, решил я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо разделённые силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его... находясь

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, л. № 3470, л. 1655. Из донесения 27 августа.

² Документы, относящиеся к истории 1812 г. Вып. 14-й. Ч. 1-я, стр. 91, 94. СПб. 1913; «Отечественная война 1812 г». Сборник документов АН СССР, стр. 83. 1941.

³ Наполеон высказал это в беседе с князем Понятовским в Варшаве во время бегства из России. Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.), стр. 419. СПб. 1882.

⁴ Клаузевиц К. 1812 год, стр. 81. Воениздат. 1937; его же, О войне. Т. II, стр. 269, 324. Воениздат. 1937.

⁵ Харкевич В. 1812 год в записках и воспоминаниях современников. Вып. 2 й, стр. 199. Вильно. 1903.

ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску. Кроме сего вооружены ополчения калужское, рязанское, владимирское и ярославское, имеющие все свои направления для поражения неприятеля»¹.

В том же предписании Кутузов указывает, что Тормасов, к этому времени соединясь с Молдавской армией адмирала Чичагова, «пошёл на принца Шварценберга»².

Усиливая и укрепляя в Тарутине свою армию, напряжённо обучая новобранцев, руководя всё шире развёртывавшейся народной войной, Кутузов видел рост своих сил и наблюдал за постепенным разложением сил противника, уже стремившегося к миру ценой любых уступок. Учитывая создавшуюся обстановку и психологию «великой армии», Кутузов считал какое бы то ни было сражение в это время не только излишним, но и вредным. Он энергично развёртывал «малую войну», поддерживал и укреплял партизанское движение крестьян, придавая ему прочные основы. Из состава армии выделялись кавалерийские отряды, первоначально мелкие, а потом крупные. Они заранее получали определённые направления, имея задачей действия на коммуникации противника. В дальнейшем опыт показал целесообразность расширения партизанской армейской сети за счёт донских казачьих отрядов, и Кутузов пошёл на это. Армейские отряды наряду с выполнением собственных боевых задач должны были составить костяк массовых народных, партизанских отрядов, придать партизанской войне организованный характер, согласовать её действия с действиями армии и подчинить одному общему руководству.

Враг, запертый в Москве, был всё ещё силен. Создав невыносимое для врага плотное партизанское окружение, Кутузов хотел как можно долее удерживать его в этом состоянии. Фельдмаршал стремился достичь победы ценой минимальных потерь русской крови и для этого добивался полного управления обстановкой и ходом всех событий. Даже самое наступление, которое подготавливал Кутузов, как и вся эта война, должно было протекать в совершенно необычных, новых формах одновременного, согласованного действия всех наличных сил, управляемых единой волей главнокомандующего.

С падением Москвы народная война получила необычайный размах. Кутузов знал, что если для француза падение Парижа всегда значит поражение Франции, так как подрывает и моральные и материальные силы сопротивления, то для русского падение Москвы, как и за двести лет до того, станет источником нового, мощного подъёма народной борьбы³. «Вы шутите, господин маршал, — сказал в Тарутине Кутузов маркизу Лористону в ответ на предложение о прекращении войны. — Неужели вы забыли, что до сих пор мы только и делали, что отступали? Война для нас теперь только начинается!»⁴.

Стремление к координированному действию всеми наличными вооружёнными силами в стратегическом плане Кутузова оставалось прежним. Сообщая 6 сентября адмиралу Чичагову о расположении после оставления Москвы своей операционной линии «по дорогам Тульской и Калужской и Смоленской», Кутузов приказал Чичагову, «соединясь с войсками генерал-лейтенанта Эртеля, идти сколь возможно будет кратчайшим и удобнейшим путём к Могилёву на Смоленскую дорогу и далее к помянутой линии, как для сближения с здешними армиями, так и для угрожения неприятельского тыла и пресечения всякого сообщения его»⁵.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 3514, л. 345.

² Там же, л. 346.

³ Как свидетельствуют современники, смысл оставления Москвы очень скоро был понят и солдатскими массами. См., например, «Два рассказа из истории 1812 г.». «Русский архив», стб. 1676 за 1858 год.

⁴ Вяземский П. Письма русского ветерана. Т. VI, стр. 413. СПб. 1881.

⁵ ЦГАДА, разр. XX, д. № 385, л. 4. 1812

Стратегические намерения Кутузова, определившиеся ещё до Бородине, нашли живой отклик в Петербурге. На этой основе был составлен — то ли императором Александром лично, то ли полковником Чернышёвым — известный план¹. Получив этот утверждённый в Петербурге план во время стоянки армии в Красной Пахре, фельдмаршал отметил его чрезвычайную близость к своему собственному плану, с той лишь разницей, что в предложенном варианте, который Кутузову предоставлялось принять или отвергнуть, координированное действие армий намечалось без их предварительного сближения. Фельдмаршал находил это невыгодным, а координированность удара в этих условиях — трудно осуществимой². Однако, намереваясь на практике внести в план нужные исправления, Кутузов ограничился лишь общим замечанием.

Было очевидно, что движение Тормасова и Чичагова в сочетании с угрозой со стороны Тарутина вынудит Наполеона позаботиться об отступлении. Вместе с тем в этой фазе войны Кутузов хотел сочетать сокрушающие силы армии с мощью народной войны в условиях русского пространства и климата. Именно для верной гибели врага он отказывался от преждевременного нападения: это могло бы заставить атакующую армию сплотиться для обороны, что, несомненно, задержало бы процесс её распада.

К тому же Кутузов полагал, что Наполеон скоро поймёт всю нецелесообразность задержки в Москве и оставит её, чтобы перейти к активным операциям. Важно было установить момент конца этой «паузы» в действиях Наполеона, чтобы опередить его и не допустить присоединения к его силам стоявшего на реке Чернишне корпуса Мюрата. Внимательно наблюдая за противником, Кутузов очень точно определил этот момент. Когда он, наконец, приказал атаковать Мюрата и развернул Тарутинское сражение, это удивительным образом совпало во времени с решением Наполеона оставить Москву. Во время боя Кутузов получил перехваченное казаками распоряжение маршала Бертье об отправлении тяжестей к Можайску. Фельдмаршал понял, что начинается новая фаза войны, и удержался от искушения преследовать и окончательно уничтожить разбитый

¹ Большинство историков (Харкевич, Ниве, не говоря уже о более старых) приписывает его Александру. Текст плана впервые издан Богдановичем. Соч. Т. II, примечание к гл. 27.

Нельзя не отметить, что стремление к воздействию на противника с разных направлений не было в это время исключительно «кутузовским». Ещё 9 августа Барклай де Толли в своём письме императору для задержки неприятеля предлагал развернуть операции Тормасова на правый фланг Наполеона, со стороны Волыни и Мозыря. Одновременно с этим следует провести диверсию на левый фланг Наполеона, высадив десант в Пруссии, Курляндии или Лифляндии (Колюбакин Б. Война 1812 года. «Труды Русского военно-исторического общества». Т. V, стр. 61. СПб. 1912). Идея эта была понятна и другим генералам. Так, Винценгероде в письме Александру от 16 сентября, правильно оценивая значение флангового марша Кутузова, вместе с тем предлагает, «чтобы тот или другой корпус на Волыни был во-время направлен на Могилёв или Смоленск; удачное нападение на один из этих пунктов немедленно поправит наши дела, желать же обойти врага на большом расстоянии мне кажется теперь не исполнимым». (Документы, относящиеся к 1812 г., под ред. Строева. Вып. 14-й. Ч. 2-я, стр. 233—234. СПб. 1913). Координация этих действий с действиями главной армии, однако, никак не предусматривалась, и предложения, в сущности, сводились к расширению уже осуществлявшихся операций на обоих флангах войсками Витгенштейна и Тормасова. Только Кутузов совершенно отчётливо наметил идею одновременно координированного действия армий по складывшимся направлениям, предусмотрев при этом их предварительное сближение.

² Документы 1812 г., под ред. Строева. Ч. 1-я, стр. 99—100. «До сего сделал бы по я Тормасову и Чичагову предписание, которое при сем в копиях поднося, изволите усмотреть малое различие в полученном вновь плане Вашего императорского величества», — пишет фельдмаршал в том же документе, вновь предлагая к плану важнейшую поправку о предварительном сближении группы вовлечённых в действие армий, так как «отдалённые диверсии от главного действия не могут иметь... такого влияния, как ближние».

корпус Мюрата¹. В ночь на 7 октября французская армия двинулась из разорённой столицы.

В то время как русские атаквали Мюрата, высланная из Москвы дивизия генерала Брусье двигалась по Новой Калужской дороге к Фоминскому, в обход левого фланга войск Кутузова. Так приступил Наполеон к осуществлению своего плана—спуститься к Калуге, овладеть её обильными продовольственными запасами и, укрепив армию, по неразорённой местности отступить к Смоленску. Вслед за Брусье выступили главные силы Наполеона; войска маршала Ней растянулись по Старой Калужской дороге, для того чтобы скрыть действительное направление марша Наполеона и этим обмануть русских.

Получив сведения о появлении французов у Фоминского, Кутузов 10 октября выслал туда корпус генерала Дохтурова. Скоро от Дохтурова пришло донесение, что, по показаниям пленных, в Фоминском сосредоточились главные силы Наполеона, который, видимо, думает идти к Малоярославцу. Почти одновременно стало известно, что и Ней, оставив Старую Калужскую дорогу, двинулся на соединение с главными силами. Наполеон, видимо, хотел прорваться к Калуге с тем, чтобы, «приняв за линию основания Орловскую, Черниговскую и Могилёвскую губернии, учредить себе новую операционную линию через Рославль, Рогачёв, мимо Бобруйска на Слуцк и Несвиж к западной границе России, заняв для обеспечения сей линии малыми корпусами от 2 до 3 тысяч человек города Болхов, Брянск и Бежицу»². В случае удачи Наполеон мог бы, во-первых, отступить к Днепру по богатой продовольствием местности, во-вторых, сблизиться с корпусами Сен-Сира, Удино и армией Шварценберга, и, наконец, заняв новые позиции, подкрепить в течение зимы армию польскими формированиями и с весны 1813 г. вновь перейти к активным операциям.

Осуществление этого плана не только вывело бы армию Наполеона из её тяжёлого и опасного положения в Москве, но сделало бы войну затяжной, а исход её неопределённым.

Кутузов считал поэтому важнейшей и решающей задачей не допустить продвижения врага к Калуге.

Вечером 10 октября 1812 г. русская армия спешно выступила к Малоярославцу, у которого уже развернулось напряжённое сражение. Город восемь раз переходил из рук в руки. Ночью к поредевшему корпусу Дохтурова подоспели на подмогу посланные фельдмаршалом войска генерала Милорадовича. Русские закрепились на южной окраине Малоярославца. Главные силы остановились в окрестностях села Спасского.

В штабе Кутузова шли споры. Генерал-квартирмейстер Толь настаивал на немедленном ударе по зрьергарду Наполеона. Враждебный фельдмаршалу Беннигсен уверял, что мы теряем время, противник атакует нас и произойдёт «второе издание сражения при Эйлау»³. Кутузов всех слушал, но не следовал ничьим советам. «Завтра, — сказал он вечером, когда по донесениям составил себе полную картину обстановки, — должно быть генеральное сражение, без которого я ни под каким видом Наполеона в Калугу не пушу». Это решение полностью соответствовало плану задержать противника в голодной зоне, в пределах которой, с Москвой, как завершительным пунктом, изолировал «великую армию» Кутузов. Уклоняясь ранее от сражений, которые он считал не только опасными, но и бесполезными, фельдмаршал готов был теперь на любые жертвы, чтобы не позволить врагу вырваться из полосы опустошений, им причинённых.

¹ Подробно об этом см. в вышеуказанной статье П. Рындзюнского Кутузов в Тарутинском лагере.

² «1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников». Вып. 2-й, стр. 212.

³ Записки Левенштерна, стр. 112—120.

Правильность и своевременность принятого решения лучше всего подтверждает ответное решение Наполеона. Император, привыкший сражениями определять судьбы Европы, на этот раз нашёл необходимым уклониться от боя.

Утром 13 октября Кутузову донесли о скоплении крупных французских сил у Медыни. Отсюда опять открывалась возможность обхода левого русского фланга и прорыва к Калуге. Вопреки общему желанию фельдмаршал отменил распоряжение о битве и приказал отступить к Полотняному заводу. Остановившись здесь, он перехватил дороги к Калуге и от Малоярославца и от Медыни. Это был несравненный тактический ход.

«Неприятельское стремление было обойти меня,— доносил Кутузов 20 октября императору Александру,— и пройти к Калуге, дабы тем ворваться в изобильные наши провинции. Сие заставило меня, оставя Старую Калужскую дорогу, перейти на Новую, где я упредил неприятеля у Малоярославца. Знатный его корпус был и на Медынской дороге, ведущей к Калуге. Неприятель отражён был от Малоярославца; я же с главною частью армии перешёл на Медынскую дорогу... Предупреждённый на всех дорогах, неприятель ретироваться стал через Верею к Можайской дороге»¹.

Дальнейшие формы действия против врага были твёрдо установлены Кутузовым. «Полагая ему нанести величайший вред параллельным преследованием и, наконец, действовать на его операционную линию, большая наша армия расположена у слободы Полотняных заводов»²,— сообщил генерал Коновницын Витгенштейну по поручению фельдмаршала 16 октября.

Когда Наполеон увидел, что пути на юг прочно заперты, он не решился атаковать стоящую у Полотняных заводов армию и начал отступление. В русский штаб поступили сведения, что «неприятель находится около Вереи и Боровска, что больных и обозы свои направляет назад по Смоленской дороге» и, видимо, решился «взять направление через Можайск на Смоленск»³. Но Кутузов не сразу поверил в это, тем более, что разведка ошибочно донесла о появлении французов севернее Смоленской дороги. Опасаясь, что император попытается с той стороны искать неразорённой дороги к Смоленску, Кутузов передвинул войска к Кременскому, чтобы снова перерезать путь «великой армии». Но она уже бежала из России по тому пути, куда загнал её Кутузов, по разорённой и опустошённой местности, в плотном партизанском окружении, парализовавшем всякую возможность для французов добыть себе хотя бы минимум необходимого провианта. Осторожно, но твёрдо он регулировал это гибельное движение, неуклонно преследуя врага.

Параллельное преследование было рассчитано не только на истребление противника голодом, а позднее и морозом, как это часто изображают. Губительность этих факторов в расчётах фельдмаршала занимала видное место, но наряду с тем враг подвергался планомерному уничтожению народными, партизанскими отрядами и ещё больше — выделенными из состава войск армейскими отрядами.

Положение это с полной отчётливостью устанавливается документами. Журнал военных действий главной квартиры⁴ день за днём отмечает истребительную деятельность армейских «партизанских» отрядов. Так, например, 14 октября полковник князь Кудашев атаковал противника близ Боровской дороги, отбил более 100 фургонов с провиантом, «множество лошадей», «взял в плен около 400 человек и убил по крайней мере 280»,

¹ ЦГВИА. ф. ВУА, д. № 3514, л. 475.

² Там же, л. 453.

³ Из донесения Кутузова от 16 октября. Цит. по Богдановичу. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. Т. III, стр. 422. СПб. 1865.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3935.

потеряв сам при этом лишь 4 человека убитыми и 8 ранеными. В тот же день в стычке у селения Шаликово Кудашев захватил ещё 400 пленных.

20 октября подполковник Давыдов между Вязьмой и Гжатском наносит врагу крупный урон, захватывает 70 провиантских фур и берёт 230 пленнх. 27 октября граф Орлов-Денисов присылает 250 пленнх, а на другой день в селе Ляхове, близ Ельни, истребляет множество французов и захватывает в плен 60 офицеров во главе с генералом Ожеро и более 2 тыс. солдат. 26 и 27 октября Платов громит корпус вице-короля, отбивает у противника 64 орудия и наносит ему огромные потери, а вслед затем при переправе 4-го французского корпуса через реку Воль берёт ещё 23 орудия и несколько сот пленнх. Почти одновременно с этим генерал Милорадович «при Соловьёвой переправе отбил 21 орудие и 1000 пленнх».

В общем за октябрь одним только Плаговым захвачено более 123 орудий. За один день, 1 ноября, «отряды главной армии взяли в плен до 20 офицеров и до 2000 нижних чинов»¹.

Замечательны результаты боёв у Красного. Наполеон потерял здесь 6 тыс. убитыми, 20 тыс. пленными, 230 орудий; потери Кутузова — 2 тыс. человек.

Таким образом, представление о том, что при параллельном преследовании «великой армии» Кутузов ставил перед своими войсками лишь ограниченную цель — удерживать неприятеля в голодной зоне, — а остальное предоставлял создавшейся обстановке и действиям вооружённых крестьян, неправильно. Роль последних была, конечно, очень велика, но она усиливалась и подкреплялась планомерными действиями «партизанских» «отрядов главной армии». Именно при помощи этих отрядов Кутузов придавал преследованию характер систематического истребления врага, достигая этим методом более значительных результатов и при том ценой гораздо меньших потерь, чем в больших сражениях.

Твёрдо и последовательно осуществляя эту оригинальную и полностью отвечающую особенностям обстановки систему; фельдмаршал допускал также и крупные действия, вроде боёв под Красным, но решительно пресекал всякие попытки втянуть армию в «большое сражение». Известно, как много нареканий это вызывало даже в штабе Кутузова и как негодовал Роберт Вильсон. «Мы бы могли окончить войну при Малоярославце; могли бы взять и уничтожить похитителя престола и вице-похитителя и 50 тысяч человек при Вязьме, но фельдмаршал лишил Россию такой славы, а Европу — такой выгоды»², — писал Вильсон лорду В. Фельдмаршал реагировал на все нарекания только отдельными замечаниями. «В сражении 5 ноября, — рассказывает А. И. Михайловский-Данилевский, — заметив неудовольствие окружающих его, зачем не становится он на путь отступления Наполеона, Кутузов сказал: «За десятерых французов не отдам и одного русского. Неприятель скоро все пропадут, а если мы потеряем много людей, то с чем придём на границу?» А сею границу, куда указывал Кутузов, была ещё вся против России вооружённая и Наполеону раболепно подчинявшаяся Европа»³.

Многие современники впоследствии правильно оценили эту тактику: «Князь Кутузов, при дальновидном своём соображении, при великой своей опытности... не хотел приносить напрасно в жертву людей... Он видел ясно... что всякие сильные натиски стоили бы нам много лишней крови и не принесли бы более пользы, какую мы впоследствии поимели»⁴.

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3514, лл. 455—458 об. Письмо Кутузова Витгенштейну от 2 ноября.

² Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников, стр. 277. СПб. 1882.

³ Михайловский-Данилевский А. Император Александр I и его сподвижники. Военная галерея Зимнего дворца. Г. III, стр. 58.

⁴ Храповицкий Я. Воспоминания о Березинской переправе; Военский К. Отечественная война 1812 г. в записках современников, стр. 43. СПб. 1911.

Кутузов имел все основания быть убеждённым, что «после таких чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остаётся только быстро его преследовать и тогда... земля русская, которую мечтал он поработить, усеется костями его. И так мы будем преследовать неутомимо», — писал он в приказе по войскам от 29 октября. Лучше, чем кто бы то ни было другой, фельдмаршал предвидел, что и без больших боёв быстрое преследование гибнущего противника будет сопровождаться трудностями, и заранее призывал русские войска переносить эти трудности «с твёрдостью и терпением». «Пусть всякий помнит Суворова, — продолжал Кутузов в том же приказе, — он научал сносить голод и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа. Идём вперёд, с нами Бог, перед нами разбитый неприятель. Да будет за нами тишина и спокойствие»¹.

Могло казаться — так и казалось русским генералам, — что уже давно пора атаковать отступающих, разбить и уничтожить их. Но Кутузов не соглашался на это. Бой под Вязмой имел для него лишь частное значение, и он ликвидировал столкновение, как только оно стало перерастать в «большое сражение». «Ничто не могло заставить Кутузова действовать, — рассказывает современник, мало понимавший намерения фельдмаршала, — он не хотел рисковать и предпочёл подвергнуться порицанию всей армии»².

Рисковать и не нужно было. Враг и без того нёс должные потери, а остатки его армии Кутузов рассчитывал подвергнуть окружению.

В предписании Витгенштейну от 22 октября Кутузов, сообщая о движении главной армии в Вязме: «Откуда, ... держась левой стороны дороги, идущей от Вязмы до Смоленска, направиться через Ельню на Красной, стараясь выиграть там несколько маршей над неприятелем», — приказал поручить корпусу «графа Штейнгеля следовать за маршалом Сен-Сиром..., а вам, сообразуясь с моими движениями, сблизиться к Днепру и, наблюдая противника, через партизан «отрезывать ему отступный марш».

Одновременно с этим Кутузов выслал на подкрепление Витгенштейна два казачьих полка³.

На другой день, 23 октября, в предписании Чичагову Кутузов указал, что он «боковым маршем почти на одной высоте с... главным авангардом» идёт к Орше; если же неприятель направится на Могилёв, «то пресечёт оному совершенно путь». Витгенштейн, разбив Сен-Сира, должен «отрезать совершенно отступление главной неприятельской армии от Смоленска через Оршу и Могилёв». В соответствии с этим Кутузов приказал Чичагову, «оставя обсервационный корпус против австрийских войск, с другой частью обратиться в направлении через Минск на Борисов»⁴.

Отступавшая из Москвы стотысячная армия противника катастрофически таяла. После Смоленска в ней оставалось едва 50—55 тысяч. Тянувшиеся сзади дезорганизованные части становились жертвой партизан. (Охватом этих частей Кутузов и хотел ограничиться под Красным) Когда же оказалось, что в Красном Наполеон и гвардия, Кутузов решил прекратить сражение).

Нараставшие темпы параллельного преследования при трудностях снабжения и жестоких морозах влекли за собой в русской армии громадные потери отстающими⁵. Поэтому Кутузов не хотел форсировать маршей.

При быстром преследовании противника Кутузов рассчитывал использовать свои главные силы как наковальню, на которой остатки наполео-

¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 3524, л. 51 об.

² Левенштейн. Записки. «Русская старина» № 1 за 1901 г., стр. 123.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 3383, л. 387.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 3618, л. 540.

⁵ За путь от Малоярославца до Вильно число отставших достигло семидесяти тысяч.

новской «великой армии» будут разбиты ударами двух сомкнувшихся на линии Улы и Березины армейских групп — Чичагова и Витгенштейна. Эти армии численно превосходили собственные силы Кутузова. В главной армии тогда оставалось 44—45 тысяч. Центр тяжести операций на этом завершающем этапе переносился в тыл противника. В успехе операции на окружение Кутузов не сомневался, и весть о переправе Наполеона с частью войск через Березину была для фельдмаршала полной неожиданностью. «Я вчерашнего числа... извещился, что будто бы Наполеон с армиею своею перешёл... реку Березину, сему я почти верить не могу»¹, — писал Кутузов Чичагову 17 ноября.

Ошибки Чичагова и Витгенштейна, как известно, лишили березинскую операцию характера окончательного истребления врага. Кутузов, находившийся тогда в четырёх переходах от Березины, пришёл в бешенство. Гений Наполеона, вновь развернувшийся здесь во всём блеске, однако, мог спасти лишь ничтожные остатки армии. Его «успех» на Березине стоил ему не менее 30 тыс. человек.

В конечном итоге из России удалось бежать самому императору, около тысячи человек — остатки 575-тысячной «великой армии» (считая с её пополнением), — сохранившие ещё военную организацию, перешли через Неман. Всего разными путями спаслось и выбралось за русские границы до 30 тыс. безоружных, еле державшихся на ногах людей разных национальностей»².

V

Тягчайший удар, полученный Наполеоном в России, подобно подземному толчку, поколебал всё здание империи, созданной завоевателем, и предопределил её окончательную гибель в дальнейшем. Однако в начале 1813 г. политическое положение в Европе оставалось формально таким же, как и перед войной 1812 года. Империя Наполеона оставалась огромной силой, довлевшей над Западной Европой. Наполеон ещё обладал огромными ресурсами. Ему нужно было лишь время, чтобы их мобилизовать, закрепить покорность европейских государств и затем продолжать борьбу за мировое господство. Поражение в России, правда, могло и должно было вызвать отклик в ряде завоёванных Наполеоном государств, но существенной опасности для него в этом не было: если бы такие движения возникали, он мог бы подавлять их поодиночке. Войска для этого имелись, и Наполеон отнюдь не намеревался ослаблять их.

Для ведения войны Наполеон хотел и мог создать новую армию. В его казне ещё оставалось 160 миллионов золотом, вскоре по возвращении он добыл ещё 300 миллионов путём отчуждения общинных имуществ. Призыв 1813 г. дал 140 тыс. солдат, 100 тыс. человек были взяты из призыва старших возрастов. Свыше 120 тыс. дал досрочный призыв 1814 года. В приморских округах были собраны «флотские команды» численностью до 30 тысяч. 100 тыс. человек национальной гвардии также были взяты в войска и распределены по полкам. В общем уже в 1813 г. Наполеону удалось создать новую полумиллионную армию, хорошо вооружённую и обученную.

Русские государственные деятели хорошо понимали, как велика ещё мощь Наполеона, но не менее трезво учитывали и то, какой огромный ущерб он понёс в России. Отсюда делались различные выводы. Не вызывало сомнений, что Наполеон охотно заключит мир на выгодных для России условиях. Канцлер граф Румянцев и примыкавшая к нему группа полагали, что на такой мир следует пойти, требуя главным образом расширения русских границ до Вислы (за счёт Пруссии). Другие настаивали на продолжении войны до полного разгрома Наполеона и. во

¹ ЦГВИА. ф. ВУА, д. № 3518, л. 712.

² Н и в е. Отечественная война 1812 г., стр. 754. СПб. 1911

всяком случае, до освобождения всех среднеевропейских государств от его власти.

В начале похода 1813 г. Кутузову приходилось решать стратегическую задачу огромной трудности. Силы его были крайне ограничены. В Вильно в составе главной армии было только 27 тыс. человек. В бывшей Дунайской армии Чичагова было менее 30 тыс. человек, а в войсках Витгенштейна — менее 40 тысяч. Правда, на подкрепление главной армии в Вильно подошло пять пехотных полков князя Урусова, и в перспективе было дальнейшее её усиление. Но эти силы были ничтожны сравнительно с грандиозностью театра войны, имевшимися здесь вооружёнными силами врага и перспективой столкновения с новой «великой армией» над формированием которой уже работал Наполеон.

Основными ближайшими задачами Кутузов поставил себе прежде всего очищение Пруссии, поражение здесь живой силы противника и овладение его важнейшими опорными пунктами. Последняя задача рассматривалась как второстепенная. Операции на правом фланге преследовали политическую цель — вовлечь Пруссию в войну с Наполеоном, и стратегическую — завоевать стратегический плацдарм, с одной стороны, и пополнить свои силы прусскими контингентами — с другой.

Не менее важно было очистить от противника герцогство Варшавское — ближайший плацдарм наступательных операций будущей армии противника. Задачей здесь являлось обеспечение левого фланга наступления. Далее, можно было бы продвинуться в Силезию и захватить Саксонию, важную и как плацдарм дальнейших наступательных операций против Наполеона и как плацдарм Наполеона для наступления в сторону Варшавы.

Разобщённость двух основных театров военных действий требовала общей, центральной оперативной линии. Безопасность последней при её углублении на запад следовало обеспечить прочным положением тыла.

Наконец, операции на югозападе надо было вести так, чтобы облегчить возможность вовлечения Австрии в борьбу с Наполеоном, т. е. не провоцировать её на вооружённое столкновение, а максимально изолировать от непосредственного воздействия вражеских войск и создать убеждение в политической целесообразности присоединения к России.

Перед Кутузовым были на левом фланге сорокатысячный австрийский корпус князя Шварценберга и 8—10-тысячный корпус Понятовского. На правом фланге, в Пруссии, в районе Кенигсберга, стояло около 12 тыс. войск вице-короля и не менее 30 тыс. подчинённых ему прусских войск Йорка и Бюлова. Свыше 30 тыс. чел. занимали крепости на Висле, до 20 тыс. — крепости на Одере, и около 18 тыс. имелось в крепостях на Эльбе. Ряд городов на территории Пруссии был занят небольшими гарнизонами. Значительные силы имелись в Саксонии, король которой, видимо, не желал уклониться от обязанностей союзника Наполеона.

У противника был значительный численный перевес над армией Кутузова, но неприятельские силы были разбросаны и потому в значительной мере аморфны. Однако это было лишь временное явление. Уже в ближайшие недели противник должен был получить подкрепления, а через три — четыре месяца на театре войны следовало ожидать появления новой большой армии Наполеона.

В соответствии с поставленными задачами и сложившейся обстановкой Кутузов решил: 1) на первом этапе войны основные силы бросить в Пруссию и выделить сюда 55 тыс. (Витгенштейна и Чичагова, впоследствии заменённого Барклаем де Толли), 2) выделить в Польшу силы Милорадовича (с подчинением ему Дохтурова и др.). Сакена и Радта. общей численностью до 35 тысяч

Для операций на центральном направлении наступления к Средней Висле выделить до 35 тысяч. Здесь активные действия, а также прикрытие операций наступающих на флангах частей и установление связи между ними возложить на авангард Винценгероде (около 16 тыс.); за ним направить «главную армию» (колонну Торماسова), численностью около 17 тыс. человек, фактически составившую общий резерв, как об этом и говорил сам Кутузов. «Главная армия» являлась резервуаром для сосредоточения пополнений, а вместе с тем опорой для развития действий групп.

Это было первое в мире наступление на столь широком пространстве — от Тильзита на севере до Варшавы на юге, — тогда как даже фронт вторжения «великой армии» в Россию в 1812 г. захватывал лишь пространство Ковно — Гродно.

При колоссальности театра войны и ограниченности средств успех мог быть достигнут лишь маневренными действиями групп и строгой координацией действий в пространстве и времени. Выдвигая вперёд сильный правый фланг (войска Витгенштейна и Чичагова с кавалерией Платова), Кутузов в середине декабря поставил перед ними задачу уничтожения войск Макдональда (поступивших затем под общее командование Мюрата, а после бегства последнего — под командование вице-короля Евгения), изоляции от французов прусских войск и очищения территории до Вислы. Маршруты, данные Витгенштейну и Чичагову, предусматривали их наступление (первого — через Тильзит, второго — от Нейштадта) к Эльбину и Гольдапу. Платов с его 24 полками конницы и 10 полками авангарда Чернышёва наступал от Вильковишки, через Бартенштейн к Гольдапу, где сблизился с Чичаговым. Затем Платов соединился с войсками Витгенштейна у Диршау¹.

Развернувшиеся на правом фланге наступательные действия обеспечивали с этой стороны начавшееся в конце декабря движение главных сил на Млава — Плоцк, в обход левого фланга корпуса Шварценберга, отступавшего к Варшаве. Одновременно для непосредственных действий против Шварценберга были направлены из Гродно через Пултуск к Варшаве войска Милорадовича. Они заняли Варшаву 26 января, тогда как главные силы вступили в Плоцк 24 января. Цель была достигнута: Шварценберг отошёл к Кракову, а вслед затем с Австрией было заключено перемирие.

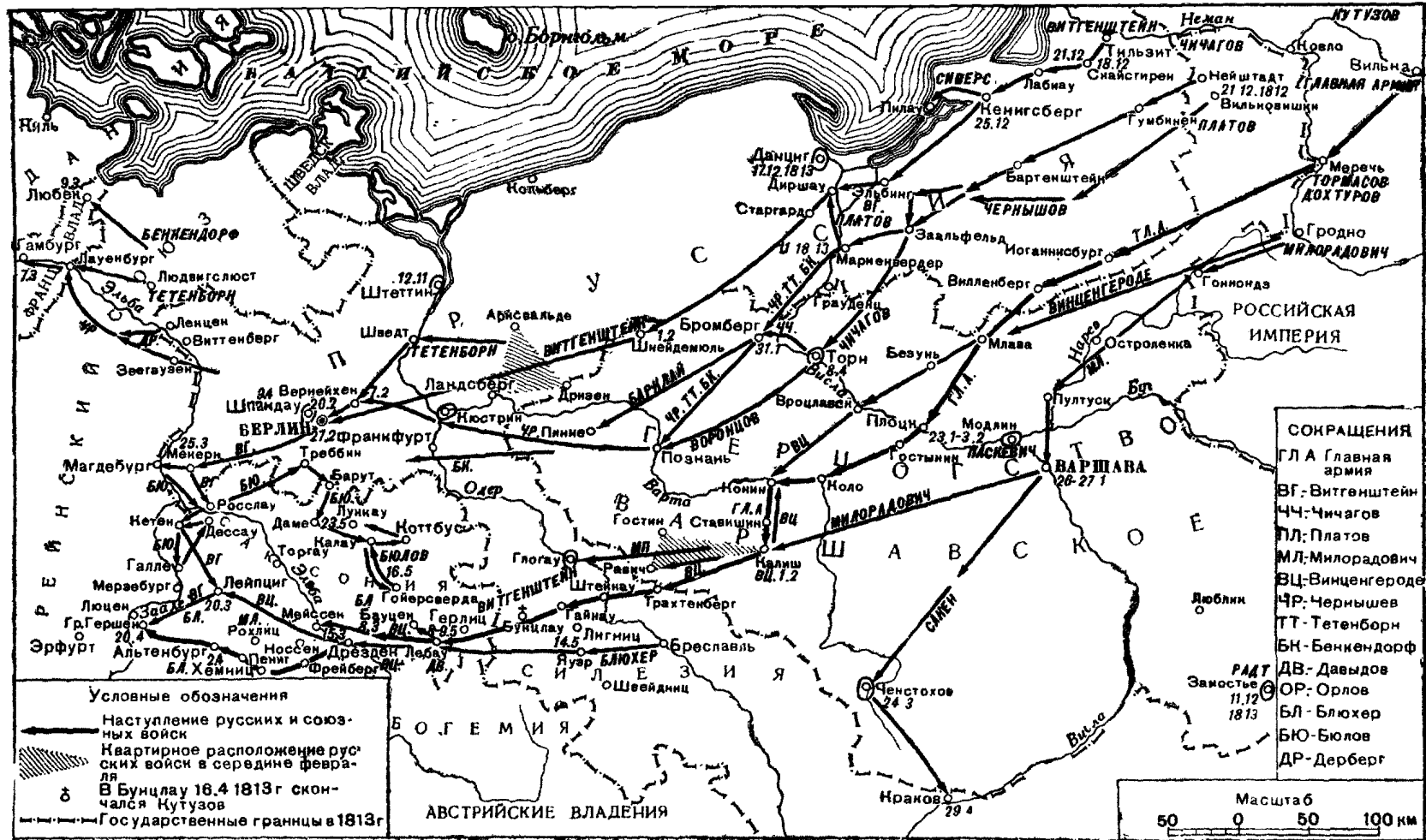
Первый период кампании закончился в середине февраля сближением войск и расположением их на кантонир-квартиры по линии от Дризена до Арендваля и Калиша с авангардами на линии от Ландсберга до Равича и Гостича. Это была оперативная пауза (хотя передовые «партизанские» отряды продолжали действовать со всей энергией), необходимая для приведения в порядок войск, для урегулирования отношений с Пруссией и включения в войну её сил.

Для военных действий первого периода характерен широко, последовательно и с полным успехом применяемый принцип концентрического наступления. К концу развёртываются действия летучими «партизанскими» отрядами. Осада и взятие крепостей хотя и отвлекают значительную часть сил, но не задерживают продвижения войск, в тылу которых эти крепости остаются. В итоге территория до Одера была очищена от противника, Пруссия вовлечена в войну, Австрия отказалась от военных действий против России.

Действия «партий» переносятся за Одер, широко развёртываясь в районе от Франкфурта до Штеттина и Берлина.

Добившись вовлечения Пруссии в войну, включения её сил в состав своей армии и призыва ландвера (что уже в марте дало 100 тыс. новых

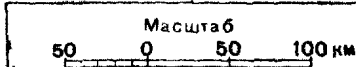
¹ См. предлагаемую схему на стр. 29.

СОКРАЩЕНИЯ

- ГЛА Главная армия
- ВГ: Витгенштейн
- ЧЧ: Чичагов
- ПЛ: Платов
- МЛ: Милорадович
- ВЦ: Винценгероде
- ЧР: Чернышев
- ТТ: Тетенборн
- БК: Бенкендорф
- ДВ: Давыдов
- ОР: Орлов
- БЛ: Блюхер
- БЮ: Булю
- ДР: Дерберг

- Условные обозначения**
- Наступление русских и союзных войск
 - ▨ Квартирное расположение русских войск в середине февраля
 - δ В Бунцлау 16.4 1813г скончался Кутузов
 - Государственные границы в 1813г

солдат), Кутузов приказывает Витгенштейну незамедлительно возобновить операции, направляя его от Дризена и Арнсбурга к Берлину, возле которого уже стоят Чернышёв и Тетенборн, и предписывает ему по занятии столицы распространить летучие отряды до Эльбы и за Эльбу, чтобы поднять тамошнее население к борьбе с Наполеоном. Винценгероде из Равича и Блюхер из Бреслава получают назначение двинуться к Дрездену и Лейпцигу. Милорадович следует сюда же через Глогау и Саган. Главная армия остаётся в качестве резерва в Калише, а затем также направляется к Дрездену.

Предвидя неизбежность скорого появления новой армии Наполеона, Кутузов стремится очистить возможно большие пространства до Эльбы, занять их главные политические и стратегические центры, поднять здесь народную войну и почерпнуть новые материальные и человеческие ресурсы. Всё это должно быть своевременно заключено сосредоточением всех сил на саксонском плацдарме для встречи с Наполеоном.

Кутузов ожидал, что Наполеон пойдёт из Франконии на Саксонию, где он имел бы и союзника в лице саксонского короля и откуда мог бы вторгнуться в герцогство Варшавское. Считая на данном этапе главной задачей прочное занятие Саксонии, Кутузов именно здесь и сосредоточил для основного удара все свои силы.

План этого отрезка кампании вновь построен на принципе концентрического наступления, на этот раз выраженного ещё более ярко, чем в начале похода. Все войсковые группы, каждая со своим маршрутом и своими заданиями, в конечном итоге подходят к одной точке и здесь соединяются. Настойчивые распоряжения, данные фельдмаршалом северной группе Витгенштейна, позволили своевременно подтянуть к району Дрездена (Цвиккау, Люцен, Борна, Фрейбург) и эту группу.

Расчёты Кутузова оправдались с изумительной точностью. В течение немногим более полутора месяцев второго периода (с конца февраля до середины апреля) он успел очистить Германию до Эльбы, поднять народные волнения в её левобережных областях, занять саксонский плацдарм, подготовить присоединение Австрии к коалиции и, стянув силы у её границ, побудить её к скорейшему решению. Кутузов совершенно точно предусмотрел стратегические и оперативные намерения Наполеона. Французская армия двинулась в наступление именно из Франконии, со стороны Эрфурта.

Наполеон наступал от Эрфурта к Лейпцигу, а вице-король шёл от Альтслебена на соединение с императором у Лейпцига. Это наступление началось в середине апреля, а 16 апреля Кутузов после тяжёлой болезни скончался в Бунцлау.

Главнокомандующим был назначен Витгенштейн.

Кутузов достиг блестящего успеха в европейском освободительном походе 1813 года. Некоторое, хотя далеко не полное осмысление опыта этого похода с его новым и весьма совершенно осуществлённым приёмом концентрического наступления побудило немцев, да и кое-кого из русских военных историков-прусофилов приписать эти черты военного искусства Кутузова мудрости его «советников» — Шарнгорста, Гнейзенау, Блюхера. Шарнгорст не постеснялся приписать принципы кутузовского наступательного плана, принятого к началу второго периода кампании, себе, а Богданович, стараясь всемерно снизить роль Кутузова, повторил это в своей «Истории войны 1813 г.». В новейшее время генерал Эрфурт, а вслед за ним и другие немецкие военные специалисты уже безоговорочно объявили Шарнгорста и немецких военных теоретиков авторами принципа концентрического наступления¹.

Неправдоподобие этого утверждения совершенно ясно. Шарнгорст

¹ Эрфурт В. ген.-лейт. Победа с полным уничтожением противника, стр. 18. Перевод с немецкого. Воениздат. 1941.

и другие немецкие генералы появились в русской главной квартире лишь в начале второго периода похода (во второй половине февраля), когда у Кутузова были уже совершенно сложившиеся планы и опыт. Уже в первом периоде наступление осуществлялось концентрически. Деталь плана действий армии, сообщённая Кутузовым Витгенштейну 9 февраля и оставшаяся нереализованной из-за нежелания пруссаков включиться в действие, включает в себе, несомненно, элементы принятого позднее плана действий на второй период. Применённый Кутузовым в 1813 г. метод наступления явился развитием опыта 1812 г. и труда Кутузова по новой системе управления и действия «большими армиями». Да и ему ли, так болезненно помнившему Вейротера, видевшему Фуля, «план» которого едва не погубил русскую армию и Россию, долго терпевшему и, наконец, выгнавшему Беннигсена, нецензурно ругавшему в день Бородину принца Вюртембергского, было «консультироваться» с Шарнгорстом?¹

С другой стороны, откуда мог взяться у Шарнгорста, генерала численно ничтожной и подчинённой велениям Наполеона армии¹, метод концентрического действия? До своего разгрома 1806 г. прусские войска жили традициями наёмной армии Фридриха II. Метод самостоятельного действия отдельными группами к общей цели мыслим лишь для массовых национальных армий с высокоразвитой инициативностью каждого бойца и ответственной самостоятельностью командующих. Фридрих, наоборот, строжайше воспрещал такую самостоятельность. Даже Наполеон не умел культивировать инициативу, и его маршалы, привыкшие к руководству императора во всех деталях, чаще всего оказывались беспомощными в самостоятельных операциях. Это проявилось, в частности, в первый, наиболее ответственный момент наступательных действий наполеоновской «великой армии» в 1812 году.

В русской армии, где начала инициативности, «частного почина» были насаждены ещё Петром Великим и получили чёткое выражение в его Уставе 1716 г., маневрирование отдельными группами стало применяться раньше, чем где бы то ни было. Принцип «двигаться разделимо, бить вместе», авторство которого немцы пытаются приписывать себе, называя первым его выразителем Шарнгорста², был осуществлён в русских войсках ещё в то время, когда немцы у себя никак его отметить не могут. В 1770 г. Румянцев в наступлении к Рябой Могиле (где Кутузов был квартирмейстером корпуса Баура) осуществил принцип раздельного наступления сил и сосредоточения их в ударной точке не только с полной ясностью, но и с полным успехом. Его побудила к этому не массовость армии, а стратегическая обстановка, в частности невозможность продолжать даже те ограниченные силы, которыми он располагал, при условии их соединённого движения. Сходно с этим не раз действовал и Суворов: при высокой культуре личной инициативы это был приём частный, но вполне осуществимый.

В условиях действия «большими армиями» надо было вырабатывать новые методы. Русская военная мысль в начале XIX в. напряжённо работала над такими методами. Отсюда ряд официальных документов и инструкций, выработанных в обстановке назревавшей борьбы с Наполеоном и подготовивших решение задач 1812 г. (напомним ещё раз об «Учреждении для управления большой действующей армии», утверждённом 27 января 1812 года).

Но опыта тогда ещё не было. И когда Кутузов вступил в командование войсками в 1812 г., он, по его собственному признанию, ещё не имел правильной концепции не только по вопросам действия, но и управления «большой армией». Он выработал свою концепцию на опыте войны и в полной мере раскрыл её в 1813 г., когда с самого начала кампании

¹ По условиям Тильзитского договора Пруссия могла иметь армию не более чем в 40 тыс. человек.

² Эрфурт В. Указ. соч., стр. 18.

до последних дней жизни фельдмаршала всё было намечено предельно целесообразно и гениально рассчитано в обстановке и времени.

Плодом этих трудов великого полководца к моменту его кончины явились: освобождение всей Средней Европы, занятие нашими войсками основного оперативного направления, подкрепление армии подчинёнными ей силами Пруссии, приближение перспективы присоединения Австрии и сосредоточение в нужный момент всех сил для боевой встречи с подхлотившей от Эрфурта армией Наполеона.

Кутузов умел молчать. Никто своевременно не разгадал его замыслов в 1812 г. и ещё меньше — в 1813 году. Когда король Фридрих-Вильгельм, вовлечённый в войну победами Кутузова, в конце февраля присутствовал на смотре войск главной армии, он был поражён её малочисленностью. Он, как и остальные, не мог понять, что это только резерв и что масса армии, расчётливо распределённая по направлениям, определённым Кутузовым, находится в непрестанном и строго координированном действии

Ученик и младший соратник творцов национально-русского военного искусства Румянцева и Суворова, Кутузов был не только подражателем или последователем своих учителей, но творчески развил их систему применительно к условиям войн, в которых ему довелось выступать в качестве главнокомандующего.

В первый период своей боевой деятельности он выступает перед нами как талантливый генерал суворовской школы.

Второй период обозначился в кампании 1805 года. Уже здесь Кутузов показал совершенно оформленную, оригинальную систему глубокой и тонкой стратегии, позволяющую судить о его вполне созревшем таланте и уменье своеобразно, с величайшей эффективностью использовать все возможности своих военных сил в реальной обстановке войны, подчинять себе даже невыгоды этой обстановки и обращать их против неприятеля. Эта стратегическая и оперативная гибкость ещё ярче выступила в кампании 1811 года.

В обеих кампаниях Кутузов с исключительной, несравненной способностью находить неожиданные, блестящие решения сочетал вторую редкостную черту — уменье приобретать победу «малой кровью». Суворовский тезис «воюют не числом, а уменьем» приложим к Кутузову в самом глубоком и полном понимании уменья в смысле не только тактического, а главным образом стратегического расчёта.

Завершающий, высший период развития военного искусства Кутузова охватывает кампании 1812 и 1813 гг., когда ему пришлось воевать в совершенно новых условиях. Мало того, что враг двигал против него армию невиданной в истории Европы численности, — Кутузов и сам имел, хотя много меньше чем противник, но всё же столь большие, размещённые на громадном пространстве силы, что ему надо было найти совершенно новые способы управления и боевого использования этих войск. Он искал и нашёл новые способы в войне 1812 г., хотя средства связи (которые он всемерно пытался усовершенствовать) крайне ограничивали возможность полной реализации его идей. После первых опытов Кутузов убедился, что правильные и строго координированные действия больших и далеко размещённых войсковых групп при наличных условиях требуют их предварительного сближения. Правильность этих соображений отчётливо вырисовывалась в березинской операции.

В 1813 г. Кутузов выступил как полководец, владеющий новыми методами военного действия. Он нанёс Наполеону второе стратегическое поражение, подготовившее окончательное крушение и гибель этого гениального полководца, завоевавшего Европу и погибшего в столк-

новении с Россией. Выразитель русского военного искусства, Кутузов получил тогда полный перевес над творцом нового, западного, военного искусства — Наполеоном.

В войне 1812 г. Кутузов выработал невиданную в XIX в., но подготовленную русским военно-историческим прошлым форму народной войны, в которой действия армии были органически соединены Кутузовым в единое целеустремлённое целое с усилиями народа, направляемыми общим руководством. В войне 1813 г. та же система получила выражение главным образом в действии русских легучих отрядов, выделенных из армии. Они должны были также вызвать восстания населения против власти Наполеона.

Это было совершенно новое явление в истории русского военного искусства XIX в., хотя прецеденты к нему имеются в кампаниях 1707 — 1709 гг. Петра Великого и во многих старорусских войнах московского периода.

Ученик Румянцева и Суворова, нераздельно принадлежа к их школе, Кутузов возвёл русское военное искусство на более высокую ступень и поднялся на один уровень с самыми выдающимися мировыми полководцами. Его победа над Наполеоном — лучшее тому свидетельство. Кутузов обозначил новый этап развития русского военного искусства.

ОБРАЗОВАНИЕ ВТОРОГО ОЧАГА ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ (1933 — 1935 ГОДЫ) *

Проф. А. Панкратова

БЛОК ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ С ЯПОНИЕЙ И ИТАЛИЕЙ

Выход Германии из Лиги наций явился продолжением той агрессивной внешнеполитической линии, начало которой было положено Японией.

Как признал немецко-фашистский автор Вирзинг в своей книге «Германия в мировой политике», уход Японии из Лиги наций был для Германии «поучительным уроком». «В 1931 г. первая фаза «доброй воли» окончилась,— писал Вирзинг, имея в виду конец «эры пацифизма»,— но старые, негодные методы медленно отмирали ещё два года, и с внешней стороны ничего не изменилось»¹.

В действиях гитлеровской Германии и Японии сказывалась явная согласованность. Европейская печать давно отмечала тесное общение германских и японских делегатов в Женеве. Некоторые французские наблюдатели указывали, что «между Германией и Японией имеется определённая договорённость о подготовке совместных действий, в которых, возможно, примет участие ещё одна европейская держава». Речь явно шла об Италии.

К старым методам, упомянутым Вирзингом, относилась та пацифистская маскировка, которой гитлеровская дипломатия первоначально прикрывала подготовку взрыва версальских соглашений. Даже выход Германии из Лиги наций Гитлер изображал как «шаг к действительной ликвидации войны». Пресса Гитлера утверждала, что теперь только открылась реальная возможность мира; выход Германии из Лиги наций, покончив с «женевским периодом», «закладывает краеугольный камень нового европейского порядка, основанного на равноправии и сотрудничестве всех держав».

Личина миролюбия была необходима агрессивной Германии не столько для внутреннего, сколько для внешнего употребления. В основе пацифистской фразеологии гитлеровцев лежало стремление не допустить создания антифашистского фронта демократических держав, усыпить их тревогу, раздробить силы противников.

Своим союзником, помимо Японии, гитлеровская Германия стремилась сделать и фашистскую Италию. Уже во время Женевской конференции по разоружению иностранная печать отмечала согласованность действий представителей Германии и Италии.

В статьях французской журналистки Женевьевы Табуи в газете «Oeuvre» по поводу разрыва Германии с Лигой наций доказывалось, что германский «театральный жест» подготовлялся в течение двух недель в переговорах между Италией и Германией. Другой французский журналист, Берньюс, в «Journal de Débats», несомненно преувеличивая роль Италии, даже ставил вопрос об ответственности её за германское решение. «За последнее время рука Италии постоянно чувствовалась за всеми германскими выступлениями,—заявлял он. — Уместно задать во-

* Статья представляет сокращенную главу из «Истории дипломатии». Т. III. Под ред. акад. В. П. Потёмкина

¹ Wirsing G. Deutschland in der Weltpolitik, S. 7. 1938

прос, поощряла ли Италия Германию в её последнем выступлении, явилось ли для неё решение Германии неожиданностью?»

Итальянское правительство первым получило уведомление Германии о её готовности «продолжить переговоры о разоружении вне Женевы». Оно согласилось с этим предложением, хотя конференция по разоружению ещё работала. «Самые деликатные проблемы можно урегулировать и вне Лиги наций и помимо конференции по разоружению»,—заявлял орган Муссолини «*Popolo d'Italia*».

Опираясь на Японию и Италию, германская дипломатия строила свою игру на разногласиях между своими противниками. Прежде всего она, как и раньше, рассчитывала оторвать Англию от Франции.

В интервью, данном сотруднику «*Daily Mail*» 20 сентября 1933 г., Гитлер решительно опровергал обвинения Германии в воинственных замыслах. Он призывал Англию поддержать «антикоммунистическую линию» нового германского правительства.

В беседах со своим агентом Куртом Людеке Гитлер ещё до захвата власти излагал ему свою будущую тактику в отношении великих держав. Нацистский режим, говорил Гитлер, будет вначале сильно уязвим. «Экономическая мощь версальских держав настолько велика, что я не могу стать по отношению к ним в оппозицию с самого начала... Мне придётся играть в мяч с капитализмом и сдерживать версальские державы при помощи призрака большевизма, заставляя их верить, что Германия — последний оплот против красного потопа. Это единственный способ пережить критический период, разделаться с Версалем и снова вооружиться. Я могу говорить о мире, а подразумевать войну»¹.

Эту тактику Гитлер применял в первые годы своего пребывания у власти. Фашистская Германия стояла в это время перед угрозой международной изоляции. Выход Германии из Лиги наций вызвал в Америке крайне неблагоприятное впечатление. Государственный секретарь США Хэлл заявил представителям печати, что это решение «приостанавливает движение в пользу разоружения». Американская пресса расценивала разрыв Германии с Лигой наций как непосредственную подготовку войны и даже сравнивала его с сараевским убийством. «Ультиматум Германии отличался той же полной драматизма поспешностью, которая характеризовала некое другое дипломатическое выступление в 1914 г.»,— писал женевский корреспондент «*Herald Tribune*».

Генеральный секретарь Лиги наций Авеноль в письме от 21 октября 1933 г. напомнил германскому правительству о первой статье устава Лиги наций, согласно которой член Лиги наций может выйти из её состава лишь после предварительного, за два года, предупреждения, при условии, однако, что к этому моменту он выполнил свои международные обязательства, включая и обязательства по уставу Лиги наций.

Комментируя письмо Авеноля, печать отмечала, что Германия остаётся подсудной Совету Лиги наций по всем вопросам, связанным с Локкарнским договором. Контролю Лиги наций подлежит она и в области вооружений. Покинув конференцию по разоружению, Германия потеряла право требовать осуществления декларации от 11 декабря 1932 г. относительно равноправия в вооружениях. Пакт четырёх должен также потерять свою силу. Германия снова подпадает под действие режима, предусмотренного пятым разделом Версальского договора, ограничившим вооружение Германии.

Правда, практически Лига наций была уже бессильна осуществить свои права и применить санкции. Гитлеровская дипломатия учитывала, что никто не решится сейчас использовать право Лиги наций произвести обследование германских вооружений.

¹ Ludecke K. I knew Hitler, p. 468. N. Y., 1938.

Но гитлеровцам нужно было большее. Они упорно добивались того, чтобы между противниками агрессивной Германии воцарились взаимное недоверие и рознь. С этой целью гитлеровская дипломатия прибегла к провокационному маневру. Она предложила Франции заключить с Германией сепаратное соглашение о вооружениях.

МАНЕВР ГИТЛЕРА В ОТНОШЕНИИ ФРАНЦИИ

Гитлер убеждал французов, что единственное желание «национал-социалистской Германии — навсегда уничтожить вражду между Германией и Францией». В своих публичных выступлениях и особенно в беседах с иностранными корреспондентами Гитлер уверял, что «Германия не имеет никаких территориальных споров с Францией». «Если бы Саарская область была возвращена Германии, исчез бы всякий повод для исправления границ», — заявил Фюрер.

Для урегулирования последних спорных вопросов с Францией Гитлер выразил готовность встретиться с Даладьё. В своих расчётах гитлеровская дипломатия опиралась прежде всего на сочувствие реакционных кругов в самой Франции. Действительно, правые группировки, связанные с Комите де Форж, были заинтересованы в укреплении экономических и политических связей с германским финансовым капиталом. Но широкие массы и большая часть буржуазии Франции были настроены против соглашения с гитлеровской Германией. Поэтому французское правительство не решилось принять германское предложение о непосредственных переговорах с Гитлером.

На заседании французской палаты депутатов 17 октября 1933 г. премьер-министр Даладьё выступил с большой речью, в которой обосновал этот отказ.

«Мы не глухи к любым словам,— говорил Даладьё,— но мы и не закрываем глаза на происходящее. Если искренно хотят договориться, зачем начинать с разрыва? Если хотят соблюдать свои обязательства, почему не проверить, как они соблюдаются? Если имеется готовность уничтожить всё оружие до последней винтовки и пулемёта, зачем противиться принятию и лояльному исполнению плана, постепенное выполнение которого привело бы к подлинному разоружению?»

Франция в это время переживала очередной финансовый и политический кризис. 23 октября 1933 г. правительство Даладьё ушло в отставку. Новый кабинет Сарро столь же мало, как и предыдущий, был способен найти действительный выход из кризиса. Сторонники соглашения с Германией усилили кампанию за немедленные франко-германские переговоры. «Следует ли оттолкнуть протянутую нам руку, устранить возможность прямых переговоров, прибегать к посредникам, проводить в будущем политику бездействия? — вопрошал 18 ноября 1933 г. один из лидеров радикальной партии, Рош, в газете «Rèpublique». — Отнюдь нет. Придёт время, когда решительные люди должны будут сделать то, на что не решаются дипломаты, скованные предрассудками, и государственные деятели, связанные устаревшими формулами».

Один из сотрудников той же газеты, Бертран де Жувенель, имевший большие связи в Германии, систематически выступал со статьями и корреспонденциями, агитируя за сближение с Гитлером. К журналистам того же лагеря принадлежал и де Бринон, политический редактор газеты «Information». Он ездил в Германию и имел там неоднократные свидания и беседы с Гитлером. В своей книге «Франция—Германия 1918 — 1934 гг.» этот агент фашистской Германии в самых идиллических чертах описал встречи с Гитлером. По его словам, Гитлер в это время мечтал об осуществлении своего проекта примирения «путём непосредственного контакта стопроцентных немцев и стопроцентных французов — больше, чем посредством конференций, дипломатов и политиков».

Явно превосходя всякую меру издевательской лжи, Гитлер заявил французскому журналисту о своём намерении воздвигнуть на берегах Рейна огромный памятник в честь павших французов и немцев, примирённых смертью...

В одном из своих интервью Гитлер заверил де Бринона, что осуществить мир и добиться соглашения с Францией он, Гитлер, может скорее и успешнее, чем Штресеман или Брюнинг. Он вновь подчеркнул, что за исключением саарского вопроса между Францией и Германией нет разногласий,— судьбу Эльзас-Лотарингии он считает окончательно решённой. С Польшей соглашение будет достигнуто. Если для умиротворения Европы и Франции нужен дополнительный залог безопасности в форме оборонительного союза Франции с Англией, заявил Гитлер, он не будет возражать против него: «Я нисколько не возражаю против такого союза, так как не намерен нападать на своих соседей». «Никакой спор в Европе не оправдывает войны, которая ничего не разрешила бы и лишь привела бы к уничтожению наших рас, являющихся высшими; Азия водворилась бы на нашем континенте, и большевизм одержал бы свою победу»¹.

Под давлением прогитлеровских кругов французское правительство решило всё же «выслушать германские предложения». Этими же кругами было организовано свидание Гитлера с французским послом в Берлине Франсуа Понсэ. Посол дважды посетил Гитлера: 24 ноября и 11 декабря 1933 года. Во время их бесед со стороны Германии были выдвинуты следующие предложения:

1. Немедленная передача Германии Саарской области.
2. Увеличение численного состава германской армии до 300 тысяч человек с годовым сроком службы. Предоставление Германии права иметь вооружение, соответствующее численности этой армии, включая тяжёлую артиллерию, танки, истребительную и бомбардировочную авиацию.

3. Установление международного контроля над вооружениями военизированных обществ всех стран на условиях равноправия.

4. Заключение пакта о ненападении со всеми соседями Германии сроком на десять лет.

Германские предложения были незамедлительно сообщены в Париж. Их обсуждение привело к ещё большему обострению внутренней борьбы во Франции.

Заверяя Францию в дружественных чувствах, гитлеровские пропагандисты одновременно усиленно внушали своим штурмовикам «отвращение и ненависть» к французской «расе негроидов».

Миллионы немцев на митингах слушали возбуждающие речи гитлеровцев о необходимости восстановления великой Германии, о том, что надо вести войну, если хочешь яркой жизни, что «мир» должен быть продуктом войны, что немец—«человек высшей расы» — сначала подчинит себе вселенную, а затем установит в ней мир и «новый порядок»...

Где же были дипломаты демократических стран, аккредитованные при правительстве гитлеровской Германии? Как они воспринимали эту неистовую агитацию? Одни делали вид, что ничего не замечают, другие утешали свои правительства тем, что гитлеровцы, выступая перед массами, якобы лишь отдают дань демагогии своей официальной «национал-социалистской программы». На самом же деле и они прекрасно понимают необходимость поддерживать деловое сотрудничество с капиталистическим миром. И «демократические» правительства с серьёзным видом принимали авансы Гитлера.

¹ Fernand de Brinon. France — Allemagne 1918—1934, p. 221. Paris. 1934

СВЯЗЬ ГИТЛЕРОВСКОЙ ДИПЛОМАТИИ С РУССКО-УКРАИНСКОЙ БЕЛОГВАРДЕЙЩИНОЙ

Добиваясь равноправия в области вооружений, Германия при негласной пока поддержке своих союзников начала укреплять своё стратегическое положение в Восточной Европе.

С этой целью гитлеровская дипломатия стремилась прежде всего пробить брешь в той системе военно-политических союзов, какую создала вокруг себя Франция.

Важнейшим звеном этой системы была Польша. Оторвать её от Франции стало главной задачей гитлеровской дипломатии. Издававшийся в Вене орган отколовшейся от Гитлера национал-социалистской группы Отто Штрассера «Der schwarze Front» сообщал, что Геринг ещё 13 февраля 1933 г. посетил французского посла в Берлине Франсуа Понсе. Он предложил Франции некоторую сделку по вопросу о Польском коридоре. План Геринга сводился к тому, что Польша должна заключить военный союз с Германией против СССР, вернуть Данцигский коридор и, в случае успеха войны с Советским Союзом, получить взамен часть Украины с выходом к Чёрному морю. Французское правительство отвергло план военного союза между Францией, Германией и Польшей и сообщило о предложении Геринга советскому правительству.

Гитлеровская дипломатия прилагала все усилия, чтобы добиться сделки и с Италией. В начале марта 1933 г. польское телеграфное агентство получило из Женевы сообщение о происходившем в Локарно совещании представителей Гитлера с итальянскими фашистами. От имени Гитлера на этом совещании выступил Розенберг. Он всячески расписывал заманчивые перспективы германо-итальянского сотрудничества и совместных действий двух фашистских стран против СССР. Наступление на Украину и на Кавказ всецело отвечает интересам Италии, заверял Розенберг. Оно может обеспечить Италии значительную долю в украинском хлебном экспорте. В расчленении Советского Союза заинтересованы «не только Германия и Италия, но и весь цивилизованный мир».

В качестве экспертов на совещании в Локарно присутствовали украинские жовтоблукитники — полковник Коновалец и Полтавец-Острица. Прибалтийский немец, озлобленный черносотенец, получивший воспитание и образование в царской России, Розенберг сколачивал вокруг Гитлера уцелевшие группы русских и в особенности украинский белогвардейцев во главе с бывшим гетманом Украины Скоропадским. Союз гитлеровской Германии с «национальной Украиной» рекламировался на все лады. Среди украинской эмиграции распространялись открытки с фотоснимками бывшего украинского гетмана в мундире гитлеровского штурмовика. На одной из открыток был изображён вместе с германским кронпринцем сын Скоропадского Данила.

В начале апреля 1933 г. в штаб гитлеровцев — «Коричневый дом» — в Берлине был вызван «полковник» Полтавец-Острица. Ему было предложено приступить к созданию фашистской украинской организации.

Руководство украинскими фашистско-эмигрантскими организациями взял в свои руки Розенберг, возглавлявший «Украинскую секцию» «Коричневого дома». Окружающим его украинским, белорусским и русским белогвардейцам он внушал, что только верная служба делу создания «великой Германии» приведёт к осуществлению и их собственных «национальных чаяний».

Ещё в 1927 г. в своей книге «Будущий путь германской внешней политики» Розенберг изложил план создания «великой Германской империи», в состав которой должны были войти и Польша и Украина. «Когда мы поймём, — писал Розенберг, — что уничтожение польского государства является первой потребностью Германии, союз между Киевом и

Берлином и создание общей границы станут народной и государственной необходимостью для будущей немецкой политики».

Свой план Розенберг неустанно внушал и Гитлеру. В тех «конструкциях» «великой Германии», которые Гитлер развивал перед своими единомышленниками, Польша должна была целиком войти в «срединноевропейскую империю», очистив для Германии «жизненное пространство» на Висле.

Взаимоотношения между Германией и Польшей в 1933 г. были крайне напряжёнными. В Германии, Верхней Силезии, Познани и особенно в Данциге велась небывалая по размерам нацистская кампания под лозунгом возвращения Германии Польского коридора. На польско-германской границе происходили вооружённые демонстрации штурмовиков. В Данциге прокатилась волна немецко-фашистских выступлений против поляков. Возмущённое общественное мнение в Польше требовало обуздания распоясавшихся нацистских погромщиков.

3 мая 1933 г. польский посол в Берлине Высоцкий заявил Гитлеру официальный протест. Указав на серьёзное беспокойство, которое возбуждают в Польше события в Данциге, он подчеркнул, что никакое польское правительство не может отказаться от жизненно необходимого Польше выхода к морю. Польша должна «сохранить свои права в Данциге», говорил посол; польское правительство надеется получить «заведение, что с германской стороны не предполагается что-либо изменить в нынешнем положении Данцига».

Гитлер ответил Высоцкому, что не признаёт особых прав Польши на Данциг. Сами поляки не должны были соглашаться на устройство Польского коридора на немецкой земле: «Было бы гораздо умнее искать выхода к морю по другую сторону Восточной Пруссии». Впрочем, Гитлер уверял, что хочет мира с Польшей и будет добиваться своих прав, не нарушая договоров. Эту свою позицию он готов подтвердить и в официальной декларации.

В совместном германо-польском коммюнике было объявлено, что Гитлер «подтвердил намерение германского правительства действовать в строгих рамках существующих договоров».

Этот новый гитлеровский маневр возник в связи с той антисоветской миссией, какую в это время выполнял Розенберг в Англии. Излагая во время пребывания в Лондоне, в начале мая 1933 г., «большой план» Гитлера, Розенберг предложил европейским державам удовлетворить Польшу за счёт СССР.

Об этих предложениях стало известно из беседы Хоутона, корреспондента канадской газеты «Star», с секретарём германского посольства в Лондоне графом Бисмарком.

«Я интервьюировал сегодня,—писал Хоутон в газете «Star» от 13 мая 1933 г.,—графа Бисмарка, потомка железного канцлера. Он состоял советником при Розенберге во время пребывания последнего в Англии.

На мой вопрос:

— Будет ли Германия воевать когда-либо с Францией?

— Никогда,—ответил Бисмарк. — Мы не нуждаемся в Эльзас-Лотарингии.

— Неужели вы надеетесь получить обратно Польский коридор без войны?

— Конечно. Польша скоро увидит, что Франция её покинула. Тогда она вынуждена будет отказаться от Польского коридора в обмен на права вольной гавани для Данцига и на возможные территориальные компенсации,—сказал Бисмарк.

— На Украине?

— Что-нибудь в этом роде,—ответил Бисмарк.

— Но СССР не допустит этого.

— Мы парализуем СССР, сосредоточив против него ненависть и силы всего мира,—ответил Бисмарк».

Предложения Розенберга не остались без отклика в Англии. Часть влиятельной консервативной печати одобрила план «компенсации» Польши за счёт Украины. Издатель газеты «Daily Mail», крайне реакционный консерватор лорд Ротермир, в номере от 28 ноября 1933 г. требовал провести в пользу Германии широкое исправление границ, в первую очередь за счёт СССР. Он одобрял «стремление Германии искать выход к слабо заселённым районам западной России» Польше Германия может «не только предоставить другой путь к морю —через Мемель,— но и открыть ей доступ к Одесскому порту».

При поддержке части английских консерваторов в Лондоне образовалась Лига борьбы за независимость Украины, которая требовала отделения Украины от СССР и установления союза между Украиной, Польшей и Германией.

РОЛЬ ПОЛЬШИ В АНТИСОВЕТСКИХ ПЛАНАХ ГИТЛЕРА

Летом 1934 г. на одном из совещаний Гитлера с его единомышленниками обсуждался вопрос о подготовке войны против СССР и роли Польши, с которой гитлеровская Германия уже имела официальный «договор о дружбе», как рекламировали в Польше и Германии соглашение между ними, подписанное 26 января 1934 года.

Гитлер говорил в беседе с Раушнингем, что Германия ещё не в состоянии вести войну с целью пересмотра границ, но она должна к этому готовиться.

«Я сделаю все уступки, чтобы иметь свободные руки для продолжения моей политики, — заявлял Гитлер. — Я гарантирую все границы, я заключу всякие пакты о ненападении и дружбе, которых от меня требуют. Было бы с моей стороны ребячеством не воспользоваться этими средствами на том основании, что я когда-нибудь должен буду нарушить свои обязательства, хотя бы и самые торжественные...

— Рассчитываете ли вы вступить в союз с Польшей для того, чтобы напасть на Россию?—спросил Раушнинг фюрера.

— Может быть... — ответил Гитлер и, помолчав, добавил:— Советская Россия — большой кусок. Им можно и подавиться. Не с неё я буду начинать.

Раушнинг заметил, что поляки могут уступить западные территории Германии лишь в том случае, если получат выход к Балтийскому и Чёрному морям.

Гитлер резко выступил против «великодержавных» планов Польши. Он не может отдать Польше Украину, Белоруссию и Литву и всё пространство от Балтийского до Чёрного моря.

— Я не допущу создания никакой военной силы на наших границах,— говорил Гитлер.—Я не могу иметь соседом большую империалистическую Польшу. Какой мне тогда интерес воевать с Россией?

— В таком случае, вряд ли Польша уступит нам свои территории на Западе,—заметил Раушнинг.

— Уступит!—уверенно заявил Гитлер.— Уступит добровольно или под угрозой... Я ни одного мгновения серьёзно не думаю о соглашении с Польшей... Польша нужна лишь до тех пор, пока мне могут угрожать на Западе.

— Имеете ли вы серьёзное намерение выступить против Запада?—спросил Раушнинг.

— А зачем же мы вооружаемся?

Раушнинг тогда заметил, что это приведёт к коалиции, к войне на два фронта, к поражению Германии.

— В том и состоит моя задача,—возразил Гитлер,— чтобы поме-

шать образованию такой коалиции и двигаться вперёд последовательно, — так, чтобы нас никто не задержал.

Гитлер был твёрдо убеждён, что Германия не встретит серьёзных противников. Англия не способна вторично воевать против Германии; Францию же очень легко взорвать изнутри. Гитлер питал надежду, что не только Италия, но и сама Англия окажется на стороне Германии. В крайнем случае он не отступит и перед войной против Англии.

— То, что не удалось Наполеону, удастся мне, — хвастливо заявлял Гитлер. — Теперь не существует недоступных островов. Я высажусь в Англии. Даже с континента я уничтожу её города. Англия ещё не знает, до какой степени она уязвима в настоящее время.

— Но если против нас будет союз Англии, Франции и России? — спросил Раушнинг.

— Ничего подобного не будет, пока я жив! — воскликнул Гитлер. — Но если мы не сумеем победить, мы вовлечём в бездну вместе с нами половину мира, и никто не обрадуется победе над Германией. 1918 год не повторится никогда. Мы не сдадимся».

Переходя к вопросу о планах в отношении СССР, Гитлер сказал:

«Если я когда-либо и решусь сделать ставку на Россию, то ничто не помешает мне совершить ещё один резкий поворот и напасть на неё, когда мои цели на Западе будут достигнуты... Ничто не может предотвратить решительную борьбу между германским и панславянским духом... Победа откроет нам путь к мировому господству».

Далее Гитлер изложил свою программу создания германской мировой империи. «На Востоке мы должны распространить наше господство до Кавказа или до Ирана, — заявил он. — На Западе нам нужны французские берега, Фландрия и Голландия. Сверх того нам нужна Швеция. Мы должны стать колониальной державой... Либо мы будем господствовать над Европой, либо... превратимся в группу мелких государств...»

К своим союзникам — Венгрии и Италии — Гитлер намеревался отнестись в конце концов так же, «как к врагам», ибо «время второстепенных государств миновало». Кроме того, заметил Гитлер, «итальянский народ неспособен стать воинственной нацией». Союз с Италией лишь временный. «Германия пала бы слишком низко, если бы в решительный момент положила на содействие такой страны, как Италия». Великие империи создаются не союзами, а *оружием*.

Приведённая откровенная беседа Гитлера с Раушнингом раскрывает истинные цели его дипломатического маневра и в отношении Польши. Гитлер собирался начать пересмотр Версальского договора, увлекши Польшу на путь завоевательной политики на Востоке.

Ещё 15 ноября 1933 г., пригласив к себе польского посла Липского, Гитлер предложил заключить польско-германское соглашение об «исправлении» Версальского договора в части, касающейся границ с Германией.

После этого свидания было опубликовано сообщение о том, что обе страны приступают к непосредственным переговорам по всем германопольским проблемам «для консолидации мира в Европе» и что они отказываются «от применения силы в своих взаимных отношениях».

С таким же предложением обратился Гитлер в эти дни и к Чехословакии. Однако Бенеш отказался от отдельных переговоров без согласия своей союзницы — Франции. Напротив, Пилсудский и польский министр иностранных дел полковник Бек быстро восприняли идею немецко-фашистской дипломатии.

Результатом явилось соглашение между Германией и Польшей от 26 января 1934 г., заключённое на 10-летний срок. В декларации за подписями Нейрата и Липского заявлялось об установлении прочной дружбы между Польшей и Германией и об отказе их от применения силы для разрешения спорных вопросов.

Германская нацистская печать, комментируя договор, трубила о «новой фазе польско-германских отношений». При этом выражалась твёрдая надежда, что Польша, связанная новым пактом, откажет в помощи Франции, если та выступит против Германии.

УХУДШЕНИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В беседах между немцами и поляками предусматривался план вторжения на советскую территорию в случае, если происходивший в то время советско-японский конфликт перерастёт в войну.

Итальянская антифашистская газета «Volonta d'Italia» от 8 марта 1934 г. отмечала, что Германия подстрекала Японию к войне с СССР. Если бы эта провокация увенчалась успехом, Германия рассчитывала занять Украину, а Польша—окупировать Белоруссию и Литву, уступив Германии Польский коридор. Японии была обещана полная поддержка и в первую очередь признание Манчжоу-Го.

Та же итальянская газета сообщала, что уже несколько месяцев в окрестностях Берлина сосредоточиваются и обучаются в специально созданных лагерях отряды украинских «добровольцев».

Резкое обострение отношений гитлеровской Германии с Советским Союзом стало для всех очевидным фактом ещё с начала 1933 года. С особой наглядностью вскрылось оно в связи с провокационным поджогом рейхстага фашистами 27 февраля 1933 года. Это событие было использовано правительством Гитлера для самой яростной агитации против Советского Союза.

Документы, устные показания и все материалы, представленные в Международную следственную комиссию, неопровержимо устанавливали, что рейхстаг был подожжён злоумышленниками по прямому поручению Геринга и других руководящих представителей национал-социалистической партии. Все попытки приписать к этому преступлению Советский Союз позорно провалились: нелепое обвинение было разбито вдребезги мужественными выступлениями Георгия Димитрова на суде в Лейпциге.

С неотразимой силой Димитров раскрыл истинную цель поджога и доказал причастность к этому провокационному делу главарей немецко-фашистского правительства.

В страхе перед гласностью и разоблачениями национал-социалистские власти прибегли к репрессиям против антифашистской печати и особенно против советской прессы. Советские журналисты, направившиеся в Лейпциг, не были допущены на процесс и подверглись аресту. Квартиры советских корреспондентов обыскивались и предавались разгрому.

Посольство СССР в Берлине заявляло неоднократные протесты против этих действий. В конце концов советские органы печати отозвали своих представителей из Германии. В свою очередь и советское правительство решило выслать из СССР немецко-фашистских журналистов.

Отвечая на протест по этому поводу поверенного в делах Германии Твардовского, Наркоминдел в ноте от 26 сентября 1933 г. подчеркнул, что мероприятия советских властей «навязаны нам действиями органов германского правительства, на которое ложится ответственность за создавшееся положение»¹.

В своей речи на четвёртой сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г. народный комиссар по иностранным делам СССР вынужден был отметить, что наши прежние отношения с Германией стали неузнаваемыми.

Некоторые фашистские политики пытались объяснить это ухудшение советско-германских отношений тем, что Советский Союз якобы изменил свою ориентацию и стал сторонником Франции и защитником Вер-

¹ Ноты приведены в «Известиях» от 27 сентября 1933 года.

сальского договора. Полную несостоятельность этого объяснения вскрыл в своём докладе на XVII съезде партии товарищ Сталин.

«Не нам, — говорил товарищ Сталин, — испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны. То же самое надо сказать о мнимой переориентации СССР. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идём на это дело без колебаний»¹.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ОСИ» БЕРЛИН — РИМ

Мотивируя необходимость захвата власти, Муссолини и Гитлер провозглашали, что создание фашистского государства поможет «преобразовать ещё раз карту Европы». В «Моей борьбе» Гитлер писал, что задачей его внутренней политики является «выковать меч»; внешняя политика должна подыскать «товарищей по оружию».

Завербовать Муссолини в «товарищи по оружию» Гитлер пытался задолго до своего прихода к власти. Ближайший соратник Людендорфа и Гитлера Людеке специально съездил в августе 1928 г. в Рим, чтобы договориться с Муссолини о фашистском перевороте в Германии. «Вырвите у Муссолини всё, что сможете», — напутствовал Гитлер своего посланца.

На пути в Рим Людеке виделся с венгерскими фашистами. Они обещали взяться за оружие одновременно с гитлеровцами, чтобы таким образом связать Чехословакию и Румынию, а также побудить Италию к нападению на Югославию. В эти планы входила и военно-фашистская генеральская диктатура Примо де-Ривера в Испании: она должна была «сдерживающим образом» воздействовать на Францию. «Не страшно, если Англия возражает против великой Германии», — говорил Гитлер Людеке. «Я думаю, что Муссолини заинтересован в таком усилении Германии, чтобы мы вместе могли поставить на колени Джона Буля»² (т. е. Англию).

Гитлер ставил себе целью образовать «синдикат недовольных держав» для ревизии мирных договоров.

Ещё 5 июня 1928 г. Муссолини выступил с заявлением о том, что «договоры не вечны». «Всякая дипломатическая договорённость, — провозглашал он, — действительна лишь до того момента, пока какая-либо из договаривающихся сторон не будет достаточно сильна, чтобы настоять на изменении договора».

В ноябре 1930 г. орган Муссолини «Popolo d'Italia» поместил резкую статью против Франции, якобы лишённой «чувства реальности» и не понимающей «новой ситуации в Германии». «Пусть перечитает она Венецианского купца, тогда она увидит, что и контракт Шейлока был безупречен с юридической точки зрения», — писала газета. Пусть она поостережётся, как бы ей не очутиться на острие «Стального шлема».

Летом 1930 г. германская эскадра встретила восторженный приём в итальянских портах, а делегация «Стального шлема» была радушно принята Муссолини. Руководитель германской делегации выразил надежду, что Италия и Германия отныне будут жить в нерушимой дружбе. «Страны, стиснутые на пространстве Средней Европы, — заявил он, — имеют одинаковую участь и в будущем должны выступать совместно»³.

Ещё более решительным было заявление Геббельса сотруднику итальянской газеты «Messagero» (после выборов 14 сентября 1930 г.). «Лицо современной Европы изменится, — пророчествовал Геббельс, — вследствие

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 436. 11-е изд.

² Luddecke K. I knew Hitler.

³ Silvio Trentin. Le fascisme à Genève, chap. VIII.

политики союза Германии с противниками Франции, в особенности с Италией, с которой связана судьба германского народа».

Полной гармонии будущих союзников мешали, однако, конкретные препятствия: вопросы о Южном Тироле, судьбе Триеста и об аншлюссе Австрии приобретали для Италии чрезвычайную остроту.

Недостаточно утешительным для неё оказывалось и идеологическое сродство с фашистской Германией. Упоенный своими политическими успехами, Гитлер уже стал забывать о том, что Муссолини раньше него совершил в своём государстве фашистский переворот. Первенство за Италией он признавал теперь только в семье латинских наций; первое же место среди народов мира отводилось германской расе.

Надежды Гитлера на безусловную поддержку итальянской дипломатии не оправдывались. Поездка Геринга в Рим и переговоры Папена с Ватиканом в апреле 1933 г. успехом не увенчались. Более того, выяснились расхождения между итальянской и германской позициями по вопросу о ревизии договоров. Наиболее острой оказывалась проблема аншлюсса. На ней легче всего могла сломиться будущая «ось» Берлин — Рим.

АВСТРИЙСКИЙ ВОПРОС ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ИТАЛИИ И ГЕРМАНИИ

В апреле 1933 г. одновременно прибыли в Рим фон Папен и Геринг из Германии и канцлер Дольфус из Австрии. Идея аншлюсса подверглась атаке со стороны Муссолини, Дольфуса и римского папы. Последний опасался растворения католической Австрии в протестантской Германии. Муссолини боялся приближения Германии к итальянскому Тиролю, Адриатике, балканским странам. К тому же он носился с планом создания Дунайской конфедерации под главенством Италии. Дольфус вернулся в Вену, окрылённый надеждой, что в Риме «Австрия имеет друга, на которого может рассчитывать». Вскоре он запретил в Австрии национал-социалистские организации и изгнал из Вены нацистских главарей. Они нашли убежище в Мюнхене. Оттуда при помощи радио и печати они повели яростную агитацию, требуя свержения правительства Дольфуса и присоединения Австрии к Германии.

Дипломатия Франции и Англии внимательно следила за назреванием австро-германского конфликта. Но ни в Париже, ни ещё более в Лондоне не было охотников начать бой с Гитлером из-за Дольфуса. Роль защитника австрийского канцлера англо-французская дипломатия не без удальства предоставляла фашистской Италии.

С согласия Лондона и Парижа Муссолини обратился к Гитлеру, укаывая на остроту создавшегося для Австрии положения. Германское правительство ответило самыми успокоительными заверениями. Но уже 7 августа 1933 г. в официальных беседах с французским послом и английским поверенным в делах статс-секретарь Бюлов резко заявил, что германское правительство не может допустить иностранного вмешательства в австро-германский спор. Муссолини был вне себя. Ещё бы, ведь он сам взялся уладить это дело. Австрийский вопрос он рассчитывал сделать предметом торга или сделки исключительно между Римом и Берлином. Итальянская фашистская печать немедленно подхватила возмущение своего дуче. Она стала кричать, что дипломаты Англии и Франции всё испортили своим неуместным выступлением в Берлине.

19 августа 1933 г. Дольфус отправился в Риччионе на поклон к Муссолини. В опубликованном по этому поводу коммюнике сообщалось о «полном согласии обеих сторон в вопросе о независимости Австрии».

Но 3 октября 1933 г. на Дольфуса было совершено покушение нацистами. Канцлер был легко ранен. В Австрии было объявлено военное положение. На австрийско-германской границе участились инциденты.

В ответ на мирные предложения Дольфуса Гитлер ультимативно предъявил ему требование «унификации» Австрии. Дольфус решил об-

ратиться за защитой в Лигу наций. Но в Лондоне ему «не советовали» прибегать к этому средству, в Риме же решительно возражали против такого обращения. Муссолини продолжал разыгрывать роль покровителя Австрии и личного друга Дольфуса. Он предложил взять на себя инициативу обращения к Германии от имени Англии, Франции и Италии.

Декларация трёх держав от 17 февраля 1934 г. ничего не добавила к прежним договорным гарантиям австрийской независимости. В Лондоне считали такую декларацию излишней, но ничего не предложили взамен. Для Муссолини же это дипломатическое выступление было нужно, чтобы предупредить обращение Австрии в Лигу наций. Во-первых, последнее умалило бы его личную роль посредника между Берлином и Веной. Во-вторых, им ослаблена была бы позиция демонстративного пренебрежения самого Муссолини к «женевскому институту». Наконец, оно привело бы к широкой огласке тех заговорщических приёмов работы гитлеровцев в Австрии, характеристике которых было посвящено обширное документальное досье, составленное венским кабинетом. Муссолини не хотел допустить этих скандальных разоблачений, дабы не раздражать Гитлера.

БАЛКАНСКИЙ ПАКТ (9 ФЕВРАЛЯ 1934 ГОДА)

Перед опасностью соединения Германии с Австрией и дальнейшего немецкого наступления страны Малой Антанты, а также не входившие в неё балканские государства стали думать об объединении своих сил. Конференции Малой Антанты следовали одна за другой. Все они решительно высказывались против пересмотра мирных договоров. Пользуясь благоприятным моментом, французская дипломатия, озабоченная вопросом об укреплении своих пошатнувшихся позиций на юговостоке Европы, выдвинула проект так называемой Балканской Антанты. Английская дипломатия поддержала французскую инициативу.

9 февраля 1934 г. в Афинах было подписано соглашение между четырьмя балканскими странами—Грецией, Румынией, Турцией и Югославией. Балканский пакт обязывал подписавшие его страны совместно защищать их внутрибалканские границы и согласовывать свою внешнюю политику.

Из балканских стран пакта не подписали под влиянием Германии и Италии Болгария и Албания. По этому поводу европейская печать выражала сомнения в том, что новый договор будет способствовать общему умиротворению. Опасения эти оправдались. Итальянская дипломатия решила использовать момент, чтобы самой перейти в наступление.

В начале 1934 г. по всей Австрии начался разгром рабочих организаций и рабочих кварталов под предлогом раскрытия «большевистско-марксистского заговора». Разгром был организован хеймвером; так именовался вооружённый легион, получавший субсидии от итальянских фашистов и бывший орудием итальянской политики в Австрии. Хеймвер требовал от Дольфуса фашизации Австрии по итальянскому образцу. Муссолини, как сообщалось в антифашистской прессе, ставил условием своей помощи Австрии очищение её от социал-демократов и коммунистов. В середине февраля 1934 г. итальянские войска были сконцентрированы на границе Австрии на случай поражения правительства Дольфуса в предстоящей гражданской войне. В Вене началась всеобщая стачка. Правительственные войска и фашистские организации присоединились к хеймверовцам. К вечеру 15 февраля 1934 г. исход борьбы был решён: «красная столица» перестала существовать.

Гитлеровцы объявили по радио, что на время гражданской войны в Австрии они прекращают враждебные действия против австрийского правительства. Перемирие между палачами австрийского пролетариата продолжалось до мая 1934 года.

Во время этого перемирия, 17 марта 1934 г., был подписан итало-австро-венгерский пакт. Им устанавливался принцип контакта и консультаций между подписавшими договор сторонами по общим для них проблемам с целью «осуществления согласованной политики, направленной на проведение эффективного сотрудничества».

«Консультационный» пакт 17 марта превращал австрийского канцлера в марионетку в руках Муссолини. Австрия и Венгрия становились подголосками фашистской Италии. Однако дипломатический успех Италии внушал самому Муссолини некоторую тревогу. Римский диктатор чувствовал необходимость успокоить и задобрить своего германского партнёра. На другой день после подписания итало-австро-венгерского пакта, 18 марта 1934 г., Муссолини произнёс речь, в которой его двойственная позиция сказала с полной наглядностью. Муссолини требовал разоружения «вооружённых наций» и равенства прав Германии на вооружение. В той же речи он заверял, что «исторические задачи» Италии влекут её в Азию и Африку. Но и здесь «Италия,— спешил он оговориться, — имеет в виду не территориальные завоевания, а всего лишь духовную и экономическую экспансию».

Более чем сомнительно, чтобы угодливые заверения Муссолини были всерьёз приняты в Берлине. На Востоке же ближайшим результатом декларации Муссолини было то, что Турция поспешила укрепить свои связи с Балканской и Малой Антантой и приняла семилетний план усиления своей национальной обороны.

Упоминание Муссолини о необходимости для итальянского фашизма завоевания путей в Азию и в Африку вызвало тревогу в Абиссинии, хотя она и была связана с 1928 г. с Италией договором о дружбе, применении силы в спорах и об арбитраже.

БОРЬБА СССР ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ МИРА

Победа фашизма в Германии, попытки объединения фашистских сил на юговостоке Европы, успехи идеи реванша и ревизии договоров крайне обострили международную обстановку в Европе.

В этой напряжённой атмосфере советская дипломатия продолжала твёрдо проводить свою линию, разоблачая тех, кто подготовлял войну, поддерживая страны, которые стремились к сохранению мира.

Советская дипломатия предложила всем своим соседям пакты о ненападении. Она добилась подписания целым рядом государств конвенции об определении агрессора. Она стремилась к укреплению делового сотрудничества с теми странами, с которыми СССР имел уже официальные отношения, и к возобновлению отношений с теми государствами, которые их ещё не восстановили.

Весьма важное значение для укрепления дела мира имело установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Соединёнными Штатами Америки.

Несмотря на отсутствие официального признания торговые связи между СССР и США развивались успешно. Укрепление делового сотрудничества способствовало устранению тех искусственных преград, которые долго мешали установлению нормальных взаимоотношений между двумя крупнейшими государствами мира.

10 октября 1933 г. новый президент США Рузвельт обратился к председателю ЦИК СССР М. И. Калинину с посланием, в котором предлагал начать переговоры о восстановлении нормальных отношений. В ответной телеграмме от 17 октября тов. Калинин сообщил, что правительство Советского Союза охотно принимает предложение президента США.

Результатом переговоров было установление 16 ноября 1933 г. нормальных дипломатических отношений между США и СССР.

Напряжённость политической обстановки в Европе, угроза территориальной неприкосновенности и независимости государствам Малой Антанты со стороны агрессивной Германии, нерешительная политика и порой прямое попустительство по отношению к Гитлеру со стороны Англии и Франции заставляли и Малую Антанту искать сближения с Советским Союзом. Конференция стран Малой Антанты, состоявшаяся в Загребе 22—23 января 1934 г., предложила своим участникам установить нормальные дипломатические отношения с СССР. Вскоре произошёл обмен нотами об установлении дипломатических отношений между СССР и Румынией и между СССР и Чехословакией. Что касается Югославии, то под давлением русских белогвардейцев она ещё воздерживалась от восстановления нормальных дипломатических связей с Советским Союзом.

Укреплялись отношения Советского Союза и с Францией. Подписание правительством Эррио 29 ноября 1932 г. советско-французского договора о ненападении послужило основой для дальнейшего развития дружественного сотрудничества между обеими странами.

Одним из важных этапов на пути франко-советского сближения было временное торговое соглашение между Францией и СССР, подписанное 11 января 1934 года. При его подписании французский министр иностранных дел Поль Бонкур отметил его значение «не только для коммерческих интересов», но также и «для общего политического курса». Начало этому курсу было положено ещё Эдуардом Эррио. Вполне определился он во время дебатов во французском парламенте 15 февраля 1933 г. по поводу ратификации франко-советского пакта о ненападении.

Горячим сторонником сближения Франции с СССР был новый министр иностранных дел Франции Барту. Его вхождению в правительство предшествовали серьёзные события внутри Франции. Вечером 6 февраля 1934 г. на улицах Парижа произошло выступление французских фашистов, руководимых полковником де ла Роком и поддержанных начальником парижской полиции Кьяппом.

Организованность и единство французских левых партий и рабочих организаций обрекли выступление французских фашистов на полную неудачу. 12 февраля в Париже была назначена всеобщая стачка и проведена грандиозная демонстрация пролетарской солидарности. Она послужила толчком к развитию широкого демократического движения во всей стране, завершившегося в дальнейшем созданием народного фронта.

Все эти события привели к созданию нового кабинета, явившегося результатом компромисса между правыми партиями и центром.

9 февраля 1934 г. новое правительство возглавил бывший президент Французской республики престарелый Думерг. В его кабинет в качестве министра финансов вошёл Фланден, сочувствовавший фашистам. Единственным последовательным и активным противником фашизма в правительстве оказался новый министр иностранных дел Барту.

Луи Барту был представителем той национальной французской внешней политики, которая диктовалась, с одной стороны, трезвым учётом промышленной и военной мощи Германии, а с другой — патристическими интересами Франции. Барту считал, что Франция должна быть самой сильной державой в Европе. По мнению Барту, защита Франции против германской опасности должна была опираться на систему союзов, заключённых с Польшей, Чехословакией, Румынией и Югославией. Старался Барту сохранить и франко-английское сотрудничество. Однако, будучи убеждённым проводником самостоятельной национальной политики, он опасался, как бы Франция в этом сотрудничестве, по выражению Клемансо, не оказалась в роли лошади, а Англия — в роли наездника.

БОРЬБА ГЕРМАНИИ ЗА ДОВООРУЖЕНИЕ

После выхода Германии из Лиги наций работа коференции по разоружению, несмотря на усалия Англии и Франции продолжать её в прежнем направлении, фактически замерла.

Между тем правительство Гитлера, сорвав конференцию по разоружению, упорно отстаивало свою программу равноправия в вооружениях, сформулированную в меморандуме, переданном Франции 18 декабря 1933 года. Оно требовало увеличения рейхсвера до 300 тысяч человек, с годичным сроком службы; оно настаивало на праве Германии иметь все те виды вооружений, которыми располагали другие страны. В особенности добивалось оно освобождения гражданской авиации от всякого контроля и ограничений; на контроль всех видов военной авиации и другого вооружения немцы соглашались на одинаковых основаниях с другими государствами.

Германия требовала также отмены тех условий Версальского договора, которые запрещали ей держать войска в демилитаризованной Рейнской зоне. Что касается Саарского бассейна, то она добивалась его получения, не ожидая плебисцита 1935 года.

В качестве «гарантий» гитлеровская Германия предлагала десятилетний договор о ненападении с Францией, Польшей и другими своими соседями.

Франция отказалась от заключения подобного договора с Германией. Французское правительство считало, что двусторонний договор о ненападении меньше связал бы Германию, чем её обязательства по Локарнскому соглашению и пакту Келлога. Не соглашалось французское правительство и на пересмотр предварительно принятого английского проекта разоружений, предложенного Макдональдом. Франция настаивала на международном контроле гражданской авиации, а также на распространении контроля на такие полувоеенные германские организации, как «Стальной шлем», отряды СС и СА. Вопрос о Сааре она признавала подлежащим решению Лиги наций согласно Версальскому договору.

Британское правительство ответило на меморандум Германии лишь после предварительных переговоров между Саймоном и Муссолини в Риме 29 января 1934 года. Правительство Великобритании выразило согласие по ряду вопросов пойти навстречу германским требованиям. Италия настаивала на полном удовлетворении германских притязаний на довооружение. Одновременно в Италии возобновилась кампания в пользу создания директории четырёх европейских держав и реформирования Лиги наций.

Единый фронт союзников, который французская дипломатия пыталась создать против угрозы германского вооружения, явно оказывался неосуществимым. Зато возрастал напор фашистской дипломатии и усиливалась активность правительства Гитлера в деле перевооружения Германии.

19 февраля 1934 г. германский министр авиации Геринг заявил корреспонденту «Daily Mail», что Германия должна иметь свой «оборонительный воздушный флот» в размере от 30 до 40% общей воздушной силы своих четырёх соседей — Франции, Бельгии, Чехословакии и Польши.

29 марта 1934 г. был опубликован военный бюджет Германии на 1934—1935 годы. Это был последний обнародованный немцами бюджет. Он предусматривал увеличение расходов на военно-воздушный флот, запрещённый Версальским договором, с 78 миллионов марок до 210 миллионов марок; расходы на рейхсвер возрастали с 344,9 миллиона марок до 574,5 миллиона.

Британское правительство в дипломатическом порядке обратило внимание германского правительства на допускаемое им нарушение Версальского договора. Ответ немцев носил явно издевательский характер. Он

гласил, что Версальский договор ограничивает германское вооружение, а не германские расходы на вооружение.

Англия была встревожена. Лорд хранитель печати Иден получил задание выяснить во французской, германской и итальянской столицах возможность сохранения Лиги наций и возобновления работы конференции по разоружению. 16 февраля 1934 г. он направился в Париж. Барту потребовал решительных мер и применения санкций в отношении Германии. Из Парижа Иден направился в Берлин. Гитлер занимал непримиримую позицию. Он категорически отказался вернуться в Лигу наций до подписания соглашения, приемлемого для фашистской Германии.

Характерным показателем разброда в лагере противников войны явилась позиция, занятая Бельгией 6 марта 1934 года. В бельгийском сенате выступил бельгийский премьер-министр граф де Броквилль. «Для предупреждения перевооружения Германии,— заявил он,— нет иных способов, кроме немедленного объявления войны. Я отказываюсь свергнуть мою страну в такую авантюру». Это был прямой отказ Бельгии от союза с Францией.

Выступление бельгийского премьер-министра вызвало в Париже переполох.

17 апреля 1934 г. французское правительство направило Великобритании ноту, в которой заявило о необходимости вновь поставить вопрос о безопасности Франции, которую оно не отделяет от безопасности других европейских держав. «Фактически,— гласила нота,— германское правительство, не ожидая результатов переговоров, пожелало поставить нас перед своим решением продолжать перевооружение во всех видах и в том объёме, который оно определяет по собственному усмотрению, пренебрегая постановлениями Версальского договора».

Выступая 9 мая в комиссии по иностранным делам палаты депутатов, Барту заявил, что Франция не может ни при каких обстоятельствах санкционировать перевооружение Германии.

Вот что рассказывает о своей беседе с Барту в эти дни журналист Андрэ Симон:

«Я пошёл к нему потому, что по всему Парижу носились слухи, будто Германия потребовала для себя права создания регулярной армии в 300 тысяч человек. Утверждали, что кабинет Думерга под давлением Великобритании готов согласиться на это. Руководители национал-социалистских организаций бывших фронтовиков толкались по Парижу, уверяя всех и каждого, что Гитлер собирается выкинуть все оскорбительные для Франции места из книги «Моя борьба» и что новое, очищенное издание уже готовится к печати.

Барту утверждал, что он «единственный французский министр, прочитавший в оригинале книгу Гитлера «Моя борьба». Он убеждён, что Гитлер не отказался ни от одной запятой в этой книге.

Французский министр иностранных дел изложил своё мнение по вопросу о соглашении с Германией. «Если мы сделаем этот роковой шаг,— воскликнул он,— нам предъявят в скором времени новые, более обширные требования. В один прекрасный день мы должны будем, наконец, остановиться. Лучше сделать это сейчас, пока козыри ещё в наших руках»¹.

Барту считал необходимым немедленно приняться за реорганизацию и укрепление системы внешних договоров Франции. Идеей Барту было расширить Локарнский пакт, дополнив его «восточным Локарно», которое охватывало бы Германию, Советский Союз, Польшу, Чехословакию и прибалтийские государства.

Участники Восточного регионального пакта должны были, по идее Барту, оказывать друг другу всякую помощь, в том числе и военную, в случае нападения какого-либо агрессора на одного из них. Обязатель-

¹ Симон. Я обвиняю «О тех, кто предает Францию», стр. 53—54.

ства взаимной помощи и гарантии границ европейских государств должны были дать и те государства, которые не принадлежали к восточноевропейским странам: Англия, Франция, Италия и Бельгия. Таким образом, Барту стремился создать единый союз европейских стран против агрессоров.

Стремясь заручиться поддержкой Англии, Барту посетил Лондон. «Однако в Лондоне нас ожидал холодный душ,— рассказывает о приеме Барту в Лондоне Женестьева Табуи. — Французский посол в Лондоне поспешил предупредить Барту о том, что последний не в фаворе у англичан».

Впрочем, по мере того как Барту выяснял подробности своего плана, отношение к нему менялось. Один из наиболее активных противников Восточного пакта, Ванситтарт, усмотрел даже в проекте Барту серьезную «дипломатическую победу над русскими». «Но ведь это же замечательно! — воскликнул Ванситтарт. — Это просто кажется невозможным. Что за победа коллективной безопасности! И какая дипломатическая победа над русскими! Вот где оправдание Локарно!»

Британское министерство иностранных дел послало своим послам в Берлине и в Варшаве директиву следующего содержания: «Великобритания полностью одобряет новый пакт, и её дипломатам даны инструкции уведомить об этом соответственно по месту своего поста».

Окрылённый Барту решил лично объехать столицы Польши, Румынии, Югославии и Чехословакии, чтобы договориться о новом пакте с правительствами этих стран. Особенно беспокоила Барту позиция Польши. Поэтом 21 апреля 1934 г. он и выехал прежде всего в Варшаву. Сопровождавшая Барту в его поездке Табуи рассказывает, что Барту решил принять приглашение маршала Пилсудского в ответ на имевший место год тому назад визит полковника Бека, чтобы выяснить, «как Варшава примет решение вступить в союз со своим злейшим врагом—Россией».

«Дела между Польшей и Францией обстояли не слишком хорошо,— пишет Ж. Табуи. — Полковник Бек ратовал за польско-германскую дружбу на всём протяжении времени со дня подписания 26 января германо-польского договора».

— Я боюсь, что господа в Варшаве любят немцев больше, чем русских,— сказал мне Барту почти сразу же, как только наш поезд вышел с Северного вокзала. — Я буду резок с маршалом Пилсудским по вопросу о Восточном Локарно. Всё-таки я обеспокоен их отношением к нему. Что вы думаете, мадам Табуи?

— Я также обеспокоена, господин министр,— сказала я».

Журналистка рассказала Барту о настроениях польской дипломатии, рассчитывавшей на дружбу с Германией после подписания германо-польского пакта. «Отныне Польша не нуждается во Франции, — сказал в Берлине в беседе с Табуи граф Липский. — Она также сожалеет о том, что в своё время согласилась принять французскую помощь, ввиду цены, которую будет вынуждена платить за неё».

Липский заявил, что о «Восточном Локарно сейчас не может быть и речи». «Это было бы признанием слабости по отношению к Москве, — сказал он. — Германская экспансия пойдёт в другом направлении, и мы в безопасности. Теперь, когда мы уверены в планах Германии, судьбы Австрии и Богемии не касаются Польши».

По поводу этих извещений Польши спастись от гитлеровской агрессии, направив её на СССР, французская журналистка заметила Липскому: «Как мало вы знаете Германию!»

Выслушав рассказ Табуи, Барту тревожно покачал головой. Тревога его не была лишена оснований. Встреча Барту с маршалом Пилсудским 21 апреля положительных результатов не дала. Пилсудский был расположен поддерживать добрые отношения с Гитлером в соответствии с не-

давно подписанным договором. Расставаясь с Пилсудским, Барту было явно встревожено. «Я не мог его переубедить», — с огорчением говорил он.

26 апреля 1934 г. Барту прибыл в Прагу. Здесь вместе с министром иностранных дел Бенешем и с престарелым президентом Чехословакии Массариком он обсудил международные проблемы, в которых были заинтересованы обе страны. По вопросу о разоружении стороны сошлись на признании невозможности поддерживать политику, которая под прикрытием равноправия привела бы к усилению вооружения Германии.

ПЕРЕГОВОРЫ О ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ ПАКТЕ

29 мая 1934 г. на открытии новой сессии генеральной комиссии конференции по разоружению состоялась встреча Барту с главой советской делегации Литвиновым. При этом был подвергнут обсуждению вопрос о заключении восточноевропейского пакта взаимной помощи. Такой пакт должен был объединить СССР, Германию, Польшу, прибалтийские страны и Чехословакию.

Все перечисленные государства должны были в случае войны оказывать друг другу военную помощь. Французское правительство принимало на себя обязательство гарантировать этот пакт. Со своей стороны правительство СССР обязывалось взять на себя гарантии выполнения Локарнского пакта, из которого должны быть устранены всякие антисоветские тенденции.

Советское правительство охотно приняло предложение Барту. Ещё до этого, 28 марта 1934 г., оно предложило Германии в целях укрепления мира в восточной части Европы, а также для улучшения взаимоотношений между Германией и СССР подписать протокол, которым оба правительства обязались бы воздерживаться от каких бы то ни было действий, могущих нанести прямой или косвенный ущерб независимости или неприкосновенности пограничных с ними прибалтийских стран.

Фашистское правительство Германии отклонило советское предложение. Отказалось оно и от присоединения к общему Восточному пакту. В объяснении оно хладнокровно заявило, что, «поскольку германское правительство не преследует никаких агрессивных целей, оно и не нуждается в оборонительных пактах».

Польский министр иностранных дел Бек на предложение присоединиться к Восточному пакту дал уклончивый ответ, явно внушённый из Берлина. Он заявил, что Польша согласится участвовать в Восточном пакте лишь в том случае, если в нём примет участие Германия. Кроме того Польша отказывается принять на себя какие бы то ни было обязательства в отношении Литвы. Наконец, она не может гарантировать и границ Чехословакии до тех пор, пока Венгрия не будет участником общего пакта.

Поездка Барту по столицам Восточной Европы успехом не увенчалась. Английская дипломатия, одоблив идею Восточного пакта, соблюдала осторожность в отношении планов Барту. Выступая в палате общин 13 июля 1934 г., Джон Саймон заявил, что английское правительство не будет участвовать ни в какой попытке «окружения» Германии. Он спешил заверить германское правительство, что впредь всякое соглашение европейских стран будет исходить из формулы, принятой в решении пяти держав от 11 декабря 1932 г. о равноправии Германии в пределах системы безопасности для всех народов. Между тем конференция по разоружению уже находилась в агонии. Предложение советской делегации превратить конференцию в постоянный орган, который мог бы заботиться об охране всеобщего мира и обеспечении безопасности всех государств, было отклонено. Английская делегация заняла враждебную позицию по отношению к советскому проекту. Саймон открыто принимал под свою защиту немецких нарушителей Версальского договора. Английская дипломатия не только не хотела ссориться с Германией, но и явно

заигрывала с ней, рассчитывая использовать эту опасную силу для острастки Франции и для обуздания большевиков. Саймон прямо ставил делегатов конференции перед альтернативой: либо согласие на вооружение Германии либо конец конференции.

Барту резко выступал против английской позиции. Он обвинял Англию в том, что в интересах Германии она отказывается от системы коллективной безопасности.

Капитулянтской позиции англичан Барту противопоставлял последовательность советских делегатов, которые упорно и неуклонно отстаивали идею коллективной безопасности.

Резолюция, принятая генеральной комиссией 8 июня 1934 г., предлагала приложить все усилия к скорейшему возвращению Германии на конференцию по разоружению. Для изучения опыта и результатов заключённых ранее пактов о ненападении и безопасности постановлено было создать специальный комитет по выработке общего пакта о безопасности.

УБИЙСТВО ДОЛЬФУСА

Между тем политическая обстановка в Австрии становилась всё более и более напряжённой. Подготавливая захват Австрии, гитлеровская агентура в этой стране с начала 1934 г. всё шире стала применять методы запугивания и провокации. Сам Дольфус не раз получал угрожающие предупреждения гитлеровских агентов в Австрии. Во внешней политике Дольфус ориентировался на итальянский фашизм, надеясь с помощью Муссолини сохранить Австрию от захвата её Германией. Однако правительство Дольфуса не имело прочной основы. Жестокая расправа, учинённая им в феврале 1934 г. над австрийскими рабочими, единственными последовательными противниками фашизма, лишила Дольфуса надёжнейшей внутренней опоры в борьбе за независимость Австрии. Этим не преминули воспользоваться гитлеровцы. В Австрии была создана группа «национал-социалистов», которая повела усиленную подготовку к захвату власти в Австрии.

Обеспокоенный деятельностью Барту, сторонника коллективной безопасности в Европе, Гитлер усилил нажим на Италию.

С этой целью Гитлер сам поспешил встретиться с Муссолини. Свидание состоялось в Венеции 14—15 июня 1934 года. В официальном сообщении было отмечено, что все итало-германские проблемы были обсуждены в Венеции «в духе сердечного сотрудничества». Неофициально добавлялось, что Муссолини убедил Гитлера в необходимости теснейшего итало-германского контакта для скорейшего восстановления «нормального» положения в Австрии.

После встречи Гитлера с Муссолини в Венеции террористическая деятельность австрийских гитлеровцев ещё более усилилась и велась уже почти открыто. Доставка взрывчатых веществ из Германии в Австрию приняла такие размеры, что австрийское правительство 12 июля издало декрет, грозивший смертной казнью за хранение этих материалов. 20 июля 1934 г. был назначен суд в Вене над семью нацистскими террористами, подпавшими под действие этого закона. Накануне суда мюнхенское радио в передаче для Австрии предупреждало, что за судьбу этих семи нацистов ответят головами Дольфус и его правительство. 23 июля то же радио сообщало, что «день суда над Дольфусом» приближается.

Встревоженный усилившимися угрозами, Дольфус отправил семью в Риччионе к Муссолини, куда сам должен был прибыть в ближайшие дни. После кровавой ночи «длинных ножей» 30 июня 1934 г., когда Гитлер расправился в Германии со своими противниками, Дольфус не чувствовал себя в безопасности в Австрии и надеялся лишь на помощь и вмешательство своего «личного друга». Но уехать Дольфус не успел.

25 июля 1934 г. отряд нацистов ворвался в здание австрийской радиовещательной станции и под угрозой расстрела заставил диктора объ-

твить об отставке правительства Дольфуса и об образовании фашистского правительства Ринтелена. В то же время другая банда нацистов ворвалась в кабинет Дольфуса и нанесла канцлеру смертельные ранения.

Однако попытка захвата власти австрийскими гитлеровцами была в течение двух—трёх дней повсеместно ликвидирована. Муссолини, выражая негодование по адресу убийц Дольфуса, заявил, что Италия будет «ещё энергичнее» защищать независимость Австрии. Вечером 25 июля он отдал приказ об отправке четырёх дивизий на Бреннер и на границу Каринтии. Послы Англии и Франции одновременно выступили в Берлине с энергичными представлениями, напоминая правительству Гитлера о международных гарантиях независимости Австрии. Гитлер вынужден был бить отбой. От своего имени и от имени Гинденбурга он послал в Вену телеграмму с выражением соболезнования по поводу убийства Дольфуса. Германский посол Рит был отозван из Вены. В Вену был назначен чрезвычайным послом фон Папен. В письме, адресованном ему, Гитлер поручал «вести отношения с германо-австрийским государством в нормальные и дружественные рамки». Папен освобождался от обязанностей члена германского правительства и направлялся в Вену в качестве личного эмиссара Гитлера, которому он непосредственно и подчинялся. Назначение Папена состоялось без предварительного согласования с австрийским правительством. 15 августа 1934 г. Папен явился в Вену, вручил свои верительные грамоты президенту Микласу и тотчас же отбыл «в отпуск» в Берлин, чтобы выждать, пока рассеется тяжёлое впечатление после убийства Дольфуса.

На заседании Лиги наций 12 сентября 1934 г. новый австрийский канцлер Шушниг заявил о твёрдой решимости Австрии защищать свою свободу. С другой стороны, Барту добился подписания 27 сентября 1934 г. англо-франко-итальянской декларации о необходимости сохранения независимости и целостности Австрии. Дальше этих словесных манифестаций дело не пошло. Фашистской Германии в Центральной и Западной Европе никто не осмеливался противопоставить действительные преграды. Взоры сторонников коллективной безопасности, естественно, обращались при этих условиях к Советскому Союзу.

ВСТУПЛЕНИЕ СССР В ЛИГУ НАЦИЙ

15 сентября 1934 г. по инициативе французской дипломатии правительства 30 государств — членов Лиги наций — обратились к советскому правительству с телеграммой, в которой указывалось, что «задача поддержания и организации мира, являющаяся основной целью Лиги наций, требует сотрудничества всех государств. Ввиду этого нижеподписавшиеся приглашают Союз ССР вступить в Лигу наций и принести своё ценное сотрудничество».

Советское правительство приняло обращённое к нему приглашение 30 государств. Сообщая об этом председателю 15-й Ассамблеи, Наркоминдел писал в своём ответе на приглашение:

«Советское правительство, которое поставило главной задачей своей внешней политики организацию и укрепление мира, никогда не оставалось глухим к предложениям международного сотрудничества в интересах мира. Оно расценивает приглашение как действительное желание мира со стороны Лиги наций и признание необходимости сотрудничества с Союзом ССР».

18 сентября 1934 г. общее собрание Лиги постановило принять СССР в Лигу и включить его представителя в Совет Лиги в качестве постоянного члена. Только три государства — Голландия, Португалия и Швейцария — голосовали против этого решения.

Оценивая международно-политическое значение вступления СССР в Лигу наций, тов. Молотов в отчётном докладе о работе правительства

VII съезду Советов СССР 28 января 1935 г. дал объяснение этому событию в свете борьбы за укрепление всеобщего мира и за коллективную безопасность. «Советский Союз, — заявил глава правительства СССР, — не мог не признать целесообразным сотрудничество с Лигой наций в этом деле, хотя нам и не свойственна переоценка роли подсобных организаций. Нечего уже говорить о том, что приглашение СССР в Лигу наций тридцатью государствами отнюдь не умаляет международного авторитета Советского Союза, а говорит об обратном. Мы записываем этот факт в свой актив»¹.

Вступая в Лигу наций, советское правительство предупредило, что не примет на себя ответственности за её предшествующие решения и за договоры, заключённые без участия СССР. Всё же французская дипломатия рассчитывала, что вхождение Советского Союза в Лигу наций откроет путь деятельному дипломатическому сотрудничеству обеих стран. Однако враги мира рсшили помешать осуществлению этих планов.

УБИЙСТВО БАРТУ

Злодейские плачи Гитлера, включавшего террористические акты в систему своей дипломатии, были с полной очевидностью раскрыты в отношении Барту значительно позже. Но ещё при жизни Барту было достаточно сигналов, свидетельствовавших, что он намечен как очередная жертва гитлеровских убийц.

В своих воспоминаниях французская журналистка Жемельева Табуа приводит любопытную беседу с германским послом в Париже Кестнером, который не принадлежал к национал-социалистам и не одобрял методов гитлеровской «дипломатии».

Эта беседа происходила в тот вечер, когда Табуа узнала, что румынский министр внутренних дел, защитник идеи коллективной безопасности, Дука убит своими политическими противниками. Возвращаясь Табуа приехала к Кестнеру прямо из редакции. Во время обмена впечатлениями по поводу убийства Дука Кестнер сказал, намекая на причастность к убийству фашистской агентуры:

«Если бы вы только знали, о чём они и говорят в Германии. Ещё несколько таких убийств, как это, и Германия будет в состоянии разрешить свои проблемы и достичь своей цели, не прибегая к войне в Европе.

— Действительно, мне кажется, господин посол, что убийство — не новшество в жизни Веймарской республики.

— Да. Но результатов того, о чём я говорю, ожидают от убийств в других странах Европы, а не в нашей собственной. Они утверждают, что Германия обойдётся без войны с помощью шести рассчитанных политических убийств.

— Шесть убийств! — воскликнула я. — Вы шутите!

— Прежде всего есть Дольфус. По мнению Берлина, он единственный австриец, находящийся в серьёзной оппозиции к аншлюссу. Берлин, гегящий, что количество сторонников аншлюсса растёт, надеется на своих соотечественников, чтобы убрать Дольфуса. После него идёт король Югославии. Берлин верит, что когда его уберут с дороги, перспективы альянса между Югославией и Францией будут сведены на-нет. Затем они хотят разделаться с Румынией и особенно с Титулеску, который пользуется расположением Парижа и Лондона.

Здесь я прервала его.

— Думаете ли вы, что они имеют какое-либо отношение к убийству Дука? — спросила я прямо.

Фон Кестнер, не поморщившись, ответил:

— Возможно. Я действительно этого не знаю

¹ Молотов В. Статьи и речи 1935—1936, стр 14 Партиздат. 1937.

— Затем, — продолжал он, — они хотят ликвидировать Бенеша. Они надеются, что как только это будет сделано, германские меньшинства в Чехословакии сами побегут в объятия Веймарской республики.

— Так! — заметила я. — Но это только четыре?

— Да, — сказал он, — другие два? Имеется ещё бельгийский король Альберт — традиционный враг в глазах большинства немцев. На Вильгельмштрассе думают, что, пока Альберт жив, Бельгия никогда не войдёт в германскую систему.

Когда фон Кестнер замолчал, я сказала:

— Ясно, что должны быть и такие французские деятели, которых Вильгельмштрассе желало бы видеть усгнанёнными с дороги?

Фон Кестнер, откинувшись в своём кресле, разразился искренним смехом:

— Да, есть несколько, и среди них особенно Эррио. Они и хотели бы, чтобы и с ним что-нибудь случилось, потому что это человек, которого они в настоящий момент боятся больше всего, несмотря на то, что он дал им «равенство в правах»...

«Будущее не замедлило самым зловещим образом подтвердить это мрачное интервью, — добавляет в своей книге Женевьева Табуи. — Было убийство Дольфуса, было убийство Александра Югославского. И было убийство бедного Барту, который стал министром иностранных дел, когда Эррио отказался принять этот пост из-за вопроса об американском долге»¹.

Убийство Дольфуса тяжело поразило Барту. Когда 26 июня из Вены пришла телеграмма с сообщением об убийстве канцлера, он вспомнил, что Дольфус прибыл на венский вокзал, чтобы лично приветствовать французского министра, когда он возвращался из поездки по восточноевропейским столицам. Дольфус был доволен успехами дипломатической миссии Барту и говорил, что они упрочат положение в Европе.

«Мы все ответственны за Австрию», — говорил Барту 26 июня. Он добавил, что теперь у него мало надежд на сохранение мира.

Фашистские гангстеры несколько раз покушались на жизнь Барту. Но покушения были неудачны вплоть до рокового воскресенья 9 октября 1934 г., когда он и Александр, король югославский, были умерщвлены в Марселе.

На свидание с югославским королём Барту возлагал большие надежды.

«Теперь я действительно сделаю что-нибудь для моей страны», — говорил он в беседе с Табуи и предложил ей поехать с ним в Марсель встречать Александра.

«Когда я ответила, что предпочту ожидать его в Париже, он улыбнулся:

— А, так вы боитесь, что будет покушение?

— Нет, — ответила я, смеясь. — Это не причина. Но что заставляет вас думать, что покушение будет?

— Кажется, — ответил он рассеянно, — что они раскрыли в Марселе заговор каких-то анархистов с целью покушения»².

Об этом заговоре сообщалось в раннем послеобеденном воскресном издании «Paris Midi» и «Paris Soir»; их более поздние издания сообщали уже об убийстве Александра и Барту. Весть о злодейском убийстве мгновенно облетела весь мир. Заговорили о новом Сараево.

В Берлине, Риме и особенно Будапеште царило подозрительное оживление. Итальянские радиостанции сразу же закричали о распаде Югославии, возвещая её предстоящий делёж. Протест югославского посланника был встречен издевательски грубо в итальянском министерстве ино-

¹ Tabouis Genevieve They called me Cassandra, p 144—146. N. Y. 1942.

² Ibidem.

странных дел. Однако через день радиостанции были призваны к порядку. Югославский посланник снова был принят в итальянском министерстве иностранных дел. На этот раз приём был уже предупредителен и любезен.

В Белград на похороны короля прибыл из Берлина Геринг. Одновременно из Будапешта поехал Гембеш. По пути он остановился в Вене для консультации с фон Папеном.

Эта дипломатическая суета фашистских правительств на юговостоке Европы была не случайна. Следы марсельского убийства вели в Берлин, Рим и Будапешт. Убийцы оказались членами хорватской террористической организации усташей, руководимой бывшими офицерами австрийской армии. Во главе её стоял капитан австрийской службы Анте Павелич.

Уже вскоре после прихода Гитлера к власти между национал-социалистами и хорватскими головорезами установились теснейшие связи. Павелич со своим аппаратом поселился в Берлине. Здесь же выходили три газеты хорватских террористов. Денежные средства обильно текли из гитлеровской кассы. Газеты усташей вели бешеную кампанию против Югославии, яростно нападали на Барту и превозносили Гитлера. Усташки требовали не только полной независимости Хорватии, но и отделения от Югославии Словении, Далмации и Боснии. Это означало бы полное разрушение югославского государства — опоры Франции на Балканах, опаснейшего соседа фашистской Италии, влиятельного члена Малой Антанты, ненавистной Берлину, Риму и Будапешту.

Приезд Барту на Балканы и его переговоры о создании широкой сети соглашений с целью коллективной взаимопомощи против германской агрессии побудили хорватских террористов, по прямому заданию Гитлера, организовать убийство ненавистного фашистам французского дипломата.

Несмотря на то что соучастие нацистов в марсельском преступлении было очевидно, реакционные круги во Франции приняли все меры, чтобы затушить дело об убийстве Барту и Александра. С этой целью расследование убийства было поручено правительством Думерга сенатору Андре Лемери, активному члену фашистской организации «Боевые кресты». Оно тянулось два года и, естественно, не дало никаких результатов.

Таким образом, вследствие агрессивной политики гитлеровской Германии и попустительства правительств буржуазно-демократических стран возник второй очаг войны. Этот очаг был расположен в центре Европы, и его наличие свидетельствовало о назревании войны общеевропейской

С. М. СОЛОВЬЕВ И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Проф. Н. Рубинштейн

Сто двадцать пять лет назад, 17 (5) мая 1820 г., в Москве родился выдающийся представитель русской исторической науки — Сергей Михайлович Соловьёв.

На 1945 г. приходятся ещё две юбилейные даты жизни и деятельности знаменитого историка: в сентябре исполнилось 100 лет со дня его вступления на кафедру Московского университета, а в октябре — 100 лет со дня защиты Соловьёвым его магистерской диссертации «Об отношении Новгорода к великим князьям», первого большого научного труда, в котором Соловьёв заложил основы своей новой, научной концепции русской истории. Обе эти знаменательные даты в жизни учёного являются также юбилеем и Московского университета и всей русской исторической науки.

Меньше чем два года спустя, в 1847 г., Соловьёв дальше развил свою концепцию русской истории во втором большом труде, в своей докторской диссертации «Об отношениях между князьями Рюрикова дома», а в 1851 г. дал её законченную сжатую формулировку во введении к первому тому «Истории России с древнейших времён».

Двадцать девять томов «Истории», регулярно выходивших один за другим, отмечают последующие двадцать девять лет жизни учёного, долгий путь научного исследования, в процессе которого автор не раз останавливался для подведения итогов, для научного обобщения — в отдельных главах «Истории России», или в «Публичных чтениях», или в специальных статьях. Работа над «Историей России» оборвалась вместе с жизнью учёного на последней трети XVIII века. К этому труду прекрасно применимы слова, сказанные Соловьёвым в другой связи: «Великая русская земля требует и работы великой».

В первых же трудах Соловьёв далеко ушёл от своих предшественников, хотя и опирался, конечно, на итоги их работы. Что дала русская историческая наука за предшествовавшие 50 лет? Карамзин, по определению своих младших современников, поддержанных самим Соловьёвым, был историком «не нашего времени» (П о л е в о й), он лишь подвёл итог XVIII веку. Эверс, Каченовский и Арцыбашев дали основы критического метода науки XIX в. — «высшую критику», по терминологии Шлецера. Полевой и Погодин заложили первые основы научно-исторического синтеза; Кавелин, как указал ещё Чернышевский, подошёл к органическому пониманию исторического развития. Наконец, в трудах Грановского и его школы русская историческая наука развернула творческую разработку всемирной истории, создавая тем самым впервые научную общеприятную основу в интерпретации истории России. Но всё это были только обособленные звенья, отдельные элементы. Только в трудах Соловьёва они сомкнулись в одно целое и в новом, органическом единстве получили своё настоящее значение.

Отсюда то определяющее значение, которое труд Соловьёва, его научная концепция имели для всего последующего развития русской бур-

жуазной исторической науки. Об этом неоднократно говорили её лучшие представители.

Ученик и преемник Соловьёва в Московском университете, В. О. Ключевский писал в 1879 г., под непосредственным впечатлением смерти Соловьёва: «Даже при успешном ходе русской исторической критики в нашем учёном обороте надолго удержится значительный запас исторических фактов и положений в том самом виде, как их впервые обработал и высказал Соловьёв»¹.

В 1907 г. Н. П. Павлов-Сильванский, лучший представитель буржуазной исторической науки начала XX в., по-своему пытавшийся преодолеть её ограниченность, определяя историографические истоки своей научной концепции, в книге «Феодализм в древней Руси» также возвращался к Соловьёву.

В 1920 г. эту же мысль развивал А. Е. Пресняков в докладе на юбилейном собрании Союза архивных деятелей, посвящённом столетию со дня рождения С. М. Соловьёва: «Он — центральное лицо всей русской историографии, так как в его труде — итог предыдущей подготовительной работы, итог, сделавший русскую историю наукой и обогащённый огромными результатами собственных изысканий, и так как в его трудах — исходные точки большинства дальнейших течений русской исторической науки»².

Именно научная обобщающая мысль, историко-философская основа труда Соловьёва, а не простое богатство его фактического содержания определили силу и устойчивость этого влияния. Соловьёв — носитель определённого научного мировоззрения. «Изучая крупные и мелкие явления жизни одного народа, — писал Ключевский в 1879 г. в некрологе, — он не терял из вида общих законов, правящих жизнью человечества, коренных оснований, на которых строятся людские общества. Мыслитель укрывается в нём за повествователем, его рассказ развивается на историко-философской основе, без которой история становится забавой праздного любопытства»³.

Между тем приходится признать, что действительное содержание научного мировоззрения Соловьёва оставалось до настоящего времени не раскрытым. Соловьёв был механически включён в состав государственной юридической школы в русской историографии. Может быть, большая доля вины в этом лежит на его ученике, Ключевском, который, пройдя через школу Чичерина, передал систему взглядов Соловьёва в своеобразном преломлении чичеринской схемы.

Изучая наше научное наследство, мы должны определить действительное место Соловьёва в развитии русской исторической науки в середине XIX в., определить то новое и прогрессивное, что внесено в неё Соловьёвым.

При этом необходимо помнить, что Соловьёв был представителем буржуазной исторической науки, отражавшим прогрессивный этап её развития, но, тем не менее, неспособным преодолеть ограниченность её идеалистического миропонимания. Отсюда и ограниченность его научной методологии, которая зачастую даже отставала от его научных обобщений, в силу чего формулируемые им передовые теоретические положения нередко оставались нереализованными в его конкретном историческом повествовании. Но всё же эти передовые идеи были не случайно брошенными мыслями, а элементами единой системы взглядов, выражением определённой направленности научной мысли историка. Этим передовым

¹ Ключевский В. Очерки и речи, стр. 40 М 1918

² Цитирую по рукописи.

³ Ключевский В. Указ. соч., стр. 41.

тенденциям и посвящена настоящая статья (в одной статье не могут быть охвачены все стороны научного мировоззрения и научной методологии Соловьёва).

Чем определяется место Соловьёва в развитии русской исторической науки? Осмысление этого вопроса самим учёным значительно помогает его разрешению.

Соловьёв оставил нам богатое историографическое наследство. Здесь он прежде всего определил своё отношение к предшествующей русской исторической мысли. В работе «Писатели русской истории XVIII в.» он внимательно проследил процесс формирования истории как науки на протяжении XVIII в. в России — от Татищева до Болтина. Но в то же время он резко отделял науку XIX в. от науки XVIII века. В Биографическом словаре профессоров Московского университета, в статье, посвящённой Каченовскому, Соловьёв писал о Карамзине: «История государства Российского блестящим образом закончила труды XVIII в., XIX век выставил новые требования». В полемике между сторонниками Карамзина и его критиками из рядов младших современников (Каченовский, Полевой) Соловьёв стал на сторону последних.

В новой науке XIX в. он выделяет прежде всего Каченовского и Эверса как создателей научно-критического метода, как тех, кто научил его «думать над историей». Хотя в его критике Погодина есть элементы личного порядка, но в характеристике его преподавания Соловьёв метко подчеркнул внешнеформальный характер «математической методы» Погодина. Резкой критике подверг он русскую романтическую школу славянофилов, квалифицируя их учение как «антиисторическое направление в истории»¹. Полемика со славянофильством продолжается в работах Соловьёва вплоть до 60-х годов. Личная дружба и научное сотрудничество связали его с Грановским — Кавелиным 40-х годов. Прямых отзывов о русской государственной школе и о позитивизме в русской исторической науке мы у Соловьёва не находим. Но этот пробел частично восполняется его высказываниями о западноевропейской историографии.

Здесь на первом месте то же разграничение исторической науки XVIII и XIX веков. Оно резко выражено в работе «Император Александр I. Дипломатия. Войны»². Наука XVIII в. и по существу отражает устаревшую идеологию родовитого дворянства; Соловьёв заносит в тетрадь запись о Булянвиле, дворянском историке предреволюционной Франции: «Это был дворянин (вроде нашего Карамзина), который отыскивал в истории документы о свободе дворянства против власти королевской и презирал народ»³. Его симпатии скорее всего на стороне французской исторической школы, в частности Гизо. С деятельностью Гизо связано прогрессивное течение молодой буржуазной науки 20—30-х годов XIX в., как показал Плеханов в своём труде «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»⁴.

Рядом с этим стоит резко отрицательное отношение к немецкой исторической школе этого периода, на которой Соловьёв, впрочем, лишь кратко остановился в своих «Записках». Нельзя при этом не вспомнить глубокого внутреннего различия между философско-исторической направленностью мысли Соловьёва и методологией Ранке, который на первое место ставил внешнюю фактичность — «то, как это действительно происходило» («wie es eigentlich gewesen»). В лице Рия Соловьёв

¹ Соловьёв С. Шлецер и антиисторическое направление в истории. Изд. «Общественная польза».

² Наиболее характерную цитату см. дальше.

³ Цит. по рукописям Государственной библиотеки СССР имени Ленина, фонд Соловьёва, VI(9)б.

⁴ Резко критическое высказывание Маркса о Гизо относится уже к середине XIX века.

подвергает резкой критике узкий национализм и антиисторизм немецкой романтической историографии¹. Его ограниченность он производит «от узкого представления народности, от мелкой, недостойной великого народа вражды, зависти к другим народам»².

На Соловьёва, безусловно, оказала значительное влияние философия истории Гегеля. Об этом влиянии сам Соловьёв говорит в своих автобиографических «Записках». Отражение философско-исторических идей Гегеля особенно последовательно сказалось в той схеме всемирной истории, которая дана Соловьёвым в «Наблюдениях над исторической жизнью народов». Широкое влияние философско-исторической концепции Гегеля отмечалось также во всей европейской историографии. Начало историзма, отмечающее первый этап её развития, сближало её с передовой мыслью молодого буржуазного общества, рождённого революционной борьбой конца XVIII века. Однако важно то, что в формировании исторических взглядов Соловьёва влияние Гегеля встретилось с влиянием молодой исторической школы Франции; без него нельзя понять сущность исторической методологии Соловьёва «Общество, его состав, образ жизни отдельных лиц в зависимости от их социального положения, отношения различных классов, лиц, словом, гражданский быт людей» — эта программа конкретного исторического изучения, сформулированная в 1821 г. Гизо. горячим поклонником которого Соловьёв был на протяжении всей своей научной деятельности, как нельзя лучше определяет программу исторических работ Соловьёва. Отсюда же и проблема поземельных отношений (теория вотчинного начала) и проблема города (начиная с вопроса о южных и северных городах) в исторической концепции Соловьёва.

В системе исторических взглядов Соловьёва влияние французской исторической школы, тема гражданского быта противостоят всецелию государственного начала, которое в конечном итоге привело к идеализации прусской монархии у Гегеля, к торжеству реакционных начал у правых гегельянцев.

Особый интерес представляет переход Соловьёва от критики своих предшественников к критике новых, более молодых научных течений. Я имею в виду отношение Соловьёва к позитивизму в исторической науке и, в частности, к Боклю.

В нашей историографии существует традиционное утверждение о влиянии Бокля на Соловьёва. Это утверждение мы находим даже в упоминавшейся уже работе Павлова-Сильванского. Это связано, очевидно, с положениями о роли природных условий в историческом развитии человеческого общества. Но, во-первых, самое признание географического фактора предшествует Боклю: оно пришло в Россию ещё от Монтескье, дополнено влиянием К. Риттера и нашло широкое отражение в Московском университете; специальные вопросы о роли географического фактора и об исторической географии ставились и на магистерском и на докторском экзаменах Соловьёва. Во-вторых, самая постановка вопроса у Соловьёва и Бокля принципиально разная: для Соловьёва природные условия никогда не бывают решающим фактором, они только тормозят или ускоряют темпы развития, и их влияние падает по мере развития человеческого общества.

Однако вопрос этим не ограничивается. В работе Соловьёва «Наблюдения над исторической жизнью народов» мы находим прямую и очень принципиальную критику теории и методологии Бокля. Если, с одной стороны, Соловьёв свободен от узости учения Бокля о роли природного фактора, то, с другой, он не менее решительно отвергает и крайний интеллектуализм боклевского понимания «Истории цивилизации».

«Прежде чем следить за интеллектуальным развитием в стране. — пишет Соловьёв. — надобно уяснить: что сделало эту страну способной к интеллектуальному развитию, какие условия подготовили известную

¹ Соловьёв С. Соч. «Исторические письма».

² Там же, стр. 864.

почву для интеллектуального развития». И далее: «Значит, важное значение имеют известные отношения и без интеллектуального развития»¹.

Конечно, Соловьёв, как представитель буржуазной науки, стоял на идеалистических позициях в конкретной трактовке исторического процесса. Но тем существеннее принципиальная тенденция преодолеть её внутреннюю ограниченность. Мы увидим далее, как мыслил он себе практическую реализацию этих начал.

Что же противопоставлял Соловьёв всем этим различным направлениям, в чём видел он позитивную сущность своего нового направления в исторической науке?

Историзм — таков принципиальный смысл его неоднократных высказываний по этому вопросу. В работе «Император Александр I. Дипломатия. Войны» Соловьёв, очень далёкий от каких-либо революционных идей и симпатий, начинал новый период в истории общественной и научно-исторической жизни Европы, и России в том числе, с французской революции 1789 года. Сущность этого нового периода XIX в. Соловьёв определял так: «Отсюда великое научное движение; отсюда ясное сознание великого значения исторической науки; отсюда господство исторического метода; отсюда стремление к изучению народности, изучению самому подробному, микроорганическому», отсюда и «понимание полноты жизни человеческой, её органического развития»².

В 1856 г., выступая с речью на столетнем юбилее рождения Карамзина, он формулировал эту же мысль применительно к русской исторической науке своего времени «Каждому дню его забота, каждому веку его труд; нашему времени завещано собрать воедино все части русской истории, найти их смысл и примирить все эпохи» («примирить» — значит установить внутреннюю связь между ними).

О том же говорил он в уже упоминавшейся статье о Каченовском: «XIX век выставил новые требования... Первое дело, которым должна была теперь заняться наука, состояло в том, чтобы уничтожить... смешение эпох, выставить каждую из них с соответствующим ей характером, уяснить, таким образом, постоянный ход истории, преемство явлений, естественный, законный выход одних явлений из других, последующих из предыдущих».

Наконец, хорошо известно положение, данное Соловьёвым в предисловии к I тому его «Истории», — принцип единства рассмотрения целого: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить по преимуществу за связью явлений, за непосредственным преемством форм»³.

Этот принцип историзма получает у Соловьёва конкретную реализацию как учение об историческом процессе, об органическом единстве исторического развития. В трактовке Соловьёва оно получает сразу двойное решение. Прежде всего это — учение о процессе развития как прогрессе, развивающее наиболее прогрессивное наследие передовой научной мысли просветителей XVIII века. Этот принцип вырождается в условиях XIX в., когда буржуазия пугается революционной сущности исторического развития и начинает искать спасения в фактологии. Напротив, Соловьёв неоднократно подчёркивает, что «новое начало получает непосредственно своё питание от начала, только что перед тем выработанного; в истории нет эпох пустых, нет эпох, вырабатывающих только какие-нибудь вредные для человечества начала». «В народе никакие исторические события не проходят бесследно, — пишет он дальше, — не подействовав на ту или другую часть общественного организма»⁴. Он ополчается против идеа-

¹ Соловьёв С. Соч., стб. 1122. Изд. «Общественная польза».

² Соловьёв С. Соч., стб. 617.

³ Соловьёв С. «История России». Т. I. Ч. 1-я, стб. 1

⁴ Соловьёв С. «Исторические письма». Соч., стб. 855—856.

лизации прошлого, усматривая в этом сомнение относительно будущего, он видит в этом «отставание исторического самосознания общества».

Но в то же время в отличие от рационалистической теории прогресса XVIII в. (сведённой к «идеальной», абстрактной сравнительной оценке последовательно сменяющихся эпох, к утверждению конечной идеальной цели) эта концепция Соловьёва опирается на признание внутренней закономерности, причинной обусловленности исторического развития, закономерности самого прогресса. «Естественно и необходимо» — основной принцип исторической жизни и исторического познания для Соловьёва. Пожалуй, такого принципиального единства закономерности и прогресса в понимании исторического развития не достигал до Соловьёва ни один другой буржуазный историк — ни у нас, ни на Западе.

Соловьёв пытается дать и конкретное раскрытие принципа внутренней закономерности исторического развития. В статье «Начала русской земли» он так определяет действительные основы закономерности исторического развития: 1. Природа страны. 2. Природа племени. 3. Ход внешних событий.

О роли природы страны, т. е. о географических условиях в понимании Соловьёва, речь была выше. О природе племени, или этническом начале, подобно будет сказано ниже, в связи с трактовкой Соловьёвым вопроса славянского этногенеза. Отметим только с самого начала, что Соловьёву абсолютно чужды идея национальной замкнутости, националистическая ограниченность этнографизма романтической школы. «Застой — удел народов, особо живущих; только в обществе других народов народ может развивать свои силы, может понимать самого себя»¹. Соловьёв выступает против «узкого представления народности», против «мелкой, недостойной великого народа, зависти к другим народам»².

В общей концепции Соловьёва, несомненно, основным является третье положение — «ход внешних событий». Эта соловьёвская формулировка нередко подвергается абсолютно неверному истолкованию: её понимают буквально как «внешнее» воздействие, как влияние соседних народов. Между тем в рукописном варианте статьи Соловьёва «Наблюдение над исторической жизнью народов» эта формулировка получает значительно более ясное определение, исключающее толкования такого рода. «Из наблюдения над первобытными народами, — пишет Соловьёв, — истекают главные условия народной жизни: происхождение, природа страны, исторические обстоятельства (влияние других народов, ранняя усидчивость, движение, борьба, различный её характер). Все эти условия действуют на развитие, понимаемое в нашем смысле»³.

«Происхождение» — это «природа племени» первой формулировки; «природа страны» повторена в обеих формулировках. Но вместо «внешнего хода событий» Соловьёв здесь употребляет выражение «исторические обстоятельства» и затем раскрывает это понятие как совокупность всех явлений общественной жизни вообще. «Влияние других народов» даётся здесь как частный момент в общей совокупности явлений, причём из приводившейся выше формулировки об исторических связях между народами явствует, что оно приобретает отнюдь не «внешний» характер.

В такой формулировке это положение тесно связано с неоднократными утверждениями Соловьёва о необходимости рассматривать исторические явления в системе всей совокупности исторических отношений. Это положение сформулировано и в приведённом определении методологических основ исторической науки XIX в. в статье о Каченовском. Об этом говорится и в тексте введения к I тому «Истории России», частично приведённом выше: «Не разделять начала, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних

¹ Соловьёв С. «Наблюдения над исторической жизнью народов», стб. 1125.

² Соловьёв С. «Исторические письма». Соч., стб. 864.

³ Цит. по рукописи Ленинской библиотеки.

причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию,— вот обязанность историка в настоящее время, как понимает её автор настоящего труда»¹.

«Обязанность историка — показать причины, почему одно начало действует на первом плане, а другое действует слабо, медленно»,— возвращается Соловьёв к тому же вопросу в «Исторических письмах». «Историк, увлекаясь каким-нибудь сочувствием, не вправе перемешивать явления по произволу, не смеет поставить на первом плане то, что на нём не находится, ибо настоящее сейчас же обнаружит фальшь»².

Это осознание внутренней связи и единства исторических явлений выдвигает вместе с тем задачу преодоления того внутреннего разрыва, который буржуазная научная мысль вносила в отношения между отдельными сторонами исторической жизни.

Соловьёв выступает против отрыва интеллектуального развития от материальных условий, включая сюда и экономическое развитие, уже осознаваемое Соловьёвым, хотя, конечно, ещё далеко не так остро и резко, как у историков второй половины XIX века. «Интеллектуальное развитие,— пишет он,— приходит... как новая сила, с могущественным влиянием на все другие отношения, но, как обыкновенно бывает в истории, и само подчиняется влиянию других отношений»³.

Таким же образом, в связи с полемикой между государственниками и славянофилами, Соловьёв выступает против «незаконного развода народа с государством»: только в их взаимной связи раскрывается действительное историческое развитие народа и государства.

Наконец, и в вопросе о роли великих людей Соловьёв утверждает тесную связь между исторической личностью и народными массами: исторические «лица будут важны единственно по тому, что они принесли с собою из массы и что сообщили массе их дарования»⁴. «Великий человек даёт свой труд, но величина, успех труда зависит от народного капитала, от того, что скопил народ от своей предшествовавшей жизни, предшествовавшей работы»⁵,— говорил Соловьёв о Петре I.

В этих высказываниях выявляются одновременно сильная и слабая стороны учения Соловьёва. Сила Соловьёва заключается в стремлении избежать произвольного искажения исторической действительности в условной социологической схеме, в утверждении целостности общественной жизни и органичности исторического развития.

Но дать органическое решение проблемы действительной взаимосвязи отдельных элементов исторического процесса Соловьёв не может. В утверждении «неделимости» исторического процесса заключается у Соловьёва не только положительный принцип органичности исторического развития, но, в конечном счёте, и признание собственной беспомощности в научном раскрытии его конкретной закономерности. Требование непосредственной фиксации конкретной исторической действительности во всём многообразии частных явлений, не отступая от данного историку соотношения событий, не выделяя их из дающей ему связи, означало в конечном счёте отказ от анализа действительных законов исторического развития, настоящих движущих сил истории. Это определялось идеалистической сущностью мировоззрения Соловьёва. Отсюда его решительное отрицание материалистических начал как «полного подчинения человека, его духовной деятельности, его нравственных, чисто человеческих отношений — материи»⁶.

Без научного анализа явлений невозможен и завершающий научный синтез. Неспособный определить действительное движущее начало исто-

¹ Соловьёв С. «История России». Т. I, стб. I.

² Соловьёв С. Соч., стб. 895.

³ Соловьёв С. «Наблюдения...», стб. 1122.

⁴ Там же, стб. 1126.

⁵ Соловьёв С. «Публичные чтения о Петре Великом», стб. 974.

⁶ Соловьёв С. «Исторические письма». Соч., стб. 859.

рического развития, Соловьёв не мог разрешить противоречия теории факторов и в поисках конечного единства должен был прийти к признанию первенства идеалистических начал. Так, отрицая «развод народа с государством», Соловьёв в конечном итоге говорит, что «государство есть необходимая форма для народа, который немислим без государства»¹. Именно отсюда и конечное фактическое отождествление народной массы с её «вождями», «представителями»².

Так, в самом развитии научной мысли Соловьёва, в её принципиальных основах, определяются теоретические, методологические границы этого развития.

Новая теория явилась источником и нового понимания русского исторического процесса.

Из утверждения общей закономерности исторического развития вытекало признание единства закономерности исторического развития России и других стран, истории России и истории Западной Европы, включение истории России в процесс всемирноисторического развития.

Правда, отдельные высказывания в этом плане имели место и раньше. Так, об однородности феодального развития в России и на Западе, в той или иной мере, писали и Болтин в XVIII в., и Каченовский, и Полевой в XIX веке. Но всё это были лишь частные сравнения, лишь отдельные элементы. А затем именно с 40-х годов усиливается противоположное направление. Славянофилы и Погодин решительно развивают антитезу России и Западной Европы. В двойственной по духу концепции Кавелина также в конечном счёте верх берёт теория антитезы. Она решительно побеждает на базе государственной теории у Чичерина, чтобы перейти через него в последующую историческую литературу — к Ключевскому, Милюкову и через них, в сущности, и к Плеханову («История русской общественной мысли»).

Соловьёв утверждает единство истории России и Западной Европы как единое и основное принципиальное начало. «Пора бросить старые толки о различии наших и западных общественных отношений»³, — пишет Соловьёв. «Мы европейцы, и ничто европейское не может быть нам чуждо»⁴, — пишет он в другом месте, перефразируя известную поговорку.

На этой стороне исторической концепции Соловьёва остановился в своё время Павлов-Сильванский в упоминавшемся уже историографическом введении к книге «Феодализм в древней Руси», но и у него эта тема скорее намечена и далеко не решена конкретным исследованием.

Значительно более распространено в нашей историографии представление о якобы полной антитезе у Соловьёва между Западом и Россией, преодолеваемой только со времён Петра I. Именно в этом плане трактуется, в частности, первая глава XIII тома «Истории России».

А между тем именно в идее единства истории России и Западной Европы получают своё настоящее осуществление теория исторической закономерности и та новая концепция русской истории, которую внёс в науку Соловьёв. И это вторая ведущая тема исторического наследия Соловьёва.

Первый вопрос в раскрытии этой темы — вопрос «происхождения племени» — этногенеза славянства. К этому вопросу Соловьёв сразу же подходит в плане общей проблемы этногенеза исторических народов Европы.

В начале 40-х годов, готовясь к своему магистерскому экзамену,

¹ Соловьёв С. «Наблюдения...», стб. 1126.

² Там же, стб. 1127.

³ Там же.

⁴ Соловьёв С. Соч., стб. 387.

Соловьёв остановился на обширной литературе о происхождении и прародине пелазгов. Вспоминая об этом много позже в своих «Записках», он пишет, что видел в древнем мире Европы антитезу двух начал: пелазгов (включавших и славян) — носителей родового начала — и эллинов — носителей начала дружинного. Но эта, видимо, уже поздняя схема очень далека от значительно более интересных высказываний, которые мы находим в записных тетрадах Соловьёва того времени¹. В этих записях, останавливаясь на научной дискуссии о пелазгах, он решительно отвергает учёные изыскания о их прародине. Согласно Соловьёву, пелазги — это не один какой-то маленький народ юга Европы, потом покорённый и уничтоженный, а первоначальное наименование того древнейшего населения Средиземноморья, из которого в процессе дальнейшего развития и внешних смещений образовались все позднейшие народы Южной Европы; в этом смысле они одинаково являются предками и римлян и греков.

Распространяя, далее, эту мысль на вопрос об этногенезе славянства, Соловьёв выдвигает гипотезу, согласно которой славяне на севере и востоке Европы играют ту же роль основного и первичного этнического начала, какую пелазги играли на юге. Впрочем, в решении этого последнего вопроса Соловьёв намечает разные варианты. Наиболее подробно он изложил свою мысль в критических замечаниях на труд Шафарика «Славянские древности», изучавшийся им в бытность в Париже. Эти замечания составили особую тетрадь².

Соловьёв говорит о длительном этногенетическом процессе, в ходе которого на определённом историческом этапе сложился народ, получивший от соседней славян. Это развитие народа на границе Европы и Азии получилось, по Соловьёву, в результате двойного процесса: сперва «врыв Азии в Европу», затем обратный процесс — «обратное господство европейского элемента, врыв Европы в Азию через русские и раздвинутые границы Европы».

И дальше: «Итак, славяне суть народ, называвшийся прежде скифами, сарматами, гуннами, по преимуществу азиатского элемента, по причине приплыва азиатских орд; потом, когда сей элемент начал перерабатываться в европейский, то его называли славянами». При этом Соловьёв отрицает и массовый характер азиатского «переселения»: «Южные азиатские народы никогда не переселились в Европу».

Эти высказывания Соловьёва отнюдь нельзя рассматривать как случайную, мимоходную запись. Мы находим прямое развитие этих идей в той характеристике славянорусского мира, как европейской «украины», которую он развивает и в своих общедоступных чтениях 50-х годов и в «Наблюдениях над исторической жизнью народов» конца 60-х годов. В этом «украинском» положении, объединяющем в славянстве азиатско-восточное и европейско-западное начала, он видит прогрессивную силу славянства, его особое культурное богатство, в котором осуществляется синтез восточной и западной культур.

Это положение он также вводит в общую систему всемирноисторической закономерности. Такой «украиной» античного мира, объединявшей Запад и Восток, была древняя Эллада. Такой «украиной» раннего средневековья на югозападе Европы явился мавританский мир на Пиренейском полуострове. И такой же наиболее мощной «украиной» выступает в дальнейшем славянский мир.

Насколько далеки эти представления от той антитезы арийцев и азиатцев, которая находится в поздних литографированных лекционных курсах Соловьёва и в которой зачастую видят выражение националисти-

¹ Копии этих тетрадей, снятые его учеником Нилом Поповым, собиравшим материал для его биографии, хранятся в Рукописном отделе Библиотеки имени Ленина.

² См. Рукописный отдел Библиотеки имени Ленина. «Соловьёв». Разд. VI, папка 9-я, тетрадь 4-я.

ческой, чуть ли не расистской теории! В действительности у Соловьёва это — лишь условное, схематическое обозначение антагонизма и борьбы славянского мира со степными кочевниками. Действительная этногенетическая концепция Соловьёва дана не здесь, а в рассмотренной выше широкой исторической трактовке общей проблемы европейского этногенеза.

Первый этап русской истории Соловьёв определяет в духе гегелевской всемирноисторической схемы как богатырский, или герсический, период. Но на этом этапе он специально не останавливается.

Второй этап, обозначаемый обычно как период истории Киевской Руси, Соловьёв характеризует как период родового строя. Мне пришлось уже в другом месте показать, что самое понимание родового строя у Соловьёва значительно содержательнее и сложнее, чем это обычно представлялось в литературе¹. Отмечу только, что в понимании родового строя как исторического этапа Соловьёв остаётся на почве единства всемирноисторической концепции. Едва ли правильно упускать из виду эту сторону в столкновении родовой теории Соловьёва с общинной теорией славянофилов.

В концепции Соловьёва период родового строя сменяется вотчинным периодом, характеризующимся прежде всего утверждением начала земельной собственности, борьбой родового и государственного начал. Это период XII—XVI вв. — период развития феодализма в Западной Европе. Отрицание феодализма в России прочно утвердилось в русской буржуазной историографии до Павлова-Сильванского, в частности у историков, считающихся «школой Соловьёва», — Ключевского, Милукова и др.

Как ставится этот вопрос у Соловьёва? Отметим прежде всего, что он решительно отвергает принятые в его время определения этого периода. Он отвергает деление на домонгольский и монгольский периоды как подчиняющее русское историческое развитие внешнему фактору, не имеющему органического значения: «Это название может быть допущено только тогда, когда мы берём одну внешнюю сторону событий... Новый порядок вещей начался прежде монголов и развивался естественно вследствие внутренних причин». Точно так же отбрасывает он и термин «удельный период» как отражающий лишь юридическую, внешнюю сторону исторического процесса, не захватывая основ народной жизни, «не обнимая всех сторон княжеских отношений». Соловьёв говорит о борьбе родовых и государственных отношений и связывает её историю с развитием «отдельной собственности»².

Как указано, Соловьёв характеризует этот период борьбой родового и государственного начал. Но при этом понятие родовых отношений применительно к данному периоду оказывается поставленным в особое соотношение к системе феодальных отношений. «Феодальная цепь на Западе и родовая связь на Востоке... эти две могущественные связи так могущественны, что в состоянии сохранить государственное устройство... Феодализму на Западе и родовым отношениям на Востоке бесспорно принадлежит опека над новорожденными европейскими обществами в опасный период их младенчества»³.

Итак, получается скрее сопоставление, чем противопоставление этих двух систем. Добавим, что ещё ранее, в статье «О местничестве»⁴, Соловьёв в этой системе служебно-родовой иерархии (а по сути дела, проявлении феодального вассалитета) видит тоже последний пережиток

¹ См. мою статью «Сергей Михайлович Соловьёв». «Историк-марксист» № 3 за 1990 г. и соответствующую главу моей книги «Русская историография».

² См. Вступление к работе С. Соловьёва «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома». М. 1847.

³ Соловьёв С. «История России» Кн. 1-я, стб 1342—1343

⁴ Московский литературный и учёный сборник. М. 1847.

прежнего родового строя в его противопоставлении государственному началу.

Родовым отношениям противостоит вотчинное начало как основа торжества государственных отношений. «Новый порядок вещей» связывается с торжеством понятий «моё», «собственное», появившихся в XII в. и отразившихся в политике Андрея Боголюбского. Это специальные положения соловьёвской концепции. В то же время Чичерин, в отличие от Соловьёва, решительно противопоставляет друг другу вотчинный и государственный периоды, вотчину и государство. Утверждение, определяющее значение землевладельческого начала, не должно ли быть поставлено в связь с той ролью, которая отводится землевладению в понимании феодализма у Гизо, труды которого так высоко ценил Соловьёв? Павлов-Сильванский почему-то прошёл мимо этого положения. Он отметил только в позднейшей работе Соловьёва («Публичные чтения о Петре Великом») другое сближение поместий и феодального землевладения — установление Соловьёвым наличия в России института закладничества — патропата.

Далее, в развитии государственного начала, подчёркивая в качестве решающего фактора рост народных сил (причины возвышения Москвы), Соловьёв вразрез с современными ему историками значительно отходит от традиционной характеристики князей, собирателей Руси. В его изображении выступает перед нами князь-вотчинник. «Все они похожи друг на друга, — говорит он о московских великих князьях, — в их бесстрастных ликах трудно уловить историку характеристические черты каждого; все они заняты одною думою, все они идут по одному пути, идут медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступает шаг вперёд перед своим предшественником, каждый приготовляет для своего преемника возможность ступить ещё шаг вперёд»¹. Впоследствии эта характеристика появляется уже в несколько преобразённом виде в «Курсе русской истории» Ключевского, утратив при этом своё общественно-историческое содержание.

Наконец, Соловьёв обращается к вопросам общественного быта и идеологии и здесь также находит единство развития России и Западной Европы. В статье «Древняя Россия», говоря о былинном эпосе, о Василии Буслаеве и о «хождениях» — путешествиях к «святым местам», — Соловьёв тут же возвращается к утверждению общего принципиального вывода: «Эти два образа, богатырь (или рыцарь) и монах, суть два господствующих образа средних веков»; в них «не только характер древнего русского человека, но и характер средневекового европейца вообще»².

Ограниченность буржуазно-идеалистического метода и здесь не позволила Соловьёву сомкнуть все указанные элементы в одно целое, обобщить свои наблюдения и завершить их в прямом признании русского феодализма. Но все наблюдения Соловьёва идут в одном направлении — установлении органической однородности параллельных исторических процессов на Западе и в России.

И далее, разрешение борьбы родового и государственного начал, торжество государства (мы скажем сейчас — феодально-абсолютистского начала) при Иване Грозном оказывается сопоставленным с осуществлением государственного единства во Франции при Людовике XI.

То новое понимание роли Ивана IV, которое утверждается в русской историографии именно Соловьёвым, начиная с его докторской диссертации «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», и получает полное развитие в VI т. «Истории России», быть может, даже

¹ Соловьёв С. Соч., стб. 837.

² Там же, стб. 796—797.

подготовлено предварительными наблюдениями над историей Западной Европы.

Из упоминавшихся уже тетрадей Соловьёва 40-х годов мы узнаём о его особом интересе к истории Франции XV века. Он специально подчёркивает роль Генеральных штатов середины XV в. в борьбе с местной сбособленностью, и прежде всего в ликвидации разделения юга и севера — областей *langue d'oc* и *langue d'oïl*. Людовик XI закрепляет это съединение. Уже, правда, в позднем литографированном курсе лекции Соловьёва, относящемся к середине 70-х годов, находится своеобразное возрождение этой схемы применительно к русской истории. Иван IV, по словам Соловьёва, уничтожил разницу и обособленность южнорусского и севернорусского типов, южного и северного городов. Самая постановка вопроса могла быть подсказана Соловьёву Костомаровым, который как раз в статьях 60-х годов развил свою теорию противопоставления северного и южнорусского психологического и исторического типов. Но на этой основе первоначальная параллель между Иваном IV и Людовиком XI получила принципиальное завершение.

В центре следующего периода стоит Пётр I с его реформами. При этом, однако, Соловьёв подчёркивает, что первую половину XVIII в. нельзя отделить от XVII века¹. И здесь на первом плане подчинение всей деятельности Петра общим законам исторического развития.

Здесь прежде всего стоит вопрос о социально-экономическом содержании и предпосылках петровских реформ. По Соловьёву, реформы Петра I в значительной мере «подготовлены» экономической неразвитостью России, которая поэтому и требовала крутых мер. В качестве таких моментов отсталости, требующих преодоления, Соловьёв выдвигает прежде всего внутреннюю неразвитость земледельческого государства вообще, слабость русского города, необходимость развития промышленности и торговли. В этом высказывании характерен прежде всего самый факт признания определяющей исторической роли экономических и социально-экономических условий. Далее, характерно то, что здесь речь идёт о тех самых элементах, которыми Соловьёв в другом месте (при этом в основном правильно) определяет основные черты нового (капиталистического) этапа всемирной истории — результат «экономического переворота в народной жизни, промышленного и торгового развития, появления имущества движимого, денег, позже — недвижимого, земли»; этот новый этап связывается с «освобождением земледельческого сословия, с появлением вольнонаёмного труда вместо обязательного крепостного»².

Если, таким образом, социально-экономическая реформа Петра I должна осуществить для России её экономическое вступление в период новой истории, то и культурные и идеологические реформы Петра, осуществляемый им «культурный переворот» на самом деле остаются в рамках всё той же общеисторической закономерности. Соловьёв последовательно развёртывает этот тезис в своих «Публичных чтениях о Петре Великом». Именно в этом плане стремится он разрешить внешнее противоречие единства национального культурного развития и заимствования западноевропейской культуры. По Соловьёву, на определённом этапе своего развития, на переходе к новому времени, все народы находили в наследстве чужой культуры определённый источник нового, творческого развития своей культуры. Италия эпохи Возрождения нашла этот источник в наследстве античной культуры; другие народы Европы — в освоении культуры итальянского Ренессанса; в Польше даже язык памятников XVI—XVII вв. временно превратился в своеобразное смешение польского и латинского языков. Всё это явления органического

¹ Соловьёв С. «История России». Т. I. Введение.

² Соловьёв С. Соч., стб. 983. «Публичные чтения о Петре Великом».

роста, имеющие место в жизни каждого народа и не нарушающие единства его исторического развития¹.

Последний период русской истории охватывает вторую половину XVIII в. и первую половину XIX века. Полной и систематической истории этого периода Соловьёву дать не удалось. После эпохи Петра I историк вступал в совершенно не изученный период нашей истории, где приходилось начинать с самой черновой работы — собирания фактического материала.

Создавшийся пробел частично восполняется специальными исследованиями историка. Тема этих исследований — история международных отношений России, прежде всего её роль в общеевропейской истории. Таковы «История падения Польши», «Император Александр Первый. Дипломатия. Войны», «Восточный вопрос». В этой тематике отчётливо проявляется принципиальное сосредоточение внимания на вопросах международных связей как органически характеризующих период новой истории в развитии всех народов мира, в «расширении арены мировой истории»: «Только в обществе других народов народ может развивать свои силы, может познать самого себя». Именно развитием народности, решающей ролью самого народа в исторической жизни характеризуется, по Соловьёву, история XIX века. Представление о единстве исторического развития европейских народов, распространяющемся и на Россию, с особой отчётливостью выступает в работе «Император Александр Первый. Дипломатия. Войны».

Конечное содержание этого единого развития заключается в переходе от дворянской к буржуазной системе отношений. Поворотное значение французской буржуазной революции 1789 г. для истории всех европейских народов, данное в указанной работе, получает вместе с тем определённую конкретизацию в ряде специальных наблюдений и характеристик, в записных тетрадях Соловьёва и в его автобиографических «Записках».

Такова прежде всего характеристика екатерининской монархии как просвещённого абсолютизма, подобно другим европейским монархиям XVIII века. Тогда же, в начале 40-х годов, прочитав знаменитый памфлет Сийеса «*Qu'est-ce que le tiers-état?*», он снова тотчас же обращается к истории России и записывает: «и это хорошо написано. А у нас-то какую штуку можно написать», — тем самым подчёркивая факт буржуазного развития России в этот период.

И, наконец, в этом же социальном плане лежит его трактовка реформ 60-х годов. Не случайно Соловьёв в своих «Записках» сравнивает Александра II и Людовика XVI, ещё раз подчёркивая общность, однородность совершающихся событий. И если умеренно либеральные политические взгляды Соловьёва заставляют его бояться революции и мечтать о реформах «сверху», о царе-реформаторе типа Петра I, то учёный-историк говорит об исторической неизбежности утверждения нового, буржуазного строя в России, если не «сверху», то «снизу», и проблема буржуазных реформ становится стержнем понимания Соловьёвым современной ему истории России, понимания им всего русского исторического процесса.

С этой последней темой Соловьёв вступал уже непосредственно в современность. И в этом ещё одно характерное проявление историзма его научной мысли. Буржуазный историк чем дальше, тем решительней отмежевывается от современной действительности, прикрываясь идеей формального «объективизма» научной мысли, так остро разоблачённого

¹ Особенно чётко сформулировано это положение в рукописных набросках Соловьёва к «Публичным чтениям».

Лениным¹, теорией «чистой» науки. Соловьёв, напротив, видит творческое начало в тесной связи, во взаимодействии и взаимном влиянии науки и жизни. «Жизнь имеет полное право предложить вопросы науке, наука имеет обязанность отвечать на вопросы жизни», — писал Соловьёв в 1858 г. в «Исторических письмах», своего рода историческом введении к поставленному в порядок дня вопросу о крестьянской реформе. «Столько важных вопросов возбуждено в науке и в жизни, — продолжает он там же. — Жизнь так много требует от науки, настоящее требует так много объяснений от прошедшего»². Таким ответом на «вопросы жизни» являлись в той или иной мере многие работы Соловьёва; таким ответом была в значительной мере и «История России», в которой не случайно тема петровских реформ стала главным вопросом всего понимания русской истории.

Большой научный труд Соловьёва должен был найти своё завершение в подведении конечного итога большого исторического пути русского народа, в свете тех же основных начал — начала прогресса и начала всемирноисторического развития.

В ходе развития народной жизни и роста всемирноисторических связей, именно в середине XIX в., со всей остротой был поставлен вопрос о месте России в этом общем процессе, о её исторических судьбах. Соловьёв нашёл его решение в глубоком сознании, что «новое бесконечно выше старого именно возможностью... народного самосознания, приготовленного знанием вообще, знанием, которое досталось нам вследствие многотрудного подвига наших предков»³.

И в этом сознании не было той национальной замкнутости и исключительности, которая ведёт к стремлению искусственно «расцветить и разукрасить» старину, «нашить яркие заплатки на... простую одежду наших предков», по выражению Соловьёва. В такой искусственной идеализации Соловьёв видел лишь источник косности и застоя: «Читатель, видя общество расцветенным вначале и не находя соответствующих этому явлений после, необходимо приходит к мысли, что общество не преуспевало, но шло назад»⁴.

Сила и значение народа в его исторических делах. Эти дела выступают особенно ярко именно в свете мировой истории. «Брошенные на край Европы, оторванные от общества образованных народов, в постоянной борьбе с азиатскими народами... русские люди неутомимо совершали своё великое дело»⁵.

Это было делом культурного освоения огромных просторов Восточной Европы и Азии в упорном труде и в постоянной борьбе с вражеским напором с Востока.

Историк не закрывает глаз на определённые тяжёлые последствия этого трудного исторического пути. Но не ими измеряются подлинная сила и значение народа. Настоящая историческая жизнь в движении, в прогрессе, и эта сила движения и прогресса лишь закалялась и крепла в трудной борьбе. «Древнее русское общество имеет бесспорно много чёрных непривлекательных сторон; но должны ли они смущать нас, когда мы знаем, что предки не мирились с этими сторонами, искали средства избавиться от них, нашли и передали его нам»⁶. «Ни один век нашей истории, — свидетельствует Соловьёв, — не может быть признан веком косности».

¹ См. Ленин. Соч. Т. I. «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», особенно стр. 275—276.

² Соловьёв С. Соч., стб. 849 и 827.

³ Там же, стб. 808. «Древняя Россия».

⁴ Там же, стб. 805—806.

⁵ Там же, стб. 803.

⁶ Там же, стб. 805.

В сознании творческих сил и творческой деятельности, раскрывающихся в ходе исторического развития нашей страны, не только познавательная, но и действенная сила историзма Соловьёва, которая сообщает его научному труду, несмотря на ограниченность идеалистических основ его исторического мировоззрения, значительную жизненность и силу. Последующая буржуазная историческая наука обогатила наше историческое знание изучением новых, выдвинутых на первый план ходом исторического развития сторон исторической жизни, оставшихся в тени в трудах Соловьёва. Но она не могла уже подняться до того осознания необходимого научного синтеза, который отражён всей исторической системой Соловьёва. Этим же определяется действительное место Соловьёва на пути развития исторической науки. Самая задача исторического синтеза, которую он уже осознал, но разрешить не мог, получила своё решение только в великом учении Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, в системе исторического материализма.

К ВОПРОСУ О КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЙНАХ В КАЗАХСТАНЕ

М. Вяткин

В ряде работ, посвящённых истории народов Советского Союза, ранее угнетаемых царизмом, сохранивших до Октябрьской революции патриархально-феодальные общественные отношения, немало внимания уделялось освободительной борьбе, которую эти народы вели против царизма. Однако вопросы внутренней классовой борьбы в этих работах должного освещения не получили. Более того: намечалась тенденция вообще отрицать наличие крестьянских войн у этих народов и рассматривать всю их борьбу только как антиколониальное движение. В работах 20-х годов, как например у А. Ф. Рязанова, в его очерках по истории Казахстана, освободительная борьба казахского народа сводилась только к антиколониальной борьбе, но в работах 30-х годов уже делались попытки вскрыть классовую основу освободительных движений. Такой попыткой для истории монголов явилась интерпретация Б. Я. Владимирцовым рассказа «Сокровенного сказания» о борьбе Темучина и Джамухи. Та же проблема нашла отражение в работе Тимофеева и Брайнина, посвящённой восстанию 1916 г. в Казахстане. Однако авторы не уделили данному вопросу достаточного внимания и совсем не сделали попытки вскрыть специфику классовой борьбы в кочевом обществе.

На необходимость увязать антиколониальную борьбу башкирского народа с внутренней классовой борьбой указывал А. П. Чулошников в своей работе «Восстание 1755 г. в Башкирии». Но и здесь это указание осталось декларативным и не было разработано в его монографии. Попыткой раскрыть особенности крестьянской войны в кочевом обществе явилось изложение истории восстаний батыра Срыма и Исатая Тайманова в «Очерках по истории Казахской ССР», вышедших из печати в 1941 году. Однако достаточного освещения специфика форм эксплуатации в казахском обществе не получила ввиду того, что в книге не было уделено должного внимания развитию поземельных отношений. Хотя вышедшая в 1943 г. «История Казахской ССР» ставит вопрос о классовой борьбе в национально-освободительных движениях, однако эта проблема не была достаточно удовлетворительно освещена в отношении движения XVIII и XIX веков. Неразработанность этой проблемы для XVIII и XIX вв. находится в непосредственной связи с основным недостатком названной книги, отмеченным критикой: недостаточным освещением в ней вопросов, связанных с историей социально-экономических отношений¹. Но в отношении восстания 1916 г. «История Казахской ССР» значительно исправляет недостатки прежних работ, совершенно правильно поднимая вопрос о классовой основе этого грандиозного движения. Этого нельзя сказать о вышедшей в том же, 1943 г. книге Гафурова и Прохорова, посвящённой истории национально-освободительных движений таджикского народа. Авторы этой работы суммировали большой и интересный материал, но совершенно игнорировали вопросы классовой борьбы в развитии национально-освободительных движений.

Одна из основных трудностей в разработке проблемы крестьянских войн в кочевом обществе заключается в том, что ещё не изучена специ-

¹ Морозов М. Об «Истории Казахской ССР». «Большевик» № 6 за 1945 год.

фика классовых отношений у народностей, «сохранивших до последнего времени кочевое хозяйство и патриархально-родовой быт» (С т а л и н).

После выхода книги акад. Б. Владимирцова об общественном строе монголов¹ и особенно после опубликования замечаний товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника истории СССР советская историография довольно быстро преодолела глубоко ошибочную концепцию о том, будто бы у кочевых народов до последнего времени господствовали патриархально-родовые отношения как стадия первобытно-общинного строя. Однако в результате недостаточного внимания к специфике феодальных отношений у кочевых народов, у некоторых историков проявилась другая тенденция — переоценки феодальных отношений у этих народов.

На X съезде партии товарищ Сталин, говоря о кочевых народах Советского Востока, отметил наличие у них пережитков патриархально-феодальных отношений². Этим была подчеркнута основная особенность общественных отношений у кочевых народов. К сожалению, внимание историков мало привлекала проблема конкретного раскрытия содержания патриархально-феодальных отношений. Нельзя сказать, чтобы патриархальные пережитки игнорировались, но обычно общественный строй кочевых народов рассматривался как сосуществование двух укладов: патриархально-родового и феодального. Проблема же особенностей феодализма при господстве патриархально-родового быта осталась неразработанной.

Экономической основой развития этих общественных отношений является господство общинной родовой собственности на землю. Энгельс ещё в 1853 г. в письме к Марксу указывал, что «отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока»³. Энгельс имел в виду главным образом земледельческие культуры Востока, но его замечание целиком относится и к кочевым народностям.

Однако при феодальном строе основой производственных отношений является «собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства»⁴. При этом под средствами производства разумеется и земля⁵.

Историография 20-х—начала 30-х годов XX в., исходя из факта господства у кочевых народов родовой собственности на основное условие производства — на землю, — пришла к выводу об отсутствии у этих народов классовых отношений. Совершенно очевидно, что этот вывод был построен на отождествлении родовой общинной земельной собственности с фактически сложившимися имущественными отношениями. Между тем господство родовой земельной собственности не устраняло, а при известных условиях облегчало концентрацию общинной земли в хозяйстве отдельных семей, подобно тому как русская крестьянская передельческая община совсем не устраняла концентрацию общинной земли в руках зажиточной группы хозяйств, как это и было показано Лениным в его классической работе о развитии капитализма в России. Маркс, отмечая господство у кочевых народов родовой собственности на землю, в то же время указывал, что у этих народов собственность на естественный продукт земли — на скот — есть в то же время и собственность на землю, по которым стада передвигаются⁶. Крупная частная собственность на скот приводит неизбежно и к фактической узурпации общинных земель.

¹ Владимирцов Б. «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм». Л. 1934.

² И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 80. 1936.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 493.

⁴ «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 120.

⁵ Там же, стр. 118.

⁶ См. «Пролетарская революция» № 3 за 1939 г., стр. 164.

На базе такой своеобразной узурпации общинной земли в обществах, сохранивших древние формы родового землевладения, могут складываться, и действительно складывались, глубокие классовые противоречия. Энгельс указывал, что «первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии и в России, образует в настоящее время великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма»¹.

Приведённые высказывания классиков марксизма-ленинизма помогут нам в разрешении интересующей нас задачи — выявить специфику классовой борьбы в казахском обществе XVIII века.

Не подлежит сомнению, что казахское общество в конце XVIII — начале XIX в. развивалось в условиях господства родовой собственности на землю. Однако у казахов существовало глубокое имущественное неравенство, и прежде всего во владении основным видом богатства — скотом. Здесь мы можем привести лишь отдельные примеры, далеко не исчерпывающие данных об имущественном неравенстве у казахов. Так, Георги сообщает, что «у самого простого, но доброго скотовода редко бывает меньше 50 или 30 лошадей, в половину против того рогатого скота, 100 овец, нескольких верблюдов и от 20 до 50 коз. В Средней же особливо орде есть, как слышно, и такие люди, у которых табуны содержат в себе до 10 000 лошадей, до 300 верблюдов, от трёх до четырёх тысяч рогатого скота, около 20 000 овец и больше 1000 коз. Имеющие тысяч по пять лошадей и по соответствующему числу другого скота люди есть и в Малой орде»².

Аналогичные сведения приводит и П. Рычков³; они нередко встречаются и в русских документальных данных. Концентрация скота в хозяйстве отдельных семей, естественно, приводила и к концентрации фактического использования общинных земель. Однако одно неравномерное владение скотом ещё не приводит к монопольному использованию общинных земель богатыми семьями, до тех пор пока сохраняется общинный или «куренной» способ кочевания. До тех пор, пока перекочёвки совершались целыми общинами, земля находилась в пользовании всех аулов данной общины, хотя и использовалась ими далеко не в одинаковой степени. Иное положение создаётся при разложении общинного способа перекочёвок, с переходом к аульному кочеванию. В этом случае те или иные участки земли монополично использовались отдельными аулами. Имеющиеся источники позволяют утверждать, что казахское общество в конце XVIII и начале XIX в. уже пережило переход от общинного к аульному кочеванию. Прежде всего общим явлением было то, что на зиму казахские родовые общины разбивались на аулы. Каждый аул имел свои зимовочные места — кстау — и стремился закрепить их за собой как наследственные участки. Об этом очень ясно говорит Я. Гавердовский, имевший случай в 1803 г. близко наблюдать жизнь казахов и оставивший исключительно ценные заметки о казахской степи⁴. Он сообщает, что зимние кочевья «выбирают заблаговременно, каждый аул, иные при известных урочищах, и сохраняют как нечто наследственное и драгоценное»⁵. О том же свидетельствует и Броневский: «Кочуя всё лето целой волостью, на зиму принуждены разделяться на малые части по аулам»⁶.

Аульный характер зимних стоянок являлся обычным, и это естест-

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. I (VI), стр. 246.

² Георги Н. «Описание всех обитавших в Российском государстве народов». стр. 126 СПб. 1776.

³ Рычков П. «География Оренбургской губернии», стр. 294, 279 и др. 1764.

⁴ Гавердовский Я. «Обозрение киргиз-кайсацких степей». Рукопись. ЛОИИ № 34329.

⁵ Там же. Рукопись, л. 68.

⁶ Броневский. «Записки о киргизах» «Отечественные записки» № 23 за 1830 г., стр. 74.

венно. При элементарных формах кочевого скотоводства, когда заготовки сена на зиму не производились, а скот тебеневал (добывал себе корм из-под снега), иметь целой волостью было невозможно из-за недостатка подножного корма. Следует также отметить, что кстау были наиболее ценными уготьями. Чтобы скот мог благополучно перезимовать на подножном корму, места зимних пастбищ должны быть более или менее защищены от ветров и бурянов, снежный покров не должен быть глубоким и т. д.

Таких мест в степи было не так уж много; естественно, что вопрос о владении ими играл у казахов особенно важную роль. И как раз наибольшая площадь земель, пригодных под кстау, оказывалась в монопольном использовании богатых аулов.

У кыпчацких племён, задолго до образования казахской народности, вероятно ещё в монгольский период, распоряжение общинными землями было закреплено за родовой знатью — биями. Такой порядок распоряжения общинной землёй вполне укладывался в нормы их обычного права, впоследствии перешедшего к казахам. Но по мере развития имущественного неравенства и складывающихся на этой основе классовых отношений обычай распоряжения общинными землями родовой знатью качественно изменялся. Наиболее целесообразная организация общинного землепользования при первобытно-общинном строе превращалась в весьма неудобный для родовой знати способ захвата лучшей общинной земли в пользование своих аулов. Понятно, что и в более позднее время, во второй половине XIX в., когда в Казахстане сложилось байство как общественная группа, существование которой было связано с развитием товарно-денежных отношений, и когда ни о каком общественном равенстве говорить было нельзя, казахская знать, чтобы скрыть углубление классовых различий, выступала поборником сохранения общинной собственности на землю.

Но о сохранении общинного кочевания как господствующей формы нельзя говорить и для периода летних перекочёвок. Отдельно от общин кочевали аулы казахской степной аристократии — султанов. Есть основание утверждать, что ещё на заре существования особого казахского ханства, в первой половине XVI в., султаны в летнее время кочевали поузельно Так, один из ближайших сановников узбекского хана Мухамеда, Шейбани, говорит об обособленных кочёвках казахских султанов Джаныша и его брата. В XVIII в. Х. Барданес посетил отдельно кочевавший аул султана Мамета¹. Об отдельном кочевании аула хана Абулхаира говорит и Тевкелев в своём журнале о «Комиссии» 1731—1732 годов. Казахские фольклорные материалы говорят об обособленных кочёвках богатых аулов, как об обычном явлении. Так, например, в известной лирической поэме Козы Корпеш и Баян слу рассказывается об откочёвке аула отца Корпеша — Карабая — от предгорий Ала-Тау к Тарбагатаю². Очевидно, не только аулы султанов, но и вообще богатые аулы, в том числе и родовой знати, летом имели обособленные кочевья. Это понятно: при большом количестве скота для богатых аулов необходимо было кочевать отдельно от общины, чтобы их скот был в достаточной мере обеспечен кормом и в засушливых районах — водой (для её добывания приходилось рыть колодцы).

Таким образом, данные о распределении скота по аулам и о способе кочевания позволяют сделать вывод, что в условиях родовой собственности на землю складывалось глубоко неравномерное пользование земель-

¹ Дополнительные статьи к запискам путешествия Фалька, стр. 15—16. 1825.

² Текст поэмы на казахском языке издан В. Радловым в сборнике «Образцы народной литературы тюркских племен». Т. III. 1870. Есть художественный перевод Тверитина.

ными угодиями. Большая часть общинных пастбищ фактически монополю использовалась степной аристократией — торе — и родовой знатью. Таким образом, общинная собственность на землю не гарантировала бедным аулам достаточного землепользования, особенно в отношении кстау.

Узурпация общинных земель происходила в Казахстане в рамках норм обычного права, без формального нарушения права каждого свободного члена рода пользоваться общинной землёй. В этом факте проявилось влияние патриархально-родового быта на имущественные отношения казахов. Не менее своеобразно складывались в условиях господства патриархально-родового быта и отношения эксплуатации. Особенно важно проследить те отношения, которые складывались не между степной аристократией — султанами, стоявшими вне общины и составлявшими особое, неделимое, привилегированное сословие, так называемое чанг, — а отношения внутри родовой общины. Прежде всего нужно выяснить общественное положение родовых старшин — биев. Их общественное положение вскрывается с большим трудом, не только в силу скудости материала, но и в силу того, что мы здесь сталкиваемся с ещё не отстоявшимся процессом классового становления, а следовательно, и с неопределённостью классовых признаков.

Звание бия существовало не только у казахов, но и у других тюркских народностей, входивших ранее в состав Золотой Орды. Звание бия наряду со званием бека носили представители узбекской родовой знати. Это звание являлось наследственным или приобреталось в силу ханского пожалования.

В конце XVIII в. бии в лице своего представителя — инака — фактически правили Хивинским ханством. Чингизиды уже не играли самостоятельной политической роли, а в начале XIX в. и формально были устранены от власти. Господствующее положение в обществе занимали бии и у каракалпаков. Исследователь этого вопроса П. П. Иванов писал: «На родовой основе вырастает и развивается фигура главного представителя класса эксплуататоров — бия. Бий является главной фигурой каракалпакского рода, его головой... Помимо получения различных подарков и подношений бий обогащается также путём присвоения себе лучших пастбищ и прочих преимуществ, какими пользуется он в своём роде. В распоряжении бия состоит обычно то или иное число служителей, набираемых им из числа своих родственников и других сородичей, находящихся в экономической зависимости от него на почве распределения пастбищ и обладания скотом»¹.

Аналогично было положение биев у народа, родственного казахам, — киргизов. На господствующее положение биев указывает на основании одного китайского источника Тимковский. Он сообщает, что киргизы «называют владельцев своих биячи. Иные бии имеют от 20 до 20, другие — от 20 до 30 улусов»². Далее он подчёркивает наследственность звания бия у киргизов. То же подтверждает и Зиберштейн, посетивший в 1824 г. в составе экспедиции полковника Шубина северные районы Киргизии³. Наследственность этого звания у киргизов привела, повидимому, в конце XVIII или начале XIX в., к выделению особой замкнутой, привилегированной группы биев — манапов, безраздельно господствовавших в киргизском обществе. Господствующей фигурой бий являлся и в казахском обществе. Паллас, наблюдавший жизнь казахского общества в 70-х годах XVIII в., сближает положение бия с положением дворянства. «Имеющие у себя в ведомстве большое число подчинённых, — пишет он, — называ-

¹ Иванов П. «Очерк истории каракалпаков. Материалы по истории каракалпаков», стр. 53. М. и Л. 1937.

² Тимковский «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг.», стр. 156. СПб. 1824.

³ Дневник лекаря Зиберштейна. «Исторический архив» № 1 за 1936 г., стр. 245

ются ханами и султанами. Так же есть ещё и другие чины, оным подсудные, бю именуемые»¹. Так же рисовал положение бия в казахском обществе и П. И. Рычков. «Бий — князёк, — пишет он, — звание, присваиваемое у азиатских народов лучшим людям вместо дворянства. Таких биев в Хивинском владении весьма много, а несколько есть и у киргизцев»².

Интересно, что Рычков не проводит различия в положении биев у казахов и в Хиве, где их привилегированное положение не возбуждало ни в ком сомнений. На основании китайских источников привилегированное положение биев в казахском обществе подчёркивает и Тимковский. У казахов (в его транскрипции — хасаков), пишет он, «главу народа называют би (бий, князь)»³.

Нередко, как и у киргизов и каракалпаков, звание бия у казахов являлось наследственным. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные подписи казахских биев, сохранившиеся под «представлениями», письмами и т. п., в которых обыкновенно указывается вместе с именем бия и его происхождение⁴. Иногда наследственность звания биев по таким подписям можно проследить до третьего предка.

В основе их господствующего положения лежали совсем не «организаторские функции», характеризовавшие положение родового старшины в условиях первобытно-общинного строя, а совершенно реальные экономические условия быта казахов и прежде всего — фактическое владение значительной частью родовой земли и право распоряжения кочевьями подчинённых им общин. Это особенно ярко проявилось в производственных отношениях, формировавшихся в казахской общине. Эти отношения характеризовались архаическими, крайне замаскированными формами отработочной докапиталистической ренты. Её описание, неоднократно цитированное в литературе, дал Георги: «Богатые наделяют скудных скотом, а они в знак благодарности приглядывают за скотиною своих благодетелей. Если табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то они почитают сие благодатию и разделяют по бедным значительное число скота. Ежели сей податель пребудет в благосостоянии, то наделённые им люди не бывают ему за то ничем обязаны; ежели же он по причине скотского падежа, расхищения, по иным каким несчастьям лишится своих стад, то наделённые им прежде приятели дают ему толикое же число или ещё с приплодом скота, хотя бы у самих их и весьма мало за тем оставалось. И по тому богатый человек делает посредством таких благодетелей табуны свои как бы вечными»⁵.

Это так называемый саан — помощь богатых своим обедневшим сородичам. Совершенно ясно, что эта помощь являлась средством обеспечить хозяйство богатого сородича рабочей силой для ухода за скотом. Интересно, что Георги объясняет распространение саана тем, что «не всяк может иметь довольно для табунов своих число невольников»⁶. Саан не только обеспечивал хозяйство родовой знати необходимой рабочей силой, но и гарантировал их табуны от возможных потерь, которые в условиях экстенсивного хозяйства были нередки (гололедица, так называемый жут, бураны, барымты и т. п.). Такая форма отработочной ренты под именем саана существовала и у киргизов. К саану прибегали, разумеется, не все сородичи. Для многих из них зависимость от бийской

¹ Паллас «Путешествие по разным провинциям Российской империи». Ч. 1-я, стр. 578—579. СПб. 1773.

² Цит. по статье Чулошниковой «К истории феодальных отношений в Казахстане XVII—XVIII вв.». «Известия отделения общественных наук АН СССР» № 3 за 1936 г., стр. 504.

³ Тимковский. Указ. соч., стр. 263.

⁴ «Материалы по истории Казахской ССР». Т. IV, стр. 135, 169, 170, 172, 217 и др. М. и Л. 1940.

⁵ Георги Н. Указ. соч., стр. 129.

⁶ Там же.

верхушки выражалась в необходимости руководствоваться в перекочёвках распоряжениями бия и в подношении подарков биям по форме добровольных, а по существу обязательных, предписанных адатом.

Но существовали и гораздо более глубокие формы зависимости сородичей от родовой верхушки. В казахском обществе были припущенники, которые, не обладая необходимым количеством скота, вынуждены были кочевать в составе чужих аулов, выполняя на их владельцев различные работы. Вознаграждением за их труд служило обычно несколько овец для удоя.

Ф. Назаров, совершивший поездку в Коканд в 1813—1814 гг., наблюдал таких припущенников у казахов. «Близ реки Қарақуч, впадающей из Нуры в Ишим,— пишет он.— мы встретили киргизов, не имеющих никакого скота... Большая часть из них для снискивания дневного пропитания находится у кочующих поблизости киргизов в услужении»¹.

Аналогичное указание мы находим в одном из статистических обозрений Сибири начала XIX в.: «Богатые обыкновенно содержат у себя в услужении многих бедных своих земляков»². Очевидно, степень зависимости сородичей от биев была неодинакова, но для всех форм зависимости характерна одна черта: отношения эксплуатации выступали под видом помощи богатых своим обедневшим сородичам. Другими словами, отношения эксплуатации выступали глубоко замаскированными, господствовавшими в жизни казахов формами патриархально-родового быта. Вне этих форм не могут быть поняты отношения эксплуатации, как и экономическая основа их — имущественные, поземельные отношения. Отсюда кажущаяся простота и равенство общественной жизни. Однако внимательные современники замечали, что под этими внешними формами «свободы», «равенства» скрывается глубокое неравенство.

«Но при вольности и общем равенстве жизни,— писал Я. Гавердовский,— недостаёт здесь равенства общественного. Класс бедных между киргизцами наравне по большей части чувствует тягость своего состояния, нежели в землях благоустроенных. Не имея средств достать себе пропитание рукоделием и работою, будучи угнетаемы сильными, оставаясь всегда в томлении от недостатка и неразлучные с одним местоположением, они как будто лишены свободы, отчего невольным образом влекутся в нищенство, дабы по крайней мере сим средством снискать себе пищу и покров»³.

Господство родовой собственности в области имущественных отношений обусловило организацию отношений эксплуатации в форме различных видов родственной помощи и придавало общественным отношениям казахов патриархально-феодалный характер. Их внешней формой проявления являлся патриархально-родовой быт.

Понятно, что в этих условиях классовая противоположность родовой верхушки и широких трудящихся масс казахов-скотоводов не могла найти ясного и чёткого проявления. Патриархальщина, пропитывавшая и поземельные отношения и формы эксплуатации, создавала видимость классовой однородности патриархально-родовой общины казахов, мешала развитию классового самосознания казахов-скотоводов в значительно большей степени, чем это имело место в территориальной земледельческой общине русского крестьянства. Отсюда неразвитость форм классовой

¹ «Записки о некоторых народах и землях Средней Азии Филиппа Назарова. Отд. — Сиб. корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 — 1814 гг.», стр. 19. СПб. 1821.

² «Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников», стр. 131. СПб. 1910

³ Гавердовский Я. Указ. рукопись, л. 57 об.

борьбы, а следовательно, и относительное однообразие общественной жизни.

Более ярко было выражено классовое положение степной аристократии — султанов. Ещё в период монгольского завоевания и Золотой Орды чингизиды, принявшие впоследствии звание султанов, обладали ясно выраженными чертами степных феодалов. Экономической основой их господства в казахском обществе XVIII в. была концентрация общинной земли в их руках и распоряжение кочевьями подчинённых им родов, т. е. то же, что и для родовых биев. Но султаны стояли вне казахских общин; звание султана было наследственным и приобреталось только по праву рождения от знати «белой кости». В их распоряжении находились независимые от родовых общин дружины, состоявшие у казахов из толенгутов и каракалпаков, а у узбеков — из нукеров (у киргизов султанов не было). Господствующее положение султанов в казахском обществе экономически проявлялось в многочисленных натуральных продуктовых повинностях трудящихся казахов. В этих повинностях отразились различные исторические напластования. Среди них мы встречаем такие древние повинности, как постоянная, выделение обязательной доли из военной добычи и охоты. Другие повинности были связаны с проникновением в племена Дешти Кипчака ислама. Таковы ушар (десятая часть урожая с оседлого земледельческого населения) и закят (сороковая часть с имущества, главным образом со скота). Многие другие повинности, по видимому, были более позднего происхождения: сборы на уплату долгов, на содержание аманатов (заложников) и т. п. Некоторые повинности были связаны с выполнением султанами судебных функций. Таков был ханлык.

Нет необходимости подробно останавливаться на характеристике этих повинностей, поскольку в литературе, даже националистического направления, не отрицалось классовое положение султанов как степных феодалов. Отметим лишь, что в отличие от биев султаны взимали докапиталистическую ренту по преимуществу не в отработочной, а в продуктовой форме. Это различие форм ренты отразило путь развития феодальных отношений в казахском обществе.

Своеобразная система общественных отношений нашла отражение в особых формах развития классовой борьбы в Казахстане. Мы попытаемся вскрыть специфику форм классовой борьбы в условиях господства патриархально-феодальных отношений в Казахстане на материалах восстания батыра Срыма Датова (1783—1797). Изучение этого движения представляет тем больший интерес, что борьба Срыма развивалась в период, когда на поземельных отношениях казахов уже с достаточной силой отразилось влияние колониальной политики российского самодержавия. Тем самым изучение движения Срыма позволяет вскрыть соотношение антиколониальной и внутренней классовой борьбы казахского народа.

Центром движения батыра Срыма были общины поколения Байулы, кочевавшие к югозападу от Нижнего Урала. Эти общины особенно остро чувствовали нужду в зимних кочевьях. На левом берегу Урала не было земель, защищённых от снежных буранов. Снежный покров здесь бывал довольно глубок. Кроме того травяной покров вытаптывался за время летних перекочёвок. Ранее, в первой половине XVIII в., эти общины зиму проводили в низовьях Сыр-Дарьи, но ко второй половине столетия эти земли были заняты отчасти каракалпаками, отчасти общинами поколения Алимұлы. Среди байулинцев выросла тяга за пограничную уральскую линию, где между Уралом и Волгой, по берегу Каспийского моря, были земли, весьма удобные для кстау. Однако с 1756 г. правительство решительно воспретивствовало перекочёвкам казахов на правый берег Урала. Официально запрещенные объясняли желание претотватить взаимные набеги казахов и калмыков-торговцов. Однако, когда в 1771 г. калмыки во главе,

с тайцзы Убаши покинули эти земли и ушли в основной своей массе в Джунгарию, запрещение перекочёвывать за Урал всё же осталось в силе, несмотря на то что земли между Уралом и Волгой (они назывались «внутренней стороной») теперь запустили. Так произошло потому, что в борьбе за использование государственных земель столкнулись тогда интересы трёх групп: Уральского казачьего войска, весьма влиятельных русских помещиков и казахского народа. Спор за земли на внутренней стороне был решён не в пользу казахов. Побережье Каспийского моря досталось кн. Юсупову и гр. Безбородко, а весьма богатые заливыми лугами межузенские земли — казачьему войску. Между тем земли на внутренней стороне были жизненно необходимы для казахов: без них, особенно в суровые вьюжные зимы, в незащищённой от ветров степи гибло огромное количество казахского скота. Нередко гибли и люди. В 1762 г. писарь хана доносил оренбургскому коменданту, что «казахов ниже Яицкого устья на взморье собралось в одном месте столько тесно, что почти кибитка с кибиткою и говорят между собою, что ныне к ним милости нет и находятся яко отчаянные, а скота своего через Яик перепустить не смеют»¹. Началась длительная и совершенно бесплодная переписка хана и биев с царской администрацией. Но разрешения пользоваться землями внутренней стороны для зимних стоянок казахи так и не получили. Не подлежит сомнению, что именно вопрос об использовании этих земель лежал в основе широкого участия казахских народных масс в крестьянской войне 1773 — 1774 гг. в России.

Несмотря на запрещение массовые перекочёвки казахов со степной стороны за Урал начались осенью 1773 года. Они повторились и в следующем году. А в 1775 г. правительство вынуждено было указом 9 ноября легализовать этот переход. Правда, разрешение было дано лишь на 1775 год. Однако и в последующие годы казахи использовали земли внутренней стороны для зимних стоянок.

Попытка урегулировать этот вопрос была сделана правительством лишь в 1782 г., когда был издан именной указ², разрешающий перегонять скот на земли внутренней стороны лишь с согласия владельцев этой земли и за плату. Указ обошёл молчанием вопрос о пустующих землях, но местная администрация была склонна рассматривать это как сохранение в силе прежнего запрещения пользоваться пустующими землями для зимних стоянок. Фактически переход всё же разрешался, но с обязательным взятием аманатов и под поручительством хача или владетельного султана.

Хан Уралы по соглашению с местной администрацией давал поручительство лишь при условии уплаты казахами определённого налога. Так же поступали и султаны, родственники хана. Для них в этих поборах реализовалось право верховного распоряжения кочевьями, принадлежавшее степному феодалу. Но теперь это право переплеталось с ханскими поборами, что являлось новым моментом в поземельных отношениях, не предусмотренных адатом. Без согласия хана или султана местная администрация не пускала казахов на правый берег Урала. Поборы хана воспринимались казахским народом как произвол и нарушение обычного права. Казахские бии жаловались на эти поборы генерал-губернатору в 1785 году. «Ханские дети, — писали они, — от Кердеричского рода в одном году за переход, якобы за Урал-реку взяли 100 лошадей, от Таминского рода в одном году — 60 лошадей, от Табынского рода — 50 лошадей, да и от каждого рода без обиды и без взятия лошадей не оставили»³.

¹ Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР, стр. 159. Л. 1941

² Указ этот не напечатан в Полном собрании законов. Выдержка из него см. Центральный исторический архив Ленинграда, фонд Государственного совета. Непременный совет, д. № 145, л. 3 об. 1795.

³ Центральный архив древних актов (ЦАДА). «Сношения России с киргиз-кайсаками». К-61, № 2, л. 116 1775--1786.

Эти поборы носили не случайный, а регулярный характер. Генерал-губернатор Оренбургского края Игельстром доносил Екатерине II, что хан «при перегоне внутрь линии и в степи на удобные для корму места скот киргизский собирал с каждого коша при всяком перегоне по одной лошади и одному барану. Сверх сего дети его, хана, коих имеет зорок, подвезжая к тем местам, собирали с народа каждый равную для себя часть»¹.

Эти сведения Игельстром сообщил императрице на основании данных, которые он получил от депутации биев, приехавшей к нему летом 1785 года. Если Игельстром в своём донесении точно передаёт сведения, полученные от биев, то они заслуживают большого внимания. Хан, видимо, стремился собрать подать не только при перегоне скота на внутреннюю сторону, но и вообще за удобные места для кочёвок в степи.

Движение Срыма возникло в 1783 г. как реакция на возросшие насилия Уральского войска над казахскими аулами и по своему характеру первоначально не выходило за рамки разрозненных столкновений с огрядами уральцев. Но в 1785 г. борьба Срыма приобрела подлинно народно-освободительный характер. Перерастание довольно обычных пограничных столкновений в освободительное народное движение произошло на основе борьбы за землю. Своим остриём эта борьба была направлена против собственной казахской аристократии и прежде всего против хана Нуралы и султанов его фамилии. Поскольку как раз в эти годы царское правительство не применяло категорического запрещения кочевать в зимнее время на внутренней стороне, в действиях хана и примыкавших к нему султанов казахи видели основное препятствие в пользовании зимними стоянками. В борьбе за землю и против феодальных поборов хана проявлялся народный, или, условно применяя к кочевому обществу терминологию, установившуюся для земледельческих, оседлых народов, крестьянский характер движения Срыма.

На двух основных требованиях сходились все участники движения Срыма. Они настаивали на отмене каких бы то ни было ограничений в пользовании землями на внутренней стороне и требовали устранения хана Нуралы и его родственников от всякой власти в жузе. Несмотря на ясно выраженную направленность борьбы народных масс в 1785 г. против ханской группировки, потенциально в ней скрывалась возможность, а при расширении земельных ограничений казахов—неизбежность борьбы и против России. Генерал-губернатор Игельстром правильно уловил основное в требованиях биев, примыкавших к Срыму, и разрешил в 1786 г. пропуск 45 тыс. кибиток со степной стороны за Урал². Фактически перешло больше. По донесениям астраханского обер-коменданта, перешло до 60 тыс. кибиток³. В результате 1786 и 1787 годы были временем необычайного спокойствия на пограничной линии: набеги казахов на русские поселения почти совершенно прекратились, значительно увеличилась пограничная торговля. До конца 80-х годов борьба Срыма носила антифеодальный характер. Особенностью данного периода в развитии движения являлось то, что народные массы выступали совместно с родовыми биями и под их руководством. Движение было направлено против степной аристократии — султанов.

Мы напрасно стали бы искать у Срыма какой-либо законченной и определённой политической программы. Как и во всяком стихийном крестьянском восстании эпохи феодализма, такой программы у Срыма не было. Совершенно ясно выступает в деятельности Срыма лишь стремление полностью ликвидировать власть хана и всё правление в жузе передать в руки родовых биев. Единство же жуза, по его мнению, должны были бес-

¹ ЦАДА «Сношения России с киргиз кайсаками» К 61. № 2, л. 118. 1775—1786.

² ЛОИИ. Собрание графов Воронцовых, № 543, л. 281.

³ Там же, л. 296 об.

печить ежегодные народные съезды, постановления которых были бы в одинаковой мере обязательны для всех. Но верность таким постановлениям должна быть гарантирована не каким-либо реальным аппаратом принуждения, а скорее моральным обязательством каждого бия подчиняться общим решениям народных съездов.

Весной 1786 г. хан, покинутый всеми своими сторонниками и даже сыновьями, бежал из жуза в Россию. Тогда тотчас же обнаружилось глубокое расхождение среди руководящей верхушки биев по вопросу о дальнейшем политическом устройстве казахского общества. Большинство биев считало необходимым сохранить ханскую власть, но выбрать такого хана, который «их воле был бы послушен». По существу, их стремление сводилось к попыткам сохранить своё господствующее положение в политической жизни казахского общества, которое они занимали в течение XVII — начала XVIII в. при хане Тауке (1680—1718), когда ни одного решения хан не мог принять без их согласия.

Однако в 80-х годах XVIII в. стремление биев к сохранению ханской власти столкнулось с сопротивлением русского правительства, которое решило использовать внутреннюю борьбу в жузе для организации управления казахской степи по типу общеимперской системы управления губерниями, принятой в 1775 году. В этом смысле генерал-губернатор Игельстром и представил 10 мая 1786 г. проект нового административного устройства степи, получивший полное одобрение императрицы¹.

Новые органы власти, Пограничный суд в Оренбурге и расправы в степи в 1786—1787 гг. действительно были организованы, но эти учреждения оказались мертворождёнными. Фактическая власть в жузе после бегства Нуралы перешла в руки наиболее влиятельных биев, в том числе и Срыма². Одни из старшин вошли в состав расправ; хотя расправы и не функционировали, всё же участие этих старшин в новых органах власти привело к установлению тесных связей между ними и царской администрацией. К старшинам, особенно тесно связавшимся с русской администрацией, принадлежали Донен-бий, Тормамбет-бий, Софра-бий и некоторые другие. Аулы этих старшин кочевали вблизи пограничной линии, и зависимость их от русских властей в пользовании пограничными пастбищами была наиболее сильна. Некоторые бии, как например Каракобек из рода Торткара, добивались усиления личного влияния и, в зависимости от подъёма или упадка движения, то примыкали к нему, то отходили от борьбы. Но подавляющее большинство биев продолжало настаивать на восстановлении ханской власти.

То обстоятельство, что движением руководили родовые бии, приводило к раздроблению сил народа, порождало споры между отдельными родовыми группировками и меньше всего содействовало усилению «крестьянского характера» движения. Однако объективно складывающаяся обстановка борьбы неизбежно вела к углублению движения, ускоряла процесс классового размежевания борющихся сил.

Русское правительство очень скоро поняло беспочвенность проектов Игельстрёма. Естественным следствием этого явились отзывание в 1790 г. его с поста генерал-губернатора и назначение на этот пост генерала А. Певулинга. Певулинг вернулся к прежним методам колониальной политики. Перегон на зиму казахского скота на внутреннюю сторону был запрещён. Были предприняты шаги к восстановлению в жузе ханской власти. В 1791 г. ханом был назначен султан Ералы, брат умершего к тому времени в Уфе Нуралы, наиболее непримиримый противник старшинской группировки.

¹ ЦАДА, К-63, № 11, лл. 1—3. 1786.

² Подробно о реформе Игельстрёма см. «Материалы по истории Казахской ССР», т. IV, введение, «Очерки по истории Казахской ССР», глава 10.

Несмотря на запрещение правительства подвергать разорению мирные аулы, вооружённые экспедиции в степь получали небывало широкое применение, причём разорению подвергались пограничные аулы, которые под страхом репрессий, как правило, не принимали участия в набегах на русские поселения. Всё это вело к активизации движения народных масс против колониального гнёта. Но подавляющее большинство биев стало на путь безоговорочного подчинения русским властям и не шло дальше робких словесных протестов. Тогда движение стало развиваться вопреки воле биев, и в отдельных случаях оно принимало характер борьбы против родовой знати. В Оренбург из степи стали поступать тревожные письма.

В мае 1791 г. Софра-бий писал в Экспедицию пограничных дел: «На сих днях в нашей Орде сильный бунт восстанавливается. Знать не могу, в каком положении Орда наша останется»¹. Бий рода Тама Шовак сообщил атаману Уральского войска, что в родах Адай, Эссентемир «большая часть киргизцев имеют на него негодование»². Мулла Таймас Сеитов доносил, что адаевцы «прошедшей осенью причиняли непослушание старшинам их»³. Бий рода Жагалбайлы Толеберген просил разрешения расположиться своим аулом поблизости Оренбурга, так как, писал он, «я от обращающихся в воровстве киргизцев весьма опасуюсь»⁴.

Как ни отрывочны эти и подобные им указания источников, всё же они позволяют сделать вывод, что в степи происходило размежевание борющихся сил внутри казахской общины. Но выступления народных масс были разрознены. Из имеющихся материалов не видно, что нараставшая борьба выливалась хотя бы в стихийное движение против биев как социальной группы.

После длительных колебаний лишь к осени 1792 г. Срым понял неизбежность вооружённой борьбы, для того чтобы добиться устранения хана Ералы, разрешить вопрос о зимних перекочёвках на внутреннюю сторону и прекратить «воинские поиски» в степи. В письме на имя генерал-губернатора о разрыве с Россией, полученном в Оренбурге в сентябре 1792 г., он обвинял Пеутлинга в стремлении закабалить казахский народ, как были закабалены башкиры и калмыки. Но «царистский» характер идеологии Срыма в этот, наиболее острый момент борьбы очень ярко проявился в том, что он приписывал лишь генерал-губернатору политику, проводимую царским правительством в отношении казахов. «Впрочем,— писал он,— со временем ваши дела будут её императорскому величеству открыты, и тогда лицо ваше почернеет»⁵.

Попытки вооружённого нападения казахов на русские крепости окончились неудачей. Безрезультатна была и партизанская борьба, которую развернул Срым в 1793 году. Тем не менее этот период борьбы весьма важен для решения вопроса о движущих силах восстания. В 1792—1793 гг. народные массы исключительно широко поддерживали Срыма. Они не только вступали в отряды восставших, но укрывали джигитов Срыма при отступлении. Никакими силами нельзя было заставить добиться выдачи участников движения. Срым и его отряды оставались неуловимыми. Бии, за очень немногими исключениями, выступали как решительные противники развязывания и обострения борьбы. Их позиции объяснялись не только боязнью масс: у биев не было ни малейших оснований для разрыва с царской администрацией. Даже в условиях земельных ограничений, при феодальном праве распоряжения кочевьями для них вопрос о зимних пастбищах не стоял так остро, как для широких трудящихся масс казахов. Бии имели возможность использовать лучшие места для зимних стоянок.

¹ ЦОА, ф. Экспедиция пограничных дел, № 168, л. 151 об., 1791.

² Там же № 184, л. 8 об. 1792.

³ Там же, л. 38.

⁴ Там же, л. 175.

⁵ ЦАДА. «Сношения России с киргиз-кайсаками». К-64, № 5, л. 36 об. 1792.

в первую очередь для своих аулов. Велика была их заинтересованность и в пограничном горге.

В жузе складывались, таким образом, условия для развёртывания борьбы против родовой знати. Но Срым не понял, что успех его дела теперь, когда родовые бии явчо отошли от движения, зависит от степени размежевания классовых сил внутри казахской общины. Этот вопрос и не возникал в его сознании. Правда, по отношению к отдельным биям, к тем, которые активно поддерживали царскую администрацию, Срым применял репрессии. Так, он захватил Каратау-бия, одного из его прежних ближайших соратников, и три месяца продержал его в плену; Толоберген-бий Срым вынудил бежать в Илецкий городок, под защиту русского гарнизона; он захватил сына одного из старшин, разведчика султана Есьма, «бил плетью и удержал у себя»¹.

Но отсюда ещё было бесконечно далеко до борьбы с родовой знатью как социальной группой. По отношению к биям Срым в основном придерживался иной тактики: он старался привлечь их на свою сторону. С этой целью Срым делал биям существенные уступки в вопросе о ханской власти, соглашаясь на восстановление власти хана, но в лице мало влиятельного султана Есенады. В том же направлении Срым проводил и агитационную деятельность. Такая тактика лишь тормозила развитие классовой борьбы.

На дальнейший ход событий повлияло и изменение земельной политики русских властей. В 1794 г. генерал Пеутлинг был отозван, и на его место был назначен один из крупных представителей русской бюрократии — С. К. Вязьмитинов. Он быстро понял ненужность для колониальных интересов империи тех драконовских мероприятий, которые применял к казахам его предшественник. Одним из первых его мероприятий на посту генерал-губернатора было восстановление права казахов перегонять скот на внутреннюю сторону. Но при этом Вязьмитинов охранял интересы русских помещиков и Уральского войска в прикаспийских степях: разрешение на перегон было ограничено узким участком на Нижнем Урале, между крепостью Индерских гор и Каленовским форпостом². Это значило, что казахи могли перегонять скот на пустующие земли Пастбища по узенькой полосе казахи попасть не могли, так как их отгораживала кордонная линия, тянувшаяся от Кимелика до Индерских гор, на Нижнем Урале. Земель, удобных для кстау, которые были расположены как раз по побережью Каспийского моря, казахи не получили. Всё же мероприятия Вязьмитинова расширяли права казахского землепользования.

Движение Срыма быстро клонилось к упадку. Но к концу 1795 г. созидались новые условия для его подъёма. В зиму 1795—1796 г. казахские общины, проводившие зиму в низовьях Сыр-Дарьи, по Эмбе, по северо-восточному побережью Каспийского моря, сильно пострадали от страшного жута (гибель скота от гололедицы). Казахи, писал мулла Губайдулла Феткуллин С. К. Вязьмитинову, «дошли до такой крайности, что с голоду малолетние дети многие померли»³. В глубине степи снова нарастало движение, направленное против казахской знати. Султан Есеналы, близкий стоявший к Срым, с тревогой говорил султану Жанторе, что «киргиз-кайсацкая орда по причине бывшего скотского падежа пришла в великое истощение, от чего воров умножилось»⁴.

Возник проект, поддержанный и Вязьмитиновым, — примирить Срыма

¹ ЧОА, ф. Экспедиции пограничных дел, № 184, лл. 319, 320 и др. 1792.

² Центральный исторический архив в Ленинграде, ф. государственного совета. Непременный совет, № 145, лл. 3—6 об. 1795.

³ Там же, фонд канцелярии генерал-прокурора № 102, л. 25 1797.

⁴ ЦАДА, К-65, л. 9 1796.

с Есымом, который был назначен ханом в 1795 г., после смерти хана Ераулы. Но эти попытки оказались безуспешными. Недовольные казахи снова начали группироваться вокруг Срыма. В ночь на 27 марта 1797 г. хан Есым был убит Срымом в его ставке близ русской границы.

Убийство хана произвело потрясающее впечатление в жузе. Бии поколения Байулы, на которых опирался хан, почти поголовно восстали против Срыма. Они даже приняли участие в карательной экспедиции, организованной атаманом Уральского войска против повстанцев, но под давлением нарастающего возмущения масс вынуждены были поспешно вернуться в свои аулы.

Аулы хана и его родственников-султанов поспешно бежали под защиту русских крепостей. Султаны не смели даже выглянуть в степь: им грозила гибель. Народные массы были на стороне Срыма. В этом была сила батыра. Стихийное размежевание сил внутри казахской общины шло неизмеримо быстрее, чем в 1792—1793 годах. Но Срым и на этот раз не изменил своей тактики, он попрежнему стремился договориться с биями, опереться на них, а не на народные массы. Ему удалось добиться временного успеха: на собрании ханского совета, организованного в 1797 г. царской администрацией, Срым провёл решение о восстановлении управления жузом так, как оно сложилось в 1785—1787 годах. Практически из этого ровно ничего не вышло. В ответ на решение ханского совета русское правительство назначило нового хана, в лице престарелого султана Айчувака. Срым вынужден был откочевать в Хиву. Он умер там в 1802 году. Как передают народные предания казахов, Срым по проискам казахских султанов был отравлен хивинским ханом.

Мы не стремились в настоящем очерке дать историю движения батыра Срыма. Нам хотелось лишь наметить основные этапы борьбы за землю, борьбы, которая и придавала движению Срыма характер крестьянской войны. Легко видеть, каким огромным тормозом на пути развития внутренней классовой борьбы в казахском ауле являлось господство патриархально-родовых пережитков, глубоко коренившихся в условиях экстенсивного кочевого скотоводческого хозяйства. Патриархально-родовые пережитки довели и над волей народных масс и над сознанием руководителя борьбы — батыра Срыма. Развитие классовой борьбы так и не приняло тех относительно законченных форм, какие принимала крестьянская война у оседлых, земледельческих народов.

Необходимо проследить развитие внутренних противоречий и у других кочевых и полукочевых народностей Советского Востока. Такое изучение позволило бы избежать упрощенчества в трактовке национально-освободительных движений и помогло бы прийти к обобщающим выводам в области совершенно не разработанной в историографии проблемы крестьянских войн у отсталых кочевых народностей.

ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ XII-XV ВЕКОВ КАК ОРГАНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕНИЯ *

Проф. В. Грабарь

Вселенские соборы западнохристианской церкви XII—XV вв. вызвали к жизни огромную литературу¹. Но авторы исследований, большей частью историки церкви, интересовались лишь церковной стороной деятельности соборов; они останавливались почти исключительно на вопросах догмы, дисциплины и администрации церкви. Другие вопросы, попадавшие в орбиту соборов, в частности вопросы по преимуществу политического характера, оставались в тени. Исследователи гражданской истории, находясь под влиянием историков церкви, тоже редко выходили за эти пределы. На политическую сторону деятельности соборов, казалось бы, должны были обратить внимание историки дипломатии и историки международного права. Напрасно, однако, стали бы мы искать у них каких-либо данных об этой стороне деятельности соборов. В недавно вышедшем I томе «Истории дипломатии» нет даже упоминания о соборах средних веков. Нет этих данных и у историков международного права. Единственным исключением в этом отношении является работа бывшего профессора Петербургского университета М. А. Таубе «История зарождения современного международного права» (СПб 1834, 1899). Он говорит об «общевропейских соборах», называя их «прототипами современных конгрессов»², но упоминает о них лишь вскользь. Подробного обозрения деятельности вселенских соборов западной церкви, как своеобразных органов международного общения, как предвестников международных собраний позднейшего времени — конгрессов и конференций, — до сих пор не дано. Выявление этой роли соборов на протяжении четырёх веков (XII—XV) и является задачей настоящего сообщения.

Вселенских соборов западной церкви было в XII в. три, в XIII — тоже три, в XIV в. — всего один, в XV же веке, после длительного перерыва, продолжавшегося целое столетие, они имеют тенденцию стать периодическими. Соборы первых трёх веков (XII—XIV) существенно отличаются от соборов XV в. как по своему значению, так и по составу, организации и кругу дел, подлежавших их обсуждению. Некоторая разница существует, однако, и между соборами первых трёх веков: они меняют свой характер из века в век.

СОБОРЫ XII — XIV ВЕКОВ

На первой ступени своего развития, в XII в., соборы находятся в полном подчинении у папы, который диктует им свою волю. Он созывает их, чтобы придать своим решениям большую торжественность и с тем, чтобы решения эти получили быстрое распространение во всех

* Автореферат доклада, сделанного в Институте истории АН СССР.

¹ Основным источником для автора служило собрание соборных документов Mansi, Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Tomi XXI—XXXI. Paris 1901—27; основным пособием Hefel, Concilien—Geschichte. Bd. V—VIII Freiburg. 1886—1887.

² Т. I, стр. 246. В приложении IV к т. I, стр. 366—368, посвящённом соборам XV века, он считает возможным назвать Константицкий собор «первым конгрессом», отбавляясь, однако, что собор этот представляет скорее «съезд епископов», чем конгресс. Ср. Т. II, стр. 91—107.

концах западнохристианского мира. Мы не имеем сведений об участии членов собора в публичном обсуждении дел; собор созывается, чтобы общим одобрением своим санкционировать готовые решения. Участниками соборов являются одни только прелаты, представители светской власти участия в них не принимают. В связи с этим круг дел, обсуждаемых на соборах, ограничивается делами, непосредственно интересующими церковь.

Несколько иное положение занимают соборы следующего, XIII в., когда авторитет пап достигает высшего своего предела. Папы, ставя себя выше государей, вызывают к их участию в соборах — личному или через своих представителей. Дела, повидимому, уже обсуждаются собранием, но в решении их принимают участие одни только прелаты. Так как папы в XIII в. притязают на власть и в делах светских, то в круг дел, обсуждаемых соборами, втягиваются и дела светские.

XIV век знает лишь один собор, — созванный первым папой «авиньонского пленения» по настоянию французского короля Филиппа IV Красивого. Он находился под сильным влиянием светской власти.

Первым вселенским собором западной церкви считается собор, созванный в 1123 г., на следующий год после Вормского конкордата, завершившего длительную борьбу между папством и империей по поводу инвеституры. По счёту католической церкви, это девятый вселенский собор, являющийся как бы продолжением серии древних соборов. С IX по XII в. созывались лишь поместные соборы на ограниченном пространстве западнохристианского мира. Из них особую известность приобрели соборы, созывавшиеся в Аквитании, декретировавшие божье перемирие (*tregua dei*) и божий мир (*paix dei*), в особенности же собор, созванный папой Урбаном II в Клермоне в 1095 г., на котором был объявлен первый крестовый поход и установлены разные льготы для участников этого похода. Несмотря на огромное значение, которое имел этот собор для всей западной церкви, он не вошёл в серию вселенских.

Вселенскими соборами католическая церковь считает следующие: в XII в. три собора, заседавшие в Риме, в Латеранской церкви: 1-й Латеранский 1123 г. (папа Калликст II), 2-й Латеранский 1139 г. (папа Иннокентий II), 3-й Латеранский 1179 г. (папа Александр III); в XIII в.: 4-й Латеранский 1215 г. (папа Иннокентий III)¹, 1-й Лионский 1245 г. (папа Иннокентий IV), 2-й Лионский 1274 г. (папа Григорий X); в XIV в. — собор в Вьенне (Франция) 1311--1312 гг. (папа Климент V).

Соборы эти подтвердили ряд постановлений прежних поместных соборов и декретировали новые постановления неполитического характера.

Из прежних постановлений следует упомянуть о божьем перемирии и божьем мире. Временный мир (перемирие) был установлен с вечера среды до утра понедельника, в великий пост и пасхальную неделю, от Рождества до Крещения и в другие праздники. Постоянным миром (замирением или нейтрализацией) пользуется ряд субъектов (духовные лица, монахи, пилигримы, вдовы, земледельцы, купцы) и некоторые объекты (церкви, монастыри, кладбища, дома духовенства и крестьян, домашние животные — быки, коровы, волы, овцы). Другие постановления касаются льгот крестоносцам и их семьям (мораторий на долги на время похода, освобождение от уплаты процентов), защиты богомольцев от грабежей и купцов от обложения новыми налогами; запрещается ростовщичество, наказываются поджигатели.

Из новых постановлений вселенских соборов можно указать следующие: 1) о фальшивомонетчиках, «разоряющих бедный люд и нарушающих покой государства»; 2) о евреях и сарацинах (обязанность носить особую, отличительную одежду, запрещенное владеть рабами-христианами и занимать общественные должности, причём светская власть обязывалась при-

¹ Документы Латеранских соборов см Mansi, Op. cit., t. XXI—XXII; в т. XXI—1-й и 2-й Латеранские соборы, в т. XXII — 3-й и 4-й.

водить эти постановления в исполнение); 3) запрещение пользоваться на войне метательными снарядами; 4) запрещение доставки врагам христианства («неверным») военной контрабанды; 5) охрана имущества лиц, потерпевших кораблекрушение, и, наконец, 6) запрещение усилившейся в XIII веке практики репрессалий.

На 4-м Латеранском соборе 1215 г. решена была участь территорий покровителя альбигойцев графа Раймонда Тулузского и кандидатур на императорский престол Оттона и Фридриха II. Рассмотрению политических дел был посвящён в значительной мере 1-й Лионский собор 1245 года¹. Он должен был, по словам создавшего его папы Иннокентия IV, исцелить «пять ран Христа», а именно: 1) грехи духовенства, 2) завоевание Иерусалима сарацинами, 3) угрозу Латинской империи со стороны греков-схизматиков, 4) нашествие татар и 5) преследование церкви со стороны императора Фридриха II. Большая часть этих постановлений касается событий международно-политического характера.

Больше всего времени у собора заняло дело Фридриха II, ради которого он, собственно, и был созван. Поверенным императора был юристоманист Таддео да Суесса. Между ним и папою на соборе всё время шли пререкания. В первом же заседании, 28 июня 1245 г., папа произносит обвинительную речь против Фридриха: он, по словам папы, клятвенно преступник, дружит с сарацинами, с султаном «Вавилонским» (египетским), заводит у себя их обычаи, допускает их пребывание на своей территории, преследует церковь. Таддео одни обвинения отвергает, для других находит извиняющие обстоятельства и просит отложить рассмотрение дела до приезда обвиняемого. Приезд Фридриха папе нежелателен, он заявляет, что «не чувствует себя готовым ни для мученичества, ни для тюрьмы». Когда на следующем заседании собора, 5 июля, один из испанских епископов от имени их всех потребовал осуждения Фридриха, поверенный последнего заметил что обстоятельство дела им неизвестны, ибо Испания находится очень далеко, и что епископу подобало бы стоять за мир, а не разжигать войну. Он снова просит отложить рассмотрение дела, и папа нехотя, под давлением французских и английских прелатов, согласился на отсрочку в 12 дней.

С наступлением этого дня, 17 июля, Таддео вновь берёт слово для защиты Фридриха, но, видя, что защита беспредельна, наперёд объявляет предстоящий приговор не имеющим силы, так как вызов в суд был недействителен и так как папа является одновременно и судьёй и стороной; он заявляет, что будет апеллировать к будущему папе и к истинному собору королей, князей и прелатов». Настоящее собрание, по его мнению, не может считаться вселенским собором, ибо весь христианский мир представлен в нём почти исключительно прелатами Франции и Испании. Папа отвёл ссылку на недействительность собора, ибо все прелаты и государи были приглашены на собор и собор достаточно многочислен; приговор не должен быть отложен. Тут же он был объявлен: Фридрих нарушил договор, заключённый им с церковью, совершил акт кощунства, захватив в плен ехавших на собор прелатов, проявил себя сретником, войдя в дружбу с сарацинами, обмениваясь с ними подарками, терпя у себя их религиозные обряды и передав им в Иерусалиме христианскую церковь для превращения её в мечеть; он захватил силою лен церкви — Сицилию. Ввиду сказанного он «лишён Богом всех своих почестей и званий», и папа приговором своим лишает его престола и запрещает впредь повиноваться ему как императору и королю. На приговор этот последовал протест Фридриха, направленный королям Франции и Англии.

На соборе 1274 г. (2-й Лионский) обсуждались следующие международно-политические вопросы: кандидатура на императорский престол

¹ Документы 1-го Лионского собора 1245 г. напечатаны у Mansi, Op. cit., t. XXIII, p. 605—682.

короля Альфонса X Кастильского и Рудольфа Габсбургского; положение Венгрии, разорение Польши Литвою; вражда германских князей между собою; угроза Чехии со стороны татар; вопрос государственного права Норвегии, а именно: является ли страна эта монархией наследственной или избирательной¹.

Весьма интересна записка известного богослова XIII века Умберто деи Романи (*Humbertus de Romanis*), составленная им для собора 1274 г., касающаяся крестовых походов и положения Римской империи.

Крестовые походы, столь неудачно кончившиеся, сделались уже в это время непопулярными. Противники их, отпугивавших народ (*deterrentes populum*), как выражается Умберто, было много. Одни, говорит он, утверждают, что не дозволено проливать кровь сарацин, ибо Христос велел апостолу Петру вложить вынутый им меч в ножны; другие настаивают на отказе от походов на том основании, что проливается слишком много крови, притом невинной больше, чем виновной; третьи высказываются против похода, так как это значило бы искушать бога, ибо у сарацин имеется пища в изобилии и они знают хорошо свою страну, все проходы, христиане же идут на войну, имея всё против себя; четвёртые, признавая дозволенную оборонительную войну, считают недозволённой войну наступательную против сарацин на их собственной территории; пятые заявляют, что мы не должны преследовать сарацин, как мы не преследуем евреев и находящихся в нашем подданстве сарацин, идолопоклонников, татар и варваров, шестые указывают на то, что походы не приносят плодов, ни духовных, — ибо сарацины живые не обращаются в христианство, а убитые посылаются прямым путём в преисподнюю, ни мирских, — ибо мы не в состоянии удержать завоёванных земель; седьмые, наконец, говорят, что неудачи, постигшие христиан в крестовых походах, доказывают, что походы эти не соответствуют воле божией².

Умберто, будучи сторонником продолжения крестовых походов, опровергает или смягчает эти доводы и делает предложение, которое он считает общим мнением (*communis opinio*). «Общее мнение, — говорит он, — полагает, что там нужно было бы держать постоянно такое количество бойцов, какое, предположительно, было бы всегда в состоянии оказывать сопротивление сарацинам, для чего выбирались бы не наёмные люди, обращающие внимание исключительно на плату, а ревнители веры, и не убийцы или наихудшие люди, как это делалось до сих пор»³.

Ещё интереснее предложение Умберто, касающееся Римской империи, которую он предлагает разделить на две части: Германию и Италию. Что касается Германии, то он желал бы, чтобы король Германии (*rex Teutoniae*) получал свою власть не путём избрания, а по наследству и довольствовался впредь своим королевством: его бы больше боялись, и правосудие отправлялось бы лучше. Из Италии он предлагает создать, с согласия городских общин и прелатов, одно или два государства с наместительной королевской властью, ограниченной законами и статутами.

Что касается самой империи, которая сведена до нуля (*quasi ad nihilum est deducta*), то она чужда, чтобы к ней можно было обращаться ввиду происходящих войн и по разным другим обстоятельствам, между тем под властью многих императоров творилось больше зла, чем добра, чарушались мир и единство. Это обстоятельство и многие другие соображения реально убеждают, что необходимо найти какое-нибудь подходящее средство против этого зла, если только оно может быть найдено⁴.

Единый собор XV в. — собор Вьеннский 1311—1312 гг. — интересен тем, что на нём в отличие от соборов XII—XIII вв. сильно отразилось

¹ Документы 2-го Лионского собора 1274 г. см. у Mansi, Op. cit. t. XXIV, p. 37—136.

² Mansi, Op. cit. t. XXIV, p. 113—116.

³ *Ibidem*, p. 119—120.

⁴ *Ibidem*, p. 132.

влияние светской власти (Филиппа IV Красивого): он декретировал уничтожение ордена Тамплиеров (храмовников)¹.

СОБОРЫ XV ВЕКА

Если в прежнее время соборы были послушным орудием в руках папы, который диктовал им свою волю, то теперь, в XV в., при поддержке светской власти, они становятся выше пап, привлекают их к ответственности и требуют от них подчинения своим постановлениям. Вместе с тем соборы из случайных и кратковременных съездов высшего духовенства превращаются в длительные, продолжающиеся целые годы, периодически созываемые собрания, в которых принимают участие не одни только прелаты, но также и представители университетов, представители богословской и юридической мысли — магистры богословия и доктора римского («цивильного») и канонического права; они демократизируются. С другой стороны, светская власть в лице императора и других властителей начинает играть существенную роль в направлении деятельности соборов: из простых наблюдателей совершающегося государи превращаются до известной степени в вершителей соборных дел.

Усилившаяся роль государей вызвана была расколом, возникшим в католической церкви. После возвращения в Рим в 1377 г. авиньонского папы Григория XI и последовавшей вскоре затем его смерти в Риме был избран папа Урбан VI; оставшиеся в Авиньоне кардиналы избрали другого папу, Климента VII. Это избрание положило начало «великому расколу» в католической церкви, длившемуся четыре десятилетия. Преемником Климента VII был Бенедикт XIII (Пётр де Луна); Урбан имел трёх преемников, из которых последним был Григорий XII (Анджело Коррарио). Католический мир распался: в одних государствах признавался авторитет римского папы Григория XII, в других — авиньонского, Бенедикта XIII. На Константианском соборе обоим этим папам дали клички: Григорию — *Errorius* (Заблуждающийся), Бенедикту — *Maledictus* (Проклятый). Сами папы осыпали друг друга и чужую паству проклятиями, вконец разрушая этим авторитет папской власти. Расколовшаяся на две части католическая церковь сохраняла своё единство лишь в лице «адвоката и защитника церкви» (*advocatus et defensor ecclesiae*) — римского императора, которому и приходилось совместно с другими государями, опираясь на соборы, восстанавливать её прежнее единство. Более деятельное участие государей в делах соборов имело своим естественным последствием известное расширение их компетенции в вопросах чисто политического характера.

Наконец — и в этом, пожалуй, главное отличие соборов XV в. от прежних соборов — на составе их резко отражаются национальные тенденции времени: из индифферентных в национальном отношении собраний, представлявших общехристианские интересы и интересы высшего духовенства, соборы становятся представителями национальных церквей и общенациональных интересов отдельных стран, отражая развивающееся в них национальное сознание.

ПИЗАНСКИЙ СОБОР 1409 ГОДА *

Созыв собора встретил затруднение. Он лежал на обязанности папы, а пап было двое. Между тем только собор мог восстановить единство церкви. Он был созван в гор. Пизе объединившимися кардиналами обоих пап. Университеты Парижский и Болонский дали заключение о закон-

¹ Документы Вьеннского собора см у Mansi, Op. cit., t. XXV, p. 367 ss

* О Пизанском соборе см. Mansi, Op. cit., t. XXVII, p. 1—504; Hefele, Op. cit., t. VI, p. 992—1041; Lenfant Jacques, Histoire du Concile de Pise 2 тома. Amsterdam 1734; Erler G. Zur Geschichte des Pisaner Konzils. Leipzig 1884; Stuhlf. Fr. Die Organisation und Geschäftsordnung des Pisaner und Konstauer Konzils. Schwerin. 1893 (диссертация).

ности созванного ими собора. Так как он отвечал желаниям и чаяниям огромного большинства верующих, то сразу же получил всеобщее признание. К нему примкнуло и большинство государей. Кроме прелатов и послов государей на собор прибыли представители 13 университетов и более 300 соборных капитулов, а также лично более 300 богословов и докторов прав.

В Пизе члены собора впервые распределились по «нациям». Тогдашнее понятие «нации» отличалось от современного. Всех наций было четыре, которые следовали в таком порядке: итальянская, французская, германская и испанская. В них были включены все государства западнохристианского мира. Впоследствии из германской нации выделилась английская в качестве пятой нации; в неё входили, кроме самой Англии, Шотландия, Уэльс, Ирландия и Оркадские острова. Голосование продолжало производиться не по нациям, а по «головам».

При размещении членов собора, особенно послов государей, не обошлось без местнических споров, хотя заранее было заявлено, что занятие не подобающего данному лицу по его рангу места не может служить прецедентом во вред ему.

Собор рассмотрел два политических дела: избрание Рупрехта Пфальцского римским королём и право на престол сына умершего в 1384 г. короля неаполитанского Людовика. Оба папы были низложены собором и избран новый, принявший имя Александра V.

Результаты собора были плачевны: на папском престоле вместо двух пап оказалось трое, ибо низложенные собором папы от престола отказаться не желали.

Исполняя обещание, данное папой Александром V на Пизанском соборе, преемник его Иоанн XXIII созвал следующий собор в 1412 году. Местом собора был избран Рим, но за малочисленностью прибывших на собор членов он не мог состояться. Сроком созыва нового собора папа назначил декабрь 1413 года. Место не было указано, но по настоянию будущего императора, короля Римского Сигизмунда, папа вынужден был согласиться на созыв его в имперском городе Костниц, или Констанц.

КОНСТАНЦСКИЙ СОБОР 1414—1418 годов*

Кроме папы, императора Сигизмунда и послов почти всех государств Западной Европы, на соборе присутствовали 3 патриарха, 29 кардиналов, более 300 прелатов и несметное количество богословов и юристов, *maister in theologie... gar vil doctores canonisten, und gross maister decretisten, utriusque iuris iuristen*, а также множество низшего духовенства. Такого огромного стечения лиц — высокого и низкого звания, духовных и светских — не видел ни один из прежних соборов. Вся жизнь западнохристианского мира нашла в нём своё отражение. Член собора кардинал Филластр, оставивший нам дневник собора, говорит о нём, что по сравнению со всеми предшествующими соборами созыв его был более труден, в ходе же своём он был своеобразнее, удивительнее, опаснее и по времени длительнее¹.

* О Констанцском соборе см. Mansi, Op. cit., t. XXIX, XXX; Finke H. *Acta concilii Constantiensis*, t. I—IV. Munchen 1896, 1923—1928; Hardt v. der, *Concilium Constantiense*, t. I—III. Frankfurt 1699—1742; Lenfant J. *Histoire du Concile de Constance*, t. I—II. Amsterdam 1714; Finke H., *Forschungen und Quellen zur Geschichte des Konstanzer Konzils*. Paderborn 1889; Wassenberg J. H. v., *Die grossen Kirchenversammlungen des 15 und 16. Jh. Bd. II. Konstanz* 1840; Hefele. Op. cit. t. VII; Finke H., *Bilder vom Konstanzer Konzil*. Heidelberg 1903; Marmor J., *Das Konzil zu Konstanz in den Jahren 1414—1418*. Konstanz 1874; Valois N., *Le pape et le schisme 1418—1450*, 2 vols. Paris 1909; Valois N., *La France et le grand schisme*, 2 vols. Paris 1895; Siebeking, *Organisation und Geschäftsordnung des Kostnitzer Konzils*. Leipzig 1872

¹ Finke H. *Acta*. II, 169.

Больших усилий стоило собору отвлечь государства Испании от повинения Бенедикту XIII, но всё же посольству собора и Сигизмунду, отправившемуся лично для переговоров, удалось убедить государей Кастилии, Арагона и Наварры отречься от Бенедикта и присоединиться к собору, где государства эти вместе с Португалией образовали испанскую нацию.

Как это уже имело место на соборе в Пизе, съехавшиеся на Констанцкий собор члены его распределились по «нациям». В начале собора наций было всего четыре; испанская нация сконструировалась окончательно только в 1417 году.

Распределение членов собора по нациям было сдвигом по сравнению с прежней практикой соборов, свидетельствовавшим об известном пробуждении среди народов национального чувства, но юридического значения оно не имело, так как голосование производилось попрежнему не по нациям, а поголовно, не различая принадлежности к той или другой нации, а иногда просто криками одобрения: «Placet!» Решительная перемена произошла лишь на Констанцском соборе, в самом начале его, в феврале 1415 г., когда германская и английская нации, боясь, что большинство получают французы и итальянцы, потребовали, чтобы голосование происходило по «нациям», отказываясь в противном случае участвовать в нём. К их требованиям присоединилась на следующий день и французская нация¹. Этот способ голосования установился в дальнейшем при решении дел на соборе².

Реформа вызвала большие споры. Император поддерживал её, папа и итальянцы высказывались против неё. Сохранилась записка неизвестного автора, отстаивавшего законность голосования «не по головам отдельных тел», а «по головам наций», разумея под этим представителей «наций», их прокураторов, или должностных лиц, ибо, говорит он, «собор состоит из наций, из которых каждая сама по себе составляет одно тело». Итальянцы подали императору протест, доказывая, что постановлением трёх наций нарушаются честь и права итальянской нации: три английских прелата оказались приравненными к тридцати итальянским. «Зачем, — спрашивают они, — делать в церковных делах различие между итальянцами, германцами, англичанами или французами? Зачем понадобилось считать, сколько наций в христианском народе?»³. Слова эти свидетельствуют о том, что в Италии ещё не создано общенационального национального сознания, этого спутника образования национального государства.

По другому организационному вопросу, а именно по вопросу о том, кому должно быть предоставлено на соборе право голоса, итальянская нация снова отделилась от остальных трёх, отстаивая вместе с папой прежний, аристократический порядок, при котором право голоса имело только высшее духовенство. Противоположное течение, демократическое, требовавшее предоставления голоса магистрам богословия и докторам права, имело своими представителями кардиналов д'Айльи и Филластра.

Во главе каждой нации стоял президент, избиравшийся на месячный срок. Дела, подлежащие решению собора, обсуждались предварительно в отдельных нациях. Обособленность свою нации ревниво оберегали.

Между собою нации соблюдали порядок старшинства. Первой нацией, как уже отмечалось, считалась итальянская, второй — французская, третьей — германская, четвёртой — испанская. Ввиду отсутствия на соборе этой последней английская нация, выделившаяся из германской, заняла место, принадлежавшее испанской нации. Когда в 1416 г. на собор прибыло посольство Арагона и было инкорпорировано как ис-

¹ Gerretanus, Op. cit.; Finke, Acta. II. 210—211.

² Finke, Acta, Nr. 54, p. 100—101.

³ Ibidem, Nr. 56, p. 102—104.

панская нация, оно потребовало своё обычное место. Конфликт был кое-как улажен. Но французская нация, недовольная тем, что англичане образовали особую нацию, возбудила вопрос, имеют ли они вообще право образовать отдельную нацию. Это вызвало протест со стороны германской и английской наций, заявивших, что они отказываются принимать дальнейшее участие в соборе, если французская точка зрения будет принята.

В защиту этой точки зрения выступил прокуратор французской нации, юрист Кампань (Campane)¹, заявивший, что он не оспаривает права Англии называться нацией, каковой может считать себя любое государство, но он оспаривает её право представлять такую нацию, которая бы составляла «четвёртую или пятую часть всего повинующегося римскому папе христианского мира и которая могла или должна была бы по праву быть приравнена к голосу или авторитету всей Италии, всей Франции или Испании или всей Германии, каковые четыре главных нации включают в себе много отдельных государств и наций, из которых каждая достойно может быть приравнена к упомянутому королевству Англии». Ссылаясь, далее, на установление четырёх наций буллой *Vas electionis*, Кампань утверждает, что четырёхчленное деление «отвечает праву и разуму». Нелепо, замечает он, предоставлять Англии право образовать нацию, которая бы представляла одну пятую часть всего западнохристианского мира, тогда как по количеству церковных провинций она представляет лишь 1/36 часть его.

Правда, ехидно замечает Кампань, к английской нации причислены также провинции и епископства Шотландии и Ирландии, не подвластные английскому королю, не повинующиеся ему, не принадлежащие и не желающие принадлежать к английской нации, как равно и епископства Уэльса, которые, за исключением двух, тоже не повинуются королю и отрицают свою принадлежность к английской нации. Французские послы предлагают три выхода: 1) вернуть Англию вновь в состав германской нации; 2) разделить остальные нации на несколько отдельных наций, пропорциональных английской; 3) в случае нежелания этих наций разделяться, следует вернуться «к общему праву и к старому способу ведения дел», когда на соборе не было деления на нации. Если Англию признать за единицу, то Франция должна иметь их шесть или больше².

С ответью на протест французского посольства выступил, опасаясь, как он заявил, что молчание может быть истолковано как знак согласия, один из английских послов, Томас Полтон³. Приведя все доводы французского протеста, Полтон находит их «прогноречашими праву, разуму и истине». Интересен ответ его на замечание Кампаня о Шотландии, Ирландии и Уэльсе. Принадлежность их к английской или британской нации — факт общеизвестный, а шотландцы притом говорят на том же языке, что и англичане. Но если даже допустить, что вышеупомянутые страны не повинуются английскому королю, то это обстоятельство никакого значения не имеет, ибо и в испанской нации не все государства подвластны Кастилии, а во французской — Дофине: Бургундия, Савойя и Лотарингия не имеют ничего общего с королём Франции, а всё же составляют часть этой нации.

Сравнивать государства между собою, рассуждает Томас Полтон, не соответствует ни праву, ни разуму, ибо это одиозно; но если допустить сравнение, то Англия не ниже Франции, а выше. Французы стараются воз-

¹ Выступление Кампаня вызвало топот, крик и свист со стороны немцев и англичан: *Factus est tantus pedum strepitus et clamor, quod audiri non potuit* (Finke, Acta, II, 89); *aliqui insufferunt, alii fecerant strepitum et tantum tumultum quod legens audiri non poterat* (ibidem). Другой свидетель говорит: *Fuit factus unus sibilus... et talis tumultus... quod... lecturam suam finire non potuit*.

² Протест послов французского короля см. Mansi, Op. cit., t. XXVII, p. 1022—1031

³ Протест английской нации напечатан у Mansi. Op. cit., t. XXVII, p. 1058—1069.

нести свою страну до небес; они готовы Париж считать больше всей Англии. Англия пространством больше Франции; из неё можно выкроить несколько Франций. В христианство Англия обращена ещё Иосифом Аримафейским.

Характернейшим признаком нации, по мнению Полтона, является язык; он составляет как по божественному, так и по человеческому праву её существо. Английская нация имеет в своём составе пять языков и могла бы образовать пять наций¹. Полтон предлагает делить Европу на четыре церкви: восточную, западную, северную и южную. Это деление может быть, по его мнению, как естественное и постоянное, принято для всех будущих соборов. «Оно лучше,— говорит он,— чем деление по языкам или по государствам, так как и тех и других имеется более четырёх; оно лучше, чем изменчивое деление по превосходству государств в богатстве и в могуществе, которые могут возрастать или в зависимости от разных констелляций и правлений уменьшаться или совсем исчезнуть. Кроме того наименование нации по тем или другим государствам одиозно для других государств, как обидное для них и честолюбивое», деление же по странам света безобидно для любого государства; оно остаётся всегда неизменным и естественным.

Французский протест утверждает, что 24 английских члена собора желают присвоить себе права четвёртой части собора. Англичан значительно больше, заявляет Полтон, хотя Англия лежит далеко. Но в одном или в двух лицах может и должно оставаться право всей совокупности нации на вселенском соборе, ибо они представляют не одних себя, а бесчисленное количество других лиц. Появление испанской нации не может устранить английской, ибо равный не имеет власти над равным.

Этот спор между послами Франции и Англии послужил, вероятно, поводом к созданию литературного памятника, носящего название «Спор между герольдами Франции и Англии»² и относящегося к 1458—1459 годам. Герольды, по заданию Мудрости, дебатировали вопрос: «какое христианское государство наиболее достойно занять место ближе к Почести?» Место это отводится, конечно, Франции, ибо автор произведения — француз³. Столетие спустя, в 1549 г., англичанин Джон Кок (Coke) издаёт в ответ французскому автору «Спор между герольдами Англии и Франции», где победа остаётся, разумеется, за Англией⁴.

По мере того как авторитет папы благодаря «авиньонскому пленению» и последовавшему за ним церковному расколу падал, участие светских государей в делах церкви и в исправлении её недугов становилось всё заметнее⁵. Сама церковь и верующие возлагают свои надежды на их вмешательство. Раскол приучил церковь искать помощи у светской власти. Даже папство вынуждено работать на пользу государей. С другой стороны, интересы государства были тесно связаны с интересами церкви, и государи не могли устраняться от участия в делах церкви и оставаться сторонними наблюдателями, какими они в значительной мере были в течение XII—XIII веков. К государям церковь обращается уже как к необходимым участникам и вершителям дел на соборах.

¹ Интересные суждения Полтона о значении языка при определении понятия нации см. в указанной уже статье «Вселенские соборы западнохристианской церкви и светские конгрессы XV века».

² Les Débats des Hérauts d'Armes de France et d'Angleterre, Paris 1877.

³ Герольд Франции указывает, между прочим, на то, что Франция одна составляет на соборах целую нацию, Англия же входила в состав германской нации: «Vous n'estez point de nacion et estez scubz la nacion d'Almaigne», p. 39—40.

⁴ The Debate between the Heralds of Englande and Fraunce; напечатано вместе с «Débats», p. 53—125.

⁵ См. статью Justus Hashagen. Papsttum und Laiengewalten im Verhältnis zu Schisma und Konzilien «Historische Vierteljahrsschrift». XXIII. Jg. S. 325—337 Dresden 1926.

Когда в одном месте сходились послы разных государств, между ними неминуемо возникали споры о местничестве, о подобающем послам и их государям ранге. Так было и на Констанцском соборе. Послы Арагона потребовали уравнивания в ранге с посольством Англии. Последнее заявило протест. Собор передал решение вопроса послам государей. Из затруднения собор вывели французы, выразившие согласие на уравнивание арагонцев с ними и размещение их послов вперемежку с послами Франции. Споры возникли также между Кастилией и Португалией¹, между Кастилией и Арагоном. Возникали также споры и из-за титулов государей.

Церковь в средние века не была чисто духовным установлением; во многих отношениях она была тесно связана с государством, и политика ежечасно вливалась в дела церкви, да и церковь захватывала её в свою орбиту. В XV веке, в эпоху соборного движения, это сплетение духовных и светских интересов сказывается с особенной силой. Уже самый состав соборов, распавшийся на «нации», и решающее влияние, которое приобрели на дела соборов государи и их представители — послы, — должны были отразиться на деятельности соборов, заставляя их откликаться на политические события дня.

Из вопросов по преимуществу международно-политического характера собору пришлось иметь дело со следующими: 1) жалоба капитана города Фермо и жителей Анконы на нарушение их прав владельцем Римини, Карлом Малатестой; 2) просьба брата и жены упомянутого Малатесты о заступничестве и освобождении его из плена; 3) обращение Польши с просьбой отправить письма ко всем государям о помощи против татар; 4) обращение Сигизмунда с просьбой оказать помощь Венгрии против турок; 5) дело Жана Пети (Johannes Pagi) и дело Иоганна Фалкенберга, виновных в восхвалении и пропаганде политического убийства; 6) попытка собора примирить Англию и Францию; 7) спор польско-литовского государства с Тевтонским (прусским) орденом.

Наибольший интерес представляет последнее из вышеуказанных дел². По жалобе послов Польши и Литвы, прибывших на собор в январе 1416 г., Тевтонскому ордену был послан запрет нападать на жмудинов или самогитов, обращённых Польшею в христианство. В феврале того же года послы польского короля Владислава выступили с пространной жалобой на Тевтонский орден. Жалоба была изложена на десяти листах бумаги и заключала ряд юридических вопросов, разработанных членом посольства, краковским каноником Павлом Влодковичем, который в актах собора называется Paulus Vladimiri. Послы ордена представили свои возражения и оправдания, стрль пространные, что они полностью заслушаны быть не могли³. Постановления вынесено не было.

Императору Сигизмунду удалось убедить находившихся при нём в Париже польских послов согласиться на продление перемирия с Орденом, кончавшегося в 1416 г., ещё на два года. Но здесь произошёл инцидент, давший новую пищу для споров на соборе по делу об отношениях между Польшей и Орденом. На торжественном обеде, данном Сигизмундом, польскому послу, архиепископу гнезненскому, был вручён трактат упомянутого выше Иоганна Фалкенберга, написанный по заданию Ордена и направленный против Владислава и поляков.

Возвратившись в Констанц, архиепископ представил трактат собору и потребовал осуждения трактата и его автора за пропаганду убийства.

¹ Протест португальских послов напечатан у Mansi. Op. cit., t. XXVII, p. 954—957.

² Bellée H. und die römische Kurie 1414—1424». Berlin 1913. (Diss.)

³ In scriptis tam prolixis quod omnia legimus potuerunt (Fillastres, Gesta Concilii Constantiensis; Fink e, Acta, II, 58). Рассмотрению этих интересных документов я имею в виду посвятить особую работу.

Собор признал трактат лживым и еретическим и приговорил автора к пожизненному заключению. Фалкенберг всё время оставался в тюрьме, пока вновь избранный собором папа Мартин V не освободил его ¹.

Из трактата Фалкенберга извлечено было одиннадцать положений, которые и признаны были собором еретическими. Приведу положения 3 и 5: «Несомненно более похвал заслуживают... убивающие поляков и их короля, чем убивающие язычников» (3); «Зачумлённая община поляков, глаза которых Ягеллю, вся вредоносна... Поэтому князья мира обязаны мщением мести... истреблять всех поляков с их королём или большую их часть или же повесить на виселицах против солнца всех их князей и вельмож» (5).

Что касается существа спора между Польшей и Орденом, то его постигла участь большинства начинаний собора: спор остался в том же положении, в каком он был до передачи его на решение собора. Собор вообще не мог похвалиться достигнутыми результатами. Единственным результатом деятельности Констанцского собора надо признать восстановление единства Западнохристианского мира во главе с вновь избранным папой Мартином V.

Принимая во внимание условия, в которых собору пришлось действовать, в особенности споры, возникавшие между «нациями» и между представительствами государств внутри одной и той же нации, нет ничего удивительного, что занятия его в той части, которая так или иначе затрагивала политические интересы государств, оказались бесплодны.

БАЗЕЛЬСКИЙ СОБОР 1431—1449 годов*

Буллой «Frequenz» Констанцкий собор устанавливал на будущее время периодичность вселенских соборов. Ближайший собор должен был быть созван через пять лет в Павии. Собор открылся в назначенный срок, в 1423 г., но ввиду начавшейся в Павии эпидемии был перенесён в Сиену. Сиенский собор, не игравший видной роли в истории соборов, был закрыт в следующем, 1424 году.

Согласно той же булле, следующий собор был созван папой Мартином V в 1431 г. в имперском городе Базеле. Мартин V вскоре умер, а преемник его Евгений IV не поехал на собор, а отправил вместо себя для открытия собора кардинала Чезарини.

Первое заседание собора состоялось 14 декабря 1431 года. Собор сразу же заявил себя преемником Констанцкого, объявив себя стоящим выше папы. Ему пришлось вести длительную борьбу с Евгением IV, который отказался явиться на собор и распустил его, но по настоянию государей отменил своё постановление. После повторного вызова и отказа Евгений был суспендирован, а затем и низложен. Собор по распоряжению папы был в 1438 г. закрыт и в связи с переговорами о воссоединении восточной греческой церкви с западной (уния) перенесён в Феррару, а в

¹ Папа Мартин V, покровительствовавший ордену и Фалкенбергу, желал, чтобы слова «libellus ergoneus et haeresi plenus» были заменены словами: «liber falsus ac ritum aurium offensivus». Послы Владислава апеллировали к будущему собору. Папа увёз Фалкенберга с собою в Рим и затем, с согласия Владислава, отпустил его на свободу. Не получив от магистра Ордена ожидаемого вознаграждения, Фалкенберг впоследствии написал пасквиль на него и на Орден ещё горший, чем был прежний на Владислава и на поляков. Документы по процессу Фалкенберга напечатаны Финке в его Acta Concilii. IV, 352—439, Nr. 438—454. О Фалкенберге см. Sauerland H. V. Beitrag zur Lebens und Leidensgeschichte des Johannes Falkenberg. «Altpreussische Monatsschrift» XLVI, S. 49 ff. Bess B. Johann Falkenberg oder Polen und der preussisch-poleinische Streit vor dem Konstanzer Konzil. «Zeitschrift für Kirchengeschichte». XVI, S. 385 ff.

* Haller Joh. Concilium Basiliense. I—IV, VI, Basel 1896, 1897, 1900, 1903, 1925; Monumenta Conciliorum-Generalium Concilium Basiliense: Scriptorum. Vindob. 1857—1896; Mansi. Op. cit., t. XXIX—XXXI; Lazarus, Das Basler Konzil. Sav.-Stift. 1913. Kanen. III. Bd. 34 (47); Hefele. Op. cit., t. VII. Freiburg — Berlin 1886—1887.

следующем, 1439 г. — во Флоренцию, где и состоялось недолго длившееся воссоединение церквей. Базельский собор, порвав с Евгением, продолжал заседать и избрал нового папу, Феликса V. Кардиналы и более видные прелаты стали постепенно покидать Базельский собор, к которому охладели и государи. Франция и Германия продолжали поддерживать сношения с ним. Когда же император Фридрих III, а вслед за ним и германские князья примирились с Евгением IV, заключив с ним компромисс, дни собора были сочтены. 45-е заседание собора было последним. Избранный собором папа Феликс V сложил с себя свой сан, был прощён Евгением, который остался единственным законным, всеми признаваемым папой.

Организация собора¹ в общем осталась прежней, но неудобства, связанные с обсуждением дел по нациям, между которыми и внутри которых шли раздоры, были устранены образованием смешанных комиссий, получивших название депутаций. Они различались по роду обсуждаемых ими дел. Их было четыре: депутация веры (*fidei*), депутация мира (*pacis*), депутация реформы (*reformatorii*) и депутация общих дел (*de communibus*). Учёта опыт Констанцского собора, Базельский собор на первом же своём заседании вынес постановление, долженствовавшее прекратить все местнические споры. Однако споры эти не только не прекратились, но ещё значительно усилились. Местнические споры возникли между курфюрстами и Бургундией, между Бургундией и Бретанью, между Англией и Францией и, наконец, между Англией и Испанией. Споры эти продолжались целые годы, пока не кончались каким-нибудь компромиссом.

В столкновении Англии с Испанией дело дошло до драки: два испанских епископа столкнули английского посла с занятого им места, а подошедший на помощь другой член английского посольства, доктор прав и профессор Оксфордского университета, был сброшен вниз и чуть не сломал себе шею, как свидетельствует один из наблюдавших эту сцену².

Несмотря на все эти местнические столкновения, послы всё же чужествовали свою органическую связь и в ряде случаев выступали сообща как представители своего рода дипломатического корпуса. Так, однажды, по поводу декрета собора, в силу которого, во избежание местнических счётов, послы всех государей должны были занимать места не по рангам государств, а по старшинству, посол Франции от имени всех посольств выразил протест.

Интересно отметить, что на Базельском соборе члены собора в своих выступлениях пользовались иногда вместо официального, латинского, своим национальным («вульгарным») языком, говорили на немецком, испанском и французском языках.

Из рассмотренных собором дел нас могут интересовать лишь дела, вытекавшие из задачи водворения мира между христианскими государствами. Сюда относятся: 1) установление перемирия между Бургундией и Австрией (1431); 2) жалоба герцога Саксонского на отказ в правосудии со стороны императора (1434); 3) спор между баварскими герцогами Генрихом и Людовиком (1436); 4) спор Бургундии и Милана; 5) спор Венеции с патриархом аквилейским; 6) спор между Польшей (королём Владиславом) и Литвой (вел. князь Свидригайло — Wytrigal; обеим из спорящих сторон собором отпразднены письма с увещанием заключить мир или перемирие). установление мира или перемирия между Францией и Англией. С этой последней целью в 1435 г. был созван в Аррасе конгресс, в котором приняли участие послы императора, четырёх государств Пиренейского полуострова, Неаполя и Сицилии, Польши, Кипра, Дании и четырёх герцогов; герцог Бургундский Филипп Добрый прибыл лично. Примире-

¹ Richter O., *Organisation und Geschäftsordnung des Basler Concils*. Leipzig. 1877 (Diss.)

² Fuit de alto in bassum proiectus, cui imminebat periculum fractionis colli fortasse. Joh. de Segobia p. 34. «*Monument conciliorum, Concil. Basil.*», II, 833.

ние главных противников, Франции и Англии, оказалось невозможным, но конгрессу удалось помирить с Францией союзника Англии, герцога Бургундского.

Борьба между соборами и папами, из которой в конечном счёте победителем вышел папа, сильно подорвала идею соборного движения. Начиная с XV в., папы всегда были противниками соборов. К соборам взывали все, кто был недоволен решением, вынесенным папою. Протестуя, они обращались «к будущему собору». Но разочарование в соборах постигло и верующих вообще и прежде всего государей.

Разочарование в идее соборов, явная к ним вражда пап и индифферентизм государей повели к тому, что соборы, ставшие уже периодическими, после Базельского собора в течение всего XV века вовсе не созывались. Явилась мысль заменить их съездами государей и их посольств. Сами папы начинают склоняться к созыву светских собраний. В этом смысле высказывался видный участник Базельского собора Эней Сильвий Пикколомини, будущий папа Пий II. Эту свою мысль он и осуществил, как только стал папой. На следующий же день после своего коронования буллой от 15 октября 1458 г. он созвал на 1 июня 1459 г. съезд государей в г. Мантуе. Задачей съезда была организация похода против турок, но она оказалась недостижимой ввиду вражды христианских государей между собой. Все призывы папы к примирению враждующих не имели успеха. Сам папа был в разладе с Францией из-за «Прагматической санкции», закона, закрепившего за Францией все декреты Базельского собора, направленные против злоупотреблений римской курии. Поход против турок всё же был декретирован конгрессом; некоторые государства обещали помощь, кто деньгами, кто войском, кто флотом. Соборы как органы международного общения уступают своё место светским собраниям.

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ И АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

А. Югов

До сего времени в нашей исторической литературе не освещены такие важные моменты отечественной истории, как взаимоотношения между Александром Ярославичем Невским, великим князем Новгородской и Ростовско-Суздальской земли и Киева¹, и Даниилом Романовичем Галицким, великим князем всей Червоной, Карпатской, или Галицко-Волынской, Руси. А между тем сопоставление первоисточников и анализ внешнеполитической обстановки того времени дают нам право утверждать, что эти два великих и самоотверженных ратоборца за Русскую землю — Даниил и Александр — были связаны узами взаимной дружбы и поддержки в то поистине страшное для Руси время — одновременного и, как полагают, согласованного напора² татар с востока, немцев с запада.

Александр и Даниил — «одного деда внуки, Володимеря племя», Мономаховичи; оба они противостояли общим врагам на Западе и на Востоке. Даниил и Александр уже потому только не могли упустить благоприятного момента для совместных усилий, что оба они, по всеобщему признанию, были выдающимися политиками и полководцами своего века.

Широко известно, что по государственному разумению и полководческому даро-

ванию Александр Ярославич превосходит современных ему князей и государей. Это было признано на Западе не только теми, кого бивал неоднократно на полях сражений Невский, но и папой, приславшим к Невскому послов с предложением королевской короны, а на Востоке — Батыем, который сказал об Александре: «Истинно мне поведали, что нету подобного этому князю»³.

Столь же высоко ценили современники и потомки и Даниила Галицкого как полководца и политика. Летописи говорят о Данииле Романовиче в библейских тонах: «Бе бо дерз и храбор, от главы и до ногу его не бе на нём порока»⁴.

Мнение проф. Андрияшева о Данииле⁵ — «Бесспорно, это был великий, гениальный человек», «гигантская фигура» — разделял не только проф. Дашкевич, страстный апологет Даниила, но и Карамзин, Костомаров, Соловьёв. Последний пишет, что Даниил — «самый доблестный, самый благородный из князей русских»⁶.

Целиком разделяют эту оценку академики Лависс и Рамбо. В том же духе высказываются современные советские историки — академик Б. Д. Греков, проф. Н. П. Петровский и др.

В 1238 г. Даниил очистил от вторгшихся немцев Волынь. 17 августа 1245 г. «в мале дружине», не дождавшись помощи от своего союзника и друга польского князя Конрада Мазовецкого и Миндовга, он уничтожил под Ярославом на реке Сан огромную армию мадьяр, осадивших этот русский город.

В 1251—1253 гг. Даниил совершил два изумительных похода, слившихся в одну победоносную кампанию: сначала в Прибалтику, против немцев-меченосцев, затем — в пределы немецкой империи, вдоль реки Одер.

Следует отметить особо, что Даниил первым из русских князей поднял на борьбу против немцев не только польских князей — Болеслава Лешковича и Владислава Казимировича,

¹ Во времена Батыя на Руси уже не было великого князя Киевского, а было два великих князя: Владимирский — Александр Невский и Даниил Галицкий. Киев переходил то к тому, то к другому. См. Голубинский Е. Кирилл III, стр. 2. Сергиев посад. 1894.

² «Почему не тронулись с места ни папа, ни германский император, почему монголы не пошли на Вену, почему между ними и императорскими войсками произошло лишь несколько мелких схваток, точно рассчитанных заранее, причём великий татарский полководец, попавший в плен, оказался... рыцарем Храма, — это загадка, которую мы представляем решать охотнику» (Лависс и Рамбо. Всеобщая история. Т. II, стр. 879). Известно, что советниками и великого хана и Золотой Орды по европейским делам были рыцари-тамплиеры. Известно, что в год вторжения Батыя папа Григорий IX призывал к крестовому походу... на Россию, на Александра.

³ Софийская летопись, стр. 266.

⁴ Ипатьевская летопись под годом 1224, стр. 497. Изд. Академии наук. 1871.

⁵ Андрияшев «Очерк истории Волынской земли», стр. 173. Киев. 1887.

⁶ Соловьёв С. «Даниил Романович, король Галицкий». «Современник» за февраль 1847 г., стр. 119. СПб.

мировича, но и литовских — Тевтивила и Эдвина (Опавский поход 1253 г.)¹.

Польские князья и воеводы просили, чтобы Даниил руководил ими в битвах. «Ты — король, глава всем полкам. Нас не послушают. А ты ведаешь воинский рас-порядок. Многоопытен в битвах... Веди нас», — говорили они ему. Конрад Мазовецкий восхвалял приемы русского боя под руководством Даниила. «Кондрату же любящий русский бой и понужающе Ляхы свои»², — говорится в летописи.

Даниил Романович был одним из образованных и просвещенных среди государей Европы XIII века. Он знал латинский, древнегреческий, немецкий, венгерский, польский, литовский и половецкий языки. Прославленный политик, он хорошо понимал необходимость единства всех славян против татаро-немецкого, двойного напора.

Необходимость славяно-русского единства была осознана ещё предками Даниила. Этим сознанием были проникнуты вся жизнь и деятельность его прабабки Ефросиньи Мстиславовны, внучки Владимира Мономаха, знаменитой королевы венгерской. Она была женой короля Венгрии Гейзы II и прославилась своей прославянской деятельностью³.

Только в свете освободительной славянской западной политики Даниила и можно правильно понять так называемый «австрийский эпизод» в борьбе Даниила с немцами.

¹ Ипатьевская летопись под 1256 годом «Хронология подий Галицко-Волынской летописи, розвідка М. Грушевського» относит этот совместный с поляками поход на немцев к 1253 году

² Ипатьевский список, Галицко-Волынская летопись под 1229 годом.

³ Гейза II глубоко чтит своего шурина Изяслава Мстиславича, князя Волынского и Киевского, даже посвящался ему, именовал его не иначе, как «отец», а это, по традициям междукняжеских отношений того времени, означало, что венгерский король признавал политическое старшинство над собой Изяслава, этого замечательного полководца древней Руси, одного из предков Даниила. При Гейзе II прекратилось насильственное обращение в католичество мадьяр и славян. Известно, что в XII—XIII вв и мадьярские изродные массы ожесточенно сопротивлялись обращению в католичество и проискав чешской партии, окружившей венгерских королей. Так, во время похода короля венгерского Андрея II на Карпатскую Русь в мадьярской армии произошло восстание. Восставшие убили королеву-немку Гертруду, хотели убить короля, истребили всех немецких советников короля. Спаслись немногие, в том числе брат королевы: «А шюран его одва утече, патрарх Авлеский (аквилейский. — А. Ю.); мнози немцы избиты быша» (Ипатьевская летопись под 6718, — 1210 г.). Народ мадьярский со времени Стефана I отчаянно сопротивлялся противославянской и протизорусской политике королей и баронов венгерских, связанных через

Австрия во времена Даниила именовалась также и землей Рагузской — от хорватско-сербского города Рагуза — Дубровник. Земля Рагузская в XIII в. была почти сплошь славянской, но управлялась, вернее угнеталась, немецкой династией Бабенбергов, стремившихся заселить её выходцами из Германии.

Даниил прекрасно понимал, что хорваты, обитавшие на Карпатах, и хорваты адриатического побережья и дунайских земель — одни и те же. Он знал, что венгры, перекочевавшие на Панчонскую равнину из Азии, вклинились между славянами. Ещё в походе Олега на Царьград принимали участие хорваты, подвластные киевскому князю, в 907 году

Земля Рагузская входила в состав комплекса земель и племён, которые у римлян обозначались «Иллириум», а в наших летописях — «Иллирик». «Иллирик (Иллириум) — совокупность земель на Балканском полуострове: Далмация, Босния, Герцеговина, Черногория, части Сербии, Хорватии и Истрии»⁴. Русские вместе с хорватами и сербами с незапамятных времён обитали в Иллирике: «Там, ведь, Иллирик, до которого доходил Павел (апостол)... тут сперва были Словене... А Словенский народ и Русский — один»⁵, — неоднократно и настойчиво повторяет Нестор.

Понятно, почему накануне неминуемой борьбы с Батыем Даниил, напрягая все силы Галицкого и Волынского княжеств, всё же не отказал в помощи королю Венгрии Бэле IV в борьбе против немецкой империи, за «рагузское наследство». При этом Даниил справедливо полагал, что не для того льётся кровь «русичей», чтобы вместо угнетателей-немцев посадить венгерских королей. Поэтому князь Галицкий и поставил условием, что короною Рагузской земли будет коронован отнюдь не Бела IV, а юный сын Даниила — Роман Данилович. Бела подписал договор и, по обычаю, целовал крест на верность своему союзнику Роману. Сын Даниила женился на наследнице Рагузского герцогства и в течение года был герцогом Австрии. Но были двинуты

династические браки с немецким императорским домом и с герцогами немецкой крови. (См. Начальную и Киевскую летописи; Грот К «Из истории Угрии и славянства в XII в. (1141—1173) Варшава 1899, Нил Попов «Мадьярский историк Салай». СПб. 1864, Будилович А «Тысячелетие мадьяр». СПб. 1868; материалы энциклопедий по разделам Венгрия, мадьяры, Стефан, Гейза и т. д. — труды акад В. Г. Васильевского; из историков первой половины XIX в. — труды Надеждина.)

⁴ Древнерусские летописи, стр. 325. Изд. Академии наук. 1936.

⁵ Там же, стр. 16. В подлиннике: «Ту бо есть иллирик, его же доходил апостол Павел... ту бо бяша Словяне перае... А Словенск язык и Руский один...» (Повесть временных лет, Ипатьевский список, стр. 16, изд. Академии наук. 1871).

огромные силы против Романа Даниловича. Бэла вероломно нарушил договор. И первому русскому герцогу Рагузской земли после тяжелой борьбы и осады пришлось оставить замок близ Вены. Отец не мог оказать ему непосредственную помощь, ибо враждебная Венгрия лежала между Рагузской землей и Червоной Карпатской Русью. Тогда-то и последовал знаменитый поход-рейд Даниила в союзе с польскими князьями во владения немецкой империи.

Вполне справедливо было желание Даниила Галицкого восстановить непосредственное соседство с Хорватией и Сербией, нарушенное вторжением мадьяр ещё во времена Святослава Игоревича. Любопытно отметить, что русский князь Даниил в договоре с Батыем о выкупе пленных караймов именуется и королем хорватским.

Политика Даниила на Западе не преследовала захватнических целей. Даниил не присоединил Рагузскую землю, а освободил её Роман Данилович, женившийся на наследнице престола, овдовевшей Гертруде Бабенберг, стал самостоятельным государем освобожденных славянских земель. Политика Даниила на Западе была оборонительно-освободительной «Не подобает держать нашу отчину крестоносцам-тамплиерам! кривичином, Темпличем, рекомым Соломоничем»¹, — провозгласил он и вышвырнул Тевтонский орден из Волыни.

Своей мудрой, миролюбивой политикой Даниил объединил поляков с русскими в борьбе против немцев и татар. Доказательством этого служат совместный поход русских с поляками на немцев в 1253 г. и договор в Тернаве (1262), заключенный после Бурундаева нашествия. В Тернаве между поляками и Даниилом был не только заключен вечный мир и военный союз против всех врагов², но и договор о том, что в случае распри и столкновения между Даниилом и польскими князьями они не будут увозить друг у друга населения.

Стремление к союзу с Русией у сербов и хорватов явственно обозначилось ещё в раннем средневековье. Проф. К. Грот говорит об этом так: «Взоры бана Белуша устремлялись уже на православный славянский восток, на Русь, с которой и при Бэлы (Слепце) были связи»³. Серб, став регентом Венгрии, направлял внутреннюю и внешнюю политику этой державы на сближение с Киевской Русью.

¹ Галицко-Волынская летопись под годом 6743 (т. е. 1235). «Соломоничами» именовали русских тамплиеров, как рыцарей «храма Соломонова».

² См. Галицко-Волынскую и Густыньскую летописи. «Данило з Болеславом, королём польским, вечный мир створиша и крест себе целоваша, обещаюшися един другому единодушно на неприятелей помогати» (Густыньская летопись, стр. 543. Изд. Академии наук. 1843).

³ Грот К., проф. «Из истории Угрии и славянства в XII в. (1141—1173 гг.)».

Даниил Галицкий, готовясь к неизбежной борьбе с татарами и немцами, стремился заручиться поддержкой западных славян, Литвы и даже Рима. Вполне естественно, что в первую очередь он должен был укрепить союз с сильнейшим русским князем и полководцем Александром Ярославичем Невским. Александр также стремился к союзу с Даниилом.

Однако неотступное наблюдение ханов за Александром препятствовало открытому оформлению этого союза. Нужно было найти такие формы сближения, чтобы татары, даже подозревавшие о существовании союза между Карпатско-Волынской, Червенской Русью и Суздальско-Новгородской, не знали о нём назаря. Надо было найти такое посредничество, за которым трудно было бы наблюдать, такого посла, который пользовался бы иммунитетом у татар.

Одной из безопасных форм сближения мог оказаться династический брак. К нему и прибегли князья. Неприкосновенностью же у татар пользовались духовенство и «церковные люди» вообще — «чернецы, попы, игумены и все, кто зрит на владыку». И послом Даниила при Александре, притом послом чрезвычайным и постоянным, стал глава русской церкви, митрополит Кирилл — с юности друг и сподвижник Даниила и, по существу, канцлер его по особо важным внешнеполитическим делам.

II

Пора покончить с распространенными ошибочными взглядами в нашей истории: скон литературе, будто Александр Невский был только данником татар и вся «мудрость» его политики на Востоке состояла в том, что он подавлял повсюду народные восстания против ханов, как несвоевременные, да, «идя по следам отцовским, передавал много золота и серебра в Орду на выкуп пленных»⁴.

Чтобы возить золото и серебро в Орду, особых способностей не требовалось. А победитель Биргера и тевтонов был, как известно всеми, великим политиком и полководцем. Так же, как Даниил Галицкий, Александр был страшен татарам. Стрешен и воинской силой своей и умелой внешней политикой на Западе после разгрома шведов и рыцарей.

Батый, сказавший об Александре, что «нет подобного этому князю», не мог не знать, что такого же мнения об Александре и папа римский Иннокентий III, приславший к Невскому своих послов с предложением ему короны в случае, если Александр пойдёт на унию. Знал Батый, что вскоре после своего разгрома и шведы и рижский магистр умолили Александра о мире: «Что зашла мы мечом, Воть, Лугу, Псков, Летгоду, от того от всего отступаемся», и что Александр даровал им мир. Знал Батый, что в 1245 г. Александр уничтожил войска вторгшихся кунигасов Миндовга у Торопца,

⁴ Соловьёв С. «История» Т. III, стр. 192.

у озера Жизца. Словом, на Западе Александр разделался с врагами надолго. Тыл его был обеспечен и только что одержанными победами и искусной дипломатией. Батый имел полное представление о военной мощи Александра. Когда после смерти отца своего Ярослава Всеволодича Александр прибыл во Владимир «в силе тяжцей», весть о его прибытии быстро разнеслась до устья Волги, и «жёны моавитские» — татарки — пугали детей своих; «Молчи, Александр едет!»¹.

Александр Ярославич не ограничивался выкупом русских пленных у Орды и дипломатией с татарами, он готовился вооружённой рукой свергнуть татарское иго, «иссушавшее и самую душу народную». Его союз с Даниилом был одним из этапов подготовки к решительной борьбе с татарами. Дважды рука Александра управляла восстанием против татар и оба раза успешно.

III

Ещё в 1245 г., когда венгры вторглись в Червоную Русь, Александр помог Даниилу Миндовгу, обещавший помощь русским против венгров, вместо этого вероломно вторгся в пределы Полоцкого и Смоленского княжеств. Но здесь его кунигасов встретил Александр и, что называется, «не оставил и на сечена».

Осенью 1250 г. митрополит всея Руси Кирилл, невзирая на осеннюю распутицу², пределал путь в две тысячи вёрст — от Холма до Владимира на Клязьме.

А зимой того же года по санному пути во Владимир прибыла, надо полагать со свитой и дружиной, всегда сопровождавшей княжескую невесту, дочь князя Даниила Романовича Галицкого, которая стала женой Андрея Ярославича, брата Александра Невского.

«В лето 6758 (1250 г.— А Ю)... то же осени приехал митрополит Кирилл на Суздальскую землю. То же же зимы (и летопись подчеркивает связь событий! — А Ю), оженился князь Ярославич Андрей Даниловичу Романовича... И много веселья бысть»³.

Само собой разумеется, без согласия Александра, который был «в отца место» как старший, такой брак совершаться не мог.

«В лето 6759 (1251 г.— А Ю.) поеха митрополит в Новгород великий ко Александру»⁴.

¹ «Великий князь Александр приде в Володымерь в силе тяжце и бысть грозен приезд его». Софийская летопись. I, стр. 266.

² О путях сообщения древней Руси см. Аристов Н., проф. «Промышленность древней Руси», стр. 238, 239, 240, 241, 242, 1861.

³ См. Лаврентьевскую летопись под указанными годами.

⁴ Там же. Подтверждение этих событий — в Троицкой и в Новгородской. Лаврентьевская летопись, стр. 472—473. Изд. Академии наук СССР 1927.

Непосредственной реакцией татар на попытку объединения двух могущественнейших князей древней Руси было нашествие хана Неврюя на земли Андрея Ярославича. Андрей же, «собрав воинство свое, пошёл прогна их и встречались и начали битися, и была битва великая и одолели татары». Андрей вместе с Даниловичем был вынужден бежать в Швецию.

Далее, следует обратить внимание на порядок развития последующих событий (по Лаврентьевской летописи) сначала бегство Андрея после поражения, потом «ите Александр князь Новгородский Ярославич в Татары» (значит, вовсе «не жаловаться на брата», как это неправильно предположил Татищев и с особенным удовольствием повторил М. Грушевский)⁵ «и отпустиша и (его.— А. Ю.) с честью великою, давшие ему старейшинство во всей братьи его».

Митрополит Кирилл встретил Александра, вернувшегося из Орды, с гражданами у Золотых ворот.

А затем в 1252 г., несмотря на то что регулярное войско, дружина князя Владимиро-Суздальского Андрея Ярославича, было разбито татарами, по всем восточным княжествам, уже в то время, когда на великом княжении Владимирском был сам Александр (это мы подчёркиваем), подымается восстание против татар, и восстание победоносное. Об этом с великой гордостью говорят летописи: «В лето 6760 (1252 г.— А. Ю.) Избави Бог от лютого томления бесурменского люди Ростовския земля: вложи ярость в сердца крестьяном, че терпяше насылиа поганых, изволиша веч (собрали вече.— А. Ю.) и выгнаша из городов, из Ростова, из Володи-

⁵ Нелепая догадка Татищева о том, будто Александр Ярославич, недовольный тем, что Андрей Ярославич сидит во Владимире, а он, Александр, в Новгороде, прибежал к помощи татар в борьбе против брата, не соответствует никаким летописным источникам. Эту нелепицу подхватил известный историк М. Грушевский, который был одержим, как известно, буржуазно-шовинистическими идеями, враждебными единству великой Руси и украинского народа («Очевидно, — гадает Грушевский, — надание Кива юго (Александра.— А. Ю.) завсим не потишичи, й следом вин починае конати пид братом» (!). К сожалению, какое-то верование пытался приять известный Татищев и С. М. Соловьёв. Однако исследования Щербатова, Беляева и др., не говоря уже о летописных известиях, не оставляют за татищевским известием и тени правдоподобия. И. Д. Беляев, исследовав этот вопрос по 12 летописям, нашёл, что «ни одна не обвиняет Александра в наведении татар, другие летописи также ничего не говорят об этом» (см. «Великий князь Александр Ярославич Невский», стр. 19, прим. 48, отдельн. оттиск из «Временника» IV) О таких известиях, которые встречаются только у Татищева, Бестужев-Рюмина писал, что к ним требуется «осторожность в пользовании» («Русская история». Т. I, стр. 212).

мера, из Суждали, из Ярослава»¹. Татары были изгнаны также из Твери, Ярославля-Залесского, Рязани и Пронска. Разве могло бы народное движение одновременно принять такой размах, если бы Александр Ярославич не вдохновлял, не организовал это народное движение, охватившее не только его отчину, но и все восточные княжества в то время, когда он сам находился во Владимире? Совершенно очевидно, что организовал, руководил этим восстанием, и руководил победоносно, — Александр.

И татары вынуждены были стерпеть, притворились, что ничего особенного не произошло. Ханы убрали сборщиков, откупщиков податчи — бесерменов — и даже поручили сбор даней-выходов, «гатарщины», самому Александру. Положение было едва ли не такое же, как и при Иване Калите, целым веком позднее!

Даниил и Александр, гениально учитывая внешнеполитическую ситуацию, выбрали благоприятный момент для координации усилий и для первой «ограбтки» татарам. У Золотой Орды в этот момент хватило сил только на то, чтобы разбить войско Андрея Ярославича и послать против Даниила Галицкого хана Куремсу (в этом же, 1252 г., как теперь считается установленным), но войско хана Куремсы было разбито Даниилом. У татар не хватило военной мощи, чтобы немедленно подавить вооруженной рукой восстание. Пришлось идти на уступки.

Батый уже не имел былого влияния, ибо стал дряхлым (умер в 1255 г.), а между ханами. Берке, братом Багя, Сартаком, сыном Багья, и Тарбоном (Карбоном), зятем Багья, — шла грызня.

Исключительно благоприятно складывалась обстановка в 1250 г. и на Западе Венгры помнили еще свой разгром под Ярославлем, тевтоны и шведы — Неву и Ледовое побоище. В 1250 г. умер Фридрих II Гогенштауфен, незаурядный полководец и политик, объединявший Римско-германскую империю. В Германии сразу появилось несколько самозванцев, выдававших себя за Фридриха. Многие области Германии не знали, кого считать императором. Недаром время с 1250 по 1273 г. (избрание Рудольфа Габсбурга) называется в истории «эпохой великого междуцарствия в Германии».

Тевтоно-ливонский немецкий орден лишится постоянного притока пополнений из Германии. В силу всех этих причин «лагат» Даниила, Кирилла, и поспешил во Владимир на Клязьме уладить сватовство и обвенчать Данииловну и Ярославича.

IV

Таким образом, непосредственным, живым звеном в союзе Александра и Даниила, Карпатской Руси и Северовосточной, был митрополит Кирилл.

О Кирилле у историков нет двух мнений «Кирилл — знаменитый миротворец кня-

зей и друг отечества». Это определение, данное Карамзиным, принято всеми.

Кирилл, родом галичанин, или волинец, почти сверстник Даниила, был другом его с юности. Одни считают его епископом Холмским, другие оспаривают это. Но единодушно мнение о том, что в митрополиты его выдвинули Даниил и Василько². И уже с 1230 г. Кирилл в летописях именуется «митрополит Галицкий, Киевский и всея Руси», хотя на поставлении у патриарха он еще не был.

В 1228 г. Кирилл пытался, хотя и безуспешно, помирить пинских князей с князем Даниилом. «В лето 6736 (1228 г. — А. Ю.) приехал Кирилл митрополит мир сотворить и не смог»³.

Однако Кириллу удалось примирить Даниила с Владимиром Рюриковичем Киевским. В 1230 г. он из Киева поехал в Суздаль и помирил Ярослава Всеволодича с южнорусскими князьями. Дипломатическая деятельность Кирилла не ограничилась переговорами с русскими князьями.

После Ярославской победы Даниила над венграми (17 августа 1245 г.) и почетной встречи, оказанной ему, вопреки ожиданиям, Батыем, король венгерский Бэла IV стал домогаться брака своей дочери с сыном Даниила, в чем прежде, нарушив обещание, отказал. Он воспользовался проездом Кирилла через Венгрию в Никуе, куда посылал его Даниил для поставления в митрополиты, и стал упрашивать Кирилла способствовать браку. «Кирилл митрополит был послан Даниилом и Васильком на поставление на русскую митрополию, и убедил его король словами многими, и дары обещал, говоря: «Проведу тебя в Греки с великою честью, если сотворишь Даниил со мной мир». Он же ответил: «Поклянись клятвю, что не переменяешь слова своего, тогда поеду и приведу его» (Даниила. — А. Ю.)⁴.

С такой уверенностью мог говорить лишь человек, занимавший особое положение при Данииле⁵. Вернувшись из Никуе, Кирилл сказал Даниилу Галицкому: «У тебя есть намеренье — возми же дочь его сыну своему в жены». А брат Василько сказал Даниилу «Иди к нему, потому что и он христианин».

Кирилл сопровождал Даниила и в Изволин, где произошло венчание Льва. Даниил пошел, взяв сына своего Льва и митрополита (Кирилла — А. Ю.), и пришёл к

² Это произошло вслед за тем, как угровесский «пискуп» Асаф «скаочи на стол митрополитч» (см. Галицко-Волинскую летопись под 1223 годом).

³ Галицко-Волинская летопись под 1228 г.

⁴ Галицко-Волинская летопись по Ипатьевскому списку под 1250 годом. Дано в переводе автора (год в Ипатьевской летописи указан неверно, надо — 1245).

⁵ Проф. Е. Голубинский в своей книге «Кирилл III» высказал даже предположение, что Кирилл был поставлен в митрополиты из простых монахов.

¹ Лаврентьевская летопись, стр. 204. 1846.

королю в Изволин и взял дочь его сыну своему в жену»¹.

Кирилл сопровождал Даниила и в то время, когда последнему пришлось скрывать «я от Батая, пославшего двух ханов, чтобы сватить галицкого князя. «Даниил запер Холм (сильнейшую, выстроенную им крепость.— А. Ю.) и поехал к брату своему Васильку, взяв с собою Кирилла Митрополита»². Этот же самый Кирилл и явился как бы «легатом» Даниила Галицкого при Александре Невском. Лучший выбор трудно было сделать. Выдающийся дипломат, преданный отечеству и своему князю, будущи иерархом церкви — к тому же верховным, — Кирилл пользовался нецаркосновенностью у татар. Как митрополит «Галицкий, Киевский и всея Руси», Кирилл мог, по прямым обязанностям своим, объезжать подчиненные ему епархии, т. е. всю тогдашнюю Русь — от Карпат до Волги. И татары должны были примириться с этим.

V

Что представлял собой Андрей Ярославич, зять Даниила и брат Александра? Прежде всего он был доблестным борцом за Русскую землю и против немцев и против татар, верным соратником брата своего Александра в ливонских войнах. Это он, Андрей, во главе понизовых войск взял Псков, когда было убито 70 знатнейших «братьев» Ордена, когда орденских наместников в окопах привели в Новгород. С татарами, как свидетельствует летопись, у него была «битва великая».

К великому хану, в Каракорум, Андрей ездил вместе с Александром Невским.

«Степенная книга» даёт следующую характеристику Андрею, полутно одобрятельно отзываясь о взаимоотношениях братьев: «Великий князь Александр опять поехал в Орду, к новому царю Сартаку. Славный же град Владимир и всю Суздальскую землю поручил брату своему, князю Андрею. Он же (Андрей Ярославич.— А. Ю.), хотя и пренебрежительно благородством и храбростью, но, однако, на управльные державою смотрел, как на междуделье, и предавался охоте на зверей, и внимал советникам младоумным; а от них было многое настроенье, и оскудение в людях и пагуба имению»³. По одному из «Житий Александра Невского»⁴, умирающий Ярослав Всеволодич определяет своего сына Андрея как «спо-

спешного», т. е. помощного, устремляющегося на помощь, споспешествующего. И, действительно, летописи и «Жития Александра Невского» показывают нам Андрея Ярославича всегда и всюду как постоянного соратника его великого брата.

После поражения в битве с татарами Андрей бежал в Швецию, не без ведома Александра, через его вотчину — Переяславль-Залесский и его княжские — Новгород Из летописей мы узнаем, что в 1255 г. Александр великими дарами выхлопотал брату своему прощение и разрешение вернуться на родину. Он встретил Андрея «с великой любовью».

Подводя итог летописным сообщениям, проф. Экземплярский говорит: «В 1256 г. Андрей воротился на Русь и с любовью был принят Александром, который хотел дать ему Суздаль, но не решился этого сделать без воли разгневанного на Андрея хана»⁵. И уже в 1257 г. Александр и Андрей опять вместе, как вместе били тевтонов и ездил вместе в Монголию, едут в Золотую Орду.

Непонятно, как могли некоторые из историков (даже С. М. Соловьёв) поверить догадкам Татищева, который без всяких оснований предположил, будто причиной нашествия Неврюя на землю Суздальскую явилась жалоба Александра на Андрея. Между тем в свете приведённых фактов и их синхронности становится явным, что татары разгадали угрозу, таившуюся в союзе Карпатской Руси и Новгородско-Суздальской, Александра и Даниила, и ответили на это нашествием на зятя Даниила — Андрея — и на самого Даниила. Нашествие Неврюя было особенно опустошительным для отчины Александра (Переяславля-Залесского). Татары пожгли города и сёла, опустошили землю, увели много пленных. Была убита невестка Александра, жена другого брата, Ярослава Ярославича.

Причиной появления версии о ссоре между братьями было невниманье к последовательности событий (1250—1252).

Следует заметить, что когда состоялся брак Андрея Ярославича и Данииловны, то Василько, брат Даниила, был уже женат на двоюродной сестре Александра Невского — Ольге.

Но ещё и до этого свойства между домом Александра и Даниила родство между ними было столь близкой степени, что препятствовало браку Василька Романовича и Ольги Суздальской. По крайней мере, начиная переговоры с Даниилом Галицким, папа Иннокентий IV поспешит особой буллой признать законным брак Василька. Очевидно, со стороны русского духовенства были препятствия к этому браку. Не говоря уже о том, что Александр Невский и Даниил Галицкий оба были Мономаховичи, между ними было следующее родство: одна из дочерей Мстислава Удалого была

¹ Ипатьевская летопись под 1250 г.: «Оттуда же Даниил поиде, поемь сына своего лва и митрополита, иде к королеви во Изволин».

² «Даниил же затворив Холм, еха ко брату си Василькови, поима с собою Кирилла митрополита» (Галицко-Волынская летопись под 1243 годом).

³ Степенная книга. Т. I, стр. 367. Дано в переводе.

⁴ См. Исследование Мансикки под этим наименованием.

⁵ Экземплярский А., проф. «Великие и удельные князья Северной Руси», стр. 27 СПб. 1889.

матерью Александра Невского, а другая Мстиславовна стала женой Даниила. Иначе говоря, мать Александра Невского и жена Даниила Галицкого были родные сестры. Значит, дочь Даниила, выданная замуж за Андрея Ярославича, была со своим женихом в родстве, и очень даже близком: мать жениха была родной сестрой матери невесты. В этой степени родства, по законам русской церкви, брак не допускался. А между тем венчал сам митрополит Кирилл!

За новым браком, ещё более роднившим Александра и Даниила, очевидно, крылась серьёзная побудительная причина политического порядка. Брак Андрея, несомненно, свидетельствовал о политическом сближении Новгородца и Владимира на Клязьме с Галичем. Любопытно, что с того момента, как митрополит Кирилл повенчал Даниловну и Ярославича, летописи отмечают, что он неотступно находился при Александре, как прежде при Данииле. В 1251 г. он был в Новгороде, в 1252—1259 гг. — во Владимире и вообще — в Ростовской земле¹. Кирилл митрополит выступил с Александром Невским даже и в финляндский поход и сопровождал его до Копорья (1256).

Вернёмся, однако, к дальнейшим событиям, которые развернулись после сближения Александра Невского и Даниила Галицкого, после «Неврюевой и Куремсиной рати».

VI

В Орде на смену умершему Сартаку пришёл брат Батые — Берке. Он консолидировал силы всех орд, за исключением персидской орды хана Хулагу. Ханы Большой орды, по существу, были марионетками в руках Берке.

В 1257 г. на Руси была проведена татарями перепись населения. В эту зиму приехали численники и изочли «всею землю Суздальскую и Рязанскую и Мюромскую и ставиша десятники, и сойники, и тысящники, и темники... Толико не чтоша игуменов, черныцев, попов, крилошан»². И поехали в Поволжский улус «князи вси» и «поехаша в татары Александр и Андрей».

Однако это был очередной дипломатический шаг Александра, Даниила и Даниила, освободив себе руки на Западе и мечом и договором, готовились предпринять новую попытку свергнуть татарское иго.

Даниил Галицкий, разгромив венгров под Ярославом 17 августа 1245 г.³, развил исключительную внешнеполитическую активность для того, чтобы обезопасить свой тыл на Западе в предстоящей войне с татарами. Даниил не отклонил в 1246 г. предложения короля венгерского Бэлы IV породниться. В Германии с 1250 г. — смута; тевтоны обессилели. Даниил женит своего сына на дочери Миндовга, а сам, овдовев,

женится на племяннице Миндовга. Однако с Миндовгом приходится быть настороже: он рвется и на юг, и к Смоленску, и к Полоцку. Необходимо было укрепить союз со значимыми литовскими князьями — Викингом, Эдвидом и Тевтивилом. Из многочисленных племянниц литовского самодержца женой Даниила, не случайно, конечно, становится родная сестра Тевтивила и Эдвида — врагиз Миндовга. Сын Миндовга, знаменитый Войшелк, жил «в великой любви» с юным Даниловичем, зятем своим, Шварном⁴.

Однако перешедший из православия в католичество Миндовг продолжал вести переговоры с рижским магистром и вскоре получил королевскую корону от папы Иннокентия IV (1252).

Разбив в 1251—1253 гг. Тевтоно-ливонский орден и победоносно вторгшись на территорию немецкой империи, Даниил перешёл в наступление на татар. В это же время он возобновляет переговоры с папой о крестовом походе против татар.

«Данило же воевал с Куремсою и николда не боялся Куремсы», — говорит Ипатьевская летопись⁵. Татары страшатся Даниила. «Как ты пойдёшь на Галчч? — говорит хан Куремса Изяславу Владимировичу, которого татары хотят поставить вместо Даниила — Данило князь люот! Если отымет у тебя живот, тогда кто тебе поможет?»⁶.

Наконец, заключив с Миндовгом военный союз, Даниил разгромил ханов и погнал их к Киеву. «И прислал Миндовг к Даниилу: «Пришло к тебе Романа и Новгородцев (из Новгородца), лишь бы ты шёл ко Возвяглю, оттуда и к Киеву», и назначили соединиться в Возвягле»⁷. Однако Миндовг вместо договорённой помощи предательски ударил в тылы Даниила. Блистательно начатый поход был сорван.

Александр тоже готовился к свержению татарского ига. В Новгороде находились посольства и «гости» — купцы из Швеции и из Риги — для подписания мирного и торгового договоров.

В 1258 г. разгневанный Берке смещает Куремсу, и вскоре «злой и нечестивый» Бурундай идёт со множеством полков своих на Литву. Миндовг потратился за своё вероломство! Даниилу Бурундай предъявил ультиматум: «Или ты — мирник или воин!» Князю Галицкому снова пришлось сменить меч на дипломатию. Бурундай получил задание вызвать Даниила для переговоров и схватить его, но самоотверженный Василько едет к Бурундаю вместо брата

⁴ После смерти Миндовга его сын Войшелк передал великое княжение Литвы сыну Даниила, своему зятю Шварну Даниловичу.

⁵ Галицко-Волынская летопись под 1260 годом.

⁶ Там же, под 1255 годом.

⁷ Там же, под 1258 г. (в переводе). Подлинник. «Присла Миндовг к Данилу: «Пришло к тебе Романа и Новгородца, абы пошёл ко Возвяглю, оттуда и к Киеву»; и сече срок во Възвягле».

¹ Надо полагать, что Кирилл бывал с Невским и в Орде, ибо в 1262 г. там была учреждена русская епархия.

² Лаврентьевская летопись, стр. 203.

³ Кстати, в учебнике русской истории под редакцией А. Пачкратовой указана неправильно дата Ярославской победы — 1249 год.

Таким же Васильком для Александра был и Андрей Ярославич, когда Суздальская земля сделала попытку в 1252 г. свергнуть татарское иго.

На обратном пути из Литвы, проходя земли «мирника», Бурундай потребовал от Даниила срыть крепости. Пришлось принять ультиматум, ибо татарская многосоттысячная армия была уже внутри страны. Силы противников были несоизмеримы. Однако Даниилу удалось сохранить сильнейшую из выстроенных им крепостей — Холм. Несмотря на это ослушание, татары не решились на войну против Даниила.

Тем временем Александр Ярославич окончательно переносит свою резиденцию из Новгорода во Владимир-Суздальский. В 1258—1259 гг. он «поеха с честью в свою отчину», затем ненадолго — опять в Новгород и снова — в землю Ростовско-Суздальскую: «поеха в Володимерь»¹.

Это похоже на «инспектирование» всех своих земель перед какими-то важными событиями. И всё это делается с благословения митрополита Кирилла (Галицкого). Вся поездка, по свидетельству летописи, исполнена какой-то особой, суровой торжественности: Александр поклоняется праху своих предков, принимает благословение Кирилла. В древней Руси так готовились князья к битве.

И действительно, ещё в бытность Александра в Ростовско-Суздальской земле снова, как десять лет назад, по всем восточным княжествам подымается согласованное, одновременное восстание народа против татар — событие, всё ещё не достаточно оценённое, особенно во взаимосвязи со сближением Даниила и Александра, Карпатской и Великой Руси.

«В лето 6770 (1262 г.—А. Ю.) изгнали поганых из всех городов, не стерпев насилия их... выгнали из Ростова, из Володимеря, из Суждаля, из Ярославля»². А татар было много: и десятники, и сотники, и тысячники, и десяти тысячники были поставлены ханом Берке в 1257 году.

И опять-таки в этом видна направляющая рука Александра Ярославича. И весьма знаменательно, что по градам и весям от имени и самого Невского читались грамоты, «что татар бити»³. И восстание 1262 г. снова «сопадает» с весьма благоприятной для него ситуацией, сложившейся в Орде. Даже и теперь, через семьсот лет, нетрудно заметить, что внешнеполитическая обстановка снова позволяла добиться, как и в 1252 г., большой «ослабы» в татарском давлении на Русь.

Следующие обстоятельства способствовали восстанию 1262 г.: 1) армия Бурундая—

отборная и многочисленная — находилась ещё на Западе, и Даниил Галицкий, избегнув войны и сохранив крепость Холм, по-прежнему не был покорён. И если принять здесь для Бурундая 1261 год по Ипатьевской летописи, а не 1260 год по «Хронологии» Грушевского, то получается опять полное совпадение⁴. Так или иначе, выходит, что Александр снова поддержал Данила. Выступления их против татар опять совпадают; 2) «рижанск» и шведы в это время добились от Александра мира, и в 1263 г. был уже подписан торговый договор; 3) и именно в 1262 г., который был годом победоносного восстания в землях Александра, борьба между Золотой Ордой и Персидской, между ханом Берке и ханом Хулагу, перешла в открытую войну.

Об этой междоусобной войне среди татар галицкий летописец под 1266 г. гъзъриг: «Бысть мятежь велик в самах Татарых: избиша сами промежи собою безчисленное множество акъ песок морьскы».

Автор «Хронологии галицко-волинских событий», ссылаясь на Галицкую летопись, пишет: «Летописец, очевидно, разумеет тут который-то из эпизодов борьбы Берке с Хулагу, которая тянулась в годы 1262—1266»⁵.

Второй раз мы видим Александра Невского как гениального политика и вождя!

И о Данииле летописные данные⁶ позволяют утверждать, что несмотря на срытие крепостей Даниил не прекратил упорной борьбы против татар. Не теряя времени, он в том же году (1261—1262) созвал съезд подвластных ему князей русских совместно с польскими князьями в Тернаве и заключил военный союз против всех врагов.

Александр Невскому восстание 1262 г. было вменено в тяжкую вину Берке-ханом. Когда Александр приехал в Орду, его там, по существу, арестовали (летопись прямо говорит об этом) и продержали шесть месяцев (по «Житию»), а по другим источникам, — около года). Затем, сделав вид, что удовлетворились, наконец, его объяснениями, повидимому... отравили.

«В лето 1262 г.—повествуеет I Новгородская летопись,— пошёл князь Олександр в Татары и задержал его Берка, не пустил в Русь, и зимовал (Александр.—А. Ю.) в Татарых и разболелся».

Полная аналогия со смертью отца его Ярослава, которого, по всеобщему свидетельству летописей и папского легата Карини, бывшего в Большой Орде вместе с Ярославом Всеволодичем, и, по мнению всех историков, отравила, угощая вином, старая ханша Туракина.

¹ Лаврентьевская летопись, стр. 475—476. Изд. АН СССР.

² Лаврентьевская летопись и продолжение Суздальской под 1262 годом.

³ Карамзин Н. «История государства российского». Т. IV, примечание на стр. 63.

⁴ Польские источники дату похода Бурундая переносят позднее, чем Грушевский.

⁵ «Хронология подій Галицко-Волинської літописи». Записка наукового товариства імені Шевченка. Кн. III, стр. 45. 1901.

⁶ Ипатьевская летопись, Густынская.

«Злобе бо их и лести несть конца: Ярослава, великого князя Суздальского зельнем умориша»¹, — говорит галицкий летописец. О насильственной, «нужной», смерти отца Александра Невского, Ярослава Всеволодича, говорится и в продолжении Суздальской летописи: «Того же лета преставися Ярослав в Татарех нужною смертию» (30 сентября 1246 г.)².

Иоанн де Плано Карпини, посланный к татарам, пишет об этом отравлении так: «В это время умер Ярослав, великий герцог Солдаль, которое Герцогство находится в Руссии. Мать императора, как будто оказывая ему честь, позвала его к себе и подчивала из своих фруктов; возвратясь же к себе в ставку тотчас занемог и умер в седьмой день, и все тело его удивительным образом посинело»³.

Тогда же, как сообщает папский легат, уже была предпринята попытка отравить и Александра Невского. «Мать императора без ведома бывших там его людей поспешно отправил гонца в Руссию к его (Ярослава.—А. Ю.) сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что, если он явится, она умертвит его, или даже подвергнет вечному плену»⁴.

Из летописи мы знаем, что Ярославу в Большой Орде пришлось принять великое

«томление» (мучение, истязание)⁵, так же как сыну его Александру у Берке.

Если юный Александр в год умерщвления Ярослава в Монголии, еще ничем себя против татар не проявивший, был уже для них страшен, если в далеком Каракоруме от него уже тогда задумали избавиться при помощи яда, тем более это становится вероятным, когда в 1263 г. он был задержан в Орде сразу после большого народного восстания в его княжествах и по поводу этого восстания. На этот раз нельзя было сослаться на Андрея Ярославича и на то, что он сам в это время, дескать, был у татар.

В 1262 г. Александр занимал великокняжеский владимирский стол и лично находился во Владимире.

Умер Александр Невский в расцвете своих сил и мощи духовной, 43 лет от роду. Во всех редакциях «Жития» говорится, что силою он был Самсон. Кончина его последовала через несколько дней по выезде из Орды (так же, как отца его Ярослава). «В лето 1263. Пришёл князь Александр из Татар сильно больной, осенью, и пришёл в Городец (недалеко от Орды.—А. Ю.) и 14 ноября.. той же ночи и скончался». Смерть была весьма мучительной. Александр просил, чтобы дружина не смотрела на него.

Всего на один год пережили Александра Даниил Галицкий и Андрей Ярославич.

После смерти Невского в обход законных прав Андрея Ярославича татары выдали ярлык на великое княжение младшему брату Ярославу Ярославичу. Ханы боялись вверить великое княжение «споспешнику» Александра, зятю Даниила Галицкого, человеку, уже рискнувшему однажды вступить в открытый бой с татарской силою.

¹ Ипатьевская летопись под 1250 годом.

² Воскресенская летопись, стр. 156; Софийская летопись. Т. I, стр. 263.

³ Плано Карпини «Путешествие к татарам». перевод Языкова

⁴ См. Новгородская I, Софийская I летописи и «Жития Александра».

⁵ См. «Материалы для словаря древнерусского языка» акад. И. И. Срезневского.

«ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК»

А. Грунт

История возникновения и деятельности «прогрессивного блока» — это история взаимоотношений русской буржуазии и царизма в годы первой империалистической войны; история контрреволюционной деятельности русской буржуазии, её тщетных попыток добиться соглашения и получить власть из рук самодержавия, её отчаянной борьбы против назревавшей революции. «Прогрессивный блок» явился центром, вокруг которого объединялись различные буржуазные и дворянские организации, возникшие в годы первой мировой войны. Через «прогрессивный блок» в Государственной думе русская либеральная буржуазия предъявляла свои требования самодержавию и добивалась раздела с ним власти. Либерально-монархическая буржуазия считала, что она сумеет без коренной ломки государственного аппарата ликвидировать развал хозяйственной жизни страны, выявившийся с первых месяцев войны, и организовать отпор немецким армиям. Но это была попытка с негодными средствами. Дальнейшие события показали, что буржуазия, ставшая на путь контрреволюции, не была способна выполнить эти задачи.

I

Начало первой мировой войны вызвало «патриотический» подъём среди буржуазии. Заинтересованная в войне, она встретила её восторженно. На торжественном заседании Государственной думы 26 июля 1914 г.¹ представители буржуазных партий заявили о полной и безоговорочной поддержке правительства. После февральской революции 1917 г. в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии лидер кадетов П. Н. Милюков говорил: «Как известно, несмотря на разницу во взглядах на внешнюю политику и на способы борьбы во внутренней политике мы при начале войны совершенно определённо стали на точку зрения поддержки правительства и именно таким образом реагировали на заседании 26 июля, создав атмосферу общего единодушия. Нельзя сказать, чтобы мы рассчитывали, что правительство станет на нашу точку зрения; мы просто давали ему возможность объединить все классы и национальности»². Однако эту возможность правительство не использовало.

Неспособность царского правительства продолжать войну, выявившаяся в связи с поражениями русских армий весной и летом 1915 г., заставила буржуазию забыть тревогу: патриотический подъём сменился «патристической» тревогой. Буржуазия требовала досрочного созыва Государственной думы и создания «правительства доверия», которое смогло бы более успешно вести войну и оздоровить внутреннюю обстановку. Однако буржуазия не хотела никаких радикальных перемен, «правительство доверия» понималось лишь как замена наиболее реакционных министров популярными в буржуазных кругах политическими деятелями.

Правительство, напуганное катастрофическим положением на фронте и бурным ростом революционного движения в стране, вынуждено было пойти на некоторые уступки буржуазии. Весной 1915 г. были созданы военнопромышленные комитеты. Земскому и городскому союзам была предоставлена большая свобода действий. Четыре министра: военный министр Сухомлинов, внутренних дел Маклаков, юстиции Шегловитов и обер-прокурор святейшего синода Саблер, — имена которых вызывали всеобщую ненависть, — вышли из состава правительства. Созыв Государственной думы был назначен досрочно.

19 июля 1915 г., в день первой годовщины войны, открылась IV сессия Государственной думы. Дума собралась в обстановке продолжавшихся поражений России на фронте и бурного роста стачечного движения в стране. Либеральная буржуазия не была удовлетворена переменами, произведёнными в составе совета министров. Трое из новых министров: внутренних дел Н. Б. Шербаков, обер-прокурор синода А. А. Самарин и юстиции А. А. Хвостов — принадлежали к числу монархистов, реакционно настроенных деятелей, ждая от них решительного изменения правительственного курса не приходилось. Только новый военный министр А. А. Поливанов удовлетворял запросам думских кругов, и его назначение связывалось с надеждами на коренную перестройку работы военного министерства. Во главе правительства оставался крайний реакционер И. Л. Горемыкин, с которым Дума не могла установить контакт.

Намерение правительства продолжать старую линию внутренней политики выявилось в первый же день заседаний Государственной думы. Председатель совета министров Горемыкин, стараясь сохранить некоторую

¹ Даты везде даны по старому стилю.

² «Падение царского режима». Показания Милюкова. Т. VI, стр. 307. ГИЗ. 1926.

видимость единства между правительством и Государственной думой, заявил в декларации, что правительство намерено действовать «в полном единomyслии с законодательными учреждениями». Однако это были лишь слова. Он отказался сказать что-либо конкретное по вопросу общей политики, мотивируя это тем, что «для программных речей по общей политике теперь, по нашему убеждению, не время»¹. Это заявление главы правительства и стремление ограничить деятельность Думы определили характер сессии как оппозиционный². Намечилось несколько основных групп депутатов, по-разному отнесшихся к декларации правительства. Крайние правые, полностью поддерживая правительство и отказываясь от какой бы то ни было критики его действий, устами своего лидера Маркова 2-го заявили, что сейчас не время сводить счеты с правительством, что в дни войны не может стоять вопрос о каких-либо крупных реформах, касающихся изменения структуры власти и её политики³. Иным был тон выступления графа Бобринского, представителя фракции националистов, тоже занимавшей места на правом крыле. Предлагая формулу перехода от имени националистов, групп центра и земцев-октябристов, граф Бобринский заявил, что «привести к скорой победе может лишь тесное единение со всей страной правительства, пользующегося полным её доверием»⁴. Более радикально выступил прогрессист И. Н. Ефремов, требуя от имени своей фракции созачия «ответственного министерства». «Для успешного завершения гражданской борьбы,— заявил он,— нам необходима сильная власть, а таковой может быть только власть, пользующаяся доверием народа. Отечество в опасности. Цепляться за власть или самокорыстно ее домогаться теперь одинаково преступно. Долг и стремление Государственной думы в это тяжёлое время — поддержать власть всем своим авторитетом, разделить с ней всю ответственность. Но ведь это возможно только в том случае, если правительство открыто признает авторитет Думы и заявит о своей готовности подчиниться её контролю и руководству, признать свою ответственность перед народным представительством»⁵.

Фракция кадетов не поддержала прогрессистов и присоединилась к формуле, предложенной националистами. Милюков подчеркнул, что хотя создание ответственного министерства и является программным требованием кадетской партии, но в данный момент, когда нужно единство, фракция отказывается от поддержки этого требования. Две основные причины заставили кадетов отказаться от лозунга «ответственного ми-

нистерства» в пользу «министерства доверия». Это — прежде всего стремление к компромиссу с правительством перед лицом революционного взрыва, грозным предвестником которого были волна стачек среди петроградских металлистов в июне 1915 г., забастовка костромских ткачей, политическая стачка иваново-вознесенских текстильщиков и др., а затем желание объединить большинство Думы с целью оказать некоторое давление на правительство, не желавшее идти на уступки. Громадным большинством, без всяких поправок, Дума приняла формулу перехода, предложенную националистами. Это объединение думского большинства вокруг требований «правительства доверия» можно считать первым признаком объединения думских фракций в «прогрессивный блок». Кадетская газета «Речь» комментировала его как огромный успех в деле объединения страны⁶.

Противоправительственные выступления представителей оппозиции и их стремление придать сессии длительный характер вызвали противодействие со стороны реакционно-монархических кругов. Уже в первые дни работы Думы черноботенная «Земщина» выступала с требованием роспуска Думы⁷. Правые начали осуществлять роспуск Думы явочным порядком. Один за другим они разъезжались в отпуск, мотивируя свой отъезд «домашними обстоятельствами». 6 августа кадетская «Речь», а за ней «Утро России» Рябушинского опубликовали имена 37 правых и националистов, 26 членов центра и октябристов, 11 беспартийных и 6 представителей оппозиции, взявших отпуска в течение одной недели⁸. Эта мера приостановила разъезд, но выступления правых против длительной сессии не прекратились.

На заседаниях совета старейшин 5 и 6 августа Милюков от имени своей фракции поставил на обсуждение вопрос о программе работ Государственной думы и характере её деятельности. Выявились две основные точки зрения. Правые и центр в лице С. Левашова и П. Крупенского считали, что Дума обязана ограничиться лишь обсуждением законопроектов правительства и по принятии их должна быть немедленно распущена. Октябристы, прогрессисты и кадеты выдвинули два основных положения: во-первых, необходимость «организации» страны при посредстве думского законодательства, а, во-вторых, длительность сессии, чтобы Государственная дума могла заняться вопросами управления страной во всём её объёме. Милюков в «Ежегоднике «Речи» писал, что заседание совета старейшин можно считать моментом зарождения идеи о «прогрессивном блоке». Заседание совета старейшин 6 августа 1915 г. действительно явилось начальным моментом в организации данного, октябристско-кадетского блока. Однако лидер кадетов умалчивал о том, что идея такого блока была далеко не нова, и в кадетской парламентской практике много-

¹ Государственная дума четвёртого созыва 4-я сессия. Стенограммы, стр. 9. Пгтр 1915.

² «Падение царского режима». Показания Милюкова Т. VI, стр. 314.

³ Государственная дума четвёртого созыва. 4-я сессия. Стенограммы, стр. 47.

⁴ Там же, стр. 72.

⁵ Там же, стр. 90—91.

⁶ «Речь» от 21 июля 1915 года.

⁷ «Земщина» от 28 июля 1915 года.

⁸ См «Речь» от 6 августа 1915 г.; «Утро России» от 7 августа 1915 года.

кратно были совместные голосования и выступления с октябристами. Сам Милюков в статье «Политические партии за пять лет Третьей думы» признавал, что «октябристы неоднократно шли об руку с оппозицией, составляя новое большинство»¹. Факты из истории III Государственной думы «доказывают для всякого, кто скольконибудь считает с исторической действительностью, что октябристы и кадеты — два фланга одного класса, два фланга буржуазного центра, колеблющегося между правительством и помещиками, с одной стороны, демократией (рабочими и крестьянством), с другой»².

Избирательная тактика кадетов на выборах в IV Государственную думу ещё ярче отразила их стремление к блоку с октябристами и прогрессистами и окончательное отделение от демократии. «Блок кадетов с «прогрессистами» в настоящее время, на выборах в IV Думу, — писал Ленин, — дал ещё новое подтверждение глубокой контр-революционности кадетов»³.

Таким образом, блок лета 1915 г. не являлся чем-то новым в политической практике буржуазных партий, а был показателем того, что в критические для буржуазии моменты ее стремление к объединению («забудем партийные распри») растет и закрепляется в организационные формы, в виде «прогрессивного блока».

Первоначально рамки возможного объединения ограничивались справа земцами-октябристами и слева — кадетами. В дальнейшем эти рамки раздвинулись вправо, захватив группу «центра» и группу прогрессивных националистов, выделившихся из «русской национальной фракции». Крайние правые не примкнули к намечавшемуся блоку, потому что они представляли наиболее реакционную часть русского дворянства, для которого всякая реформа в буржуазном духе была покушением на его права. Трудовики и социал-демократы (меньшевики), отказавшиеся от формального участия в объединении потому, что считали требования центральных фракций слишком узкими, тем не менее обещали им всяческую поддержку.

11 августа состоялось совещание представителей фракций Государственной думы и Государственного совета. На совещании присутствовал почти весь состав будущего бюро «прогрессивного блока» — кадеты П. Милюков, А. Шингарёв, прогрессист И. Ефремов, октябрист С. Шидловский, член группы центра П. Крупенский, члены Государственного совета В. Гурко, Д. Олсуфьев, Д. Гримм и др.⁴ На этом совещании обсуждались вопросы, которые впоследствии легли в основу декларации блока.

В ходе обсуждения выявились две точки зрения на характер деятельности нового объединения. Одна, наиболее умеренная группа, представленная Милюковым, Кру-

пенским и Олсуфьевым, считала, что первым шагом объединенных фракций должна быть выработка программы очередного законодательства, которую следует предложить существующему правительству. Необходимо попытаться договориться с правительством, убедить его в необходимости проведения ряда реформ, без которых невозможны победа и сохранение существующего строя и неизбежен революционный взрыв. Необходимо дать массам подачку в виде чешковских либеральных законов и тем самым предотвратить назревающую бурю.

Другая, более радикально настроенная группа в лице депутата Думы Ефремова и члена Государственного совета Гурко заявляла, что нужно начинать не с программы, а со смены министерства в целом, так как «при этом составе правительства нельзя говорить не только о победе, но и о длительном спокойствии»⁵.

Участники совещания согласились на решении погребовать смены правительства и выработать определенную программу.

Одновременно с тем, как в Думе складывался блок и шли споры о программе, московские буржуазно-либеральные группы выступили с открытым требованием смены правительства. В середине августа в Москве, на квартире известного промышленника-мануфактуриста, прогрессиста А. И. Коновалова, было созвано совещание, на котором обсуждался вопрос о неспособности существующего правительства вывести страну из тяжелого положения. Однако и здесь «ответственное министерство» было подменено «министерством доверия». Таким образом, даже в частных совещаниях буржуазия не шла дальше требования «министерства доверия». Она боялась не столько правительственных репрессий, сколько возмущения народных масс. Выступавший на совещании у Коновалова В. Маклаков призвал вести борьбу «не только с верхами, но и с низами»⁶. Рост революционного кризиса пугал фрондирующую буржуазию и заставлял ее все время оглядываться назад, на правительство. Она надеялась на то, что в случае выступления народных масс правительство сумеет подавить революцию. Подобное же совещание состоялось у председателя московского биржевого комитета П. Рябчинского.

Московская пресса, не так скованная цензурой, как петроградская, выступила с персональным списком кабинета, удобного буржуазии⁷. На пост премьера намечался М. Родзянко, министром внутренних дел — А. Гучков, министром иностранных дел — П. Милюков и т. д. На следующий день, 14 августа, в газете «Утро России» появился новый список, в котором в качестве премьера фигурировал уже А. Гучков, а министра внутренних дел — Г. Е. Львов. Газета писала в передовой, что «кабинет, во главе

¹ Ежегодник «Речи» за 1912 г., стр. 83.

² Ленин. Соч. Т. XV, стр. 407.

³ Там же, стр. 485.

⁴ См. «Красный архив» № 1—2 (50—51) за 1932 г., стр. 122 сл.

⁵ Там же, стр. 125.

⁶ «Биржевые ведомости» от 13 августа 1915 года.

⁷ «Утро России» от 13 августа 1915 года.

которого попрежнему пребывает весьма заслуженный, но и весьма престарелый И. Горемыкин, ником образом, несмотря даже на назначение 4—5 новых членов, не может считаться обновлённым»¹.

18 августа собралась Московская городская дума для обсуждения вопросов, связанных со снабжением армии. Сопещание прошло под руководством кадетской фракции; принятая резолюция полностью отразила кадетские лозунги. Резолюция требовала создания правительства, «сильного доверием общества и единодушного, во главе которого должно стоять лицо, которому верит страна»². К резолюции Московской городской думы стали присоединяться другие городские думы, причём часто они даже не обсуждали и не оглашали московскую резолюцию. Движение не выходило за узкий круг буржуазии, связанной с городским самоуправлением³. И всё же резолюция, принятая в Москве, встретила известный отклик в буржуазных кругах. Московский городской голова М. Челноков получил ряд писем и телеграмм с приветствием по поводу выступления Москвы⁴. Союзные дипломаты придавали большое значение движению буржуазии, развернувшемуся в Москве. Французский посол М. Палеолог записал в своём дневнике: «Это воззвание к государю о немедленном установлении ответственного министерства тем более знаменательно, что исходит из Москвы, из священного города, очага русского национализма»⁵. С резолюцией, требующей «правительства доверия», выступила и Петроградская городская дума⁶. Резолюции различных буржуазных организаций, требовавшие создания «правительства доверия», подхлестнули их думских представителей, придав определённое направление и темп переговорам между лидерами фракций.

В то время, когда в Москве выносились резолюции с требованием образовать правительство, «использующее доверие страны», а в Петрограде шли ожесточённые споры между лидерами буржуазных фракций Государственной думы о программе будущего блока, дворцовая камарилья готовила удар по буржуазии.

Первым признаком реакционного поворота была замена великого князя Николая Николаевича Николаем II на посту верховного главнокомандующего. Причина такой замены заключалась в желании реакционной германфильской группы во главе с императрицей Александрой Фёдоровной взять в свои руки управление страной и заключить сепаратный мир с Германией. Алек-

сандра Фёдоровна и германфильская группа надеялись таким шагом ликвидировать Ставку как возможный центр, на который могла опереться либеральная буржуазия в своих политических домогательствах. Почти весь совет министров, за исключением его главы Горемыкина и министра юстиции Хвостова, был против вступления Николая II на пост верховного главнокомандующего. Прения по этому вопросу в совете министров приняли характер обсуждения политики правительства вообще. Обер-прокурор святейшего синода, Самарин, обращаясь к Горемыкину, говорил: «Несомненно, у нас с вами коренное расхождение взглядов. Вы видите в общем голосе страны одно желание создать оппозицию государю императору ради политических достижений, а мы считаем, что в этом голосе проявляется здоровое, правильное чувство, навеянное тревогой за родину»⁷. Восемь министров во главе с Кривошеиным, Сазоновым и Щербатовым в своём письме к Николаю умоляли его отказаться от принятого решения⁸. Робкая оппозиция большей части кабинета министров не имела успеха, и 23 августа было официально объявлено о вступлении Николая II на пост верховного главнокомандующего.

За несколько дней до этого события 14 и 15 августа 1915 г. состоялись два совещания, посвящённых выработке программы блока. На них присутствовали представители думских фракций, вошедших затем в блок, и представители трёх фракций Государственного совета — центра, академической группы и внепартийных. Кадеты предложили совещанию набросок программы блока, разработанный Миллюковым, под названием «Программа министерства общественного доверия (минимум условий, необходимых для восстановления доверия страны к власти)»⁹.

Проект программы делился на две основные части. В первую часть входили требования амнистии за политические и религиозные преступления, изменения приёмов управления, мер в области национальной (еврейский, польский и украинский вопросы) и в области вероисповедной политики. Вторая часть включала в себя часть законопроекты, выдвинутые ещё III Государственной думой, но проваленные в Государственном совете (о волостном земстве, об отмене почтовых служащих), частью законопроекты, предложенные правительством (о увеличении содержания почтово-телеграфным служащим), и, наконец, несколько новых законопроектов частного характера (введение земства на окраинах, о кооперации, переход из одного вероисповедания в другое). В конце проекта были «меры для поддержания социального мира» — требования восстановления профсоюзов и рабочей

¹ «Утро России» от 15 августа 1915 года.

² «Утро России» от 19 августа 1915 года.

³ «Северные записки» № 9 за 1915 г., стр. 194—201.

⁴ «Речь» от 26 августа 1915 года.

⁵ Палеолог М. «Царская Россия во время мировой войны», стр. 272. М. и П. 1923. Говоря об «ответственном министерстве», французский дипломат ошибается, не даваясь в тонкости кадетской терминологии.

⁶ «Речь» от 27 августа 1915 года.

⁷ Секретные заседания совета министров 15 июля — 2 сентября 1915 года. Архив русской революции. Т. XVI, стр. 93.

⁸ Сазонов С. Воспоминания, стр. 364—365. Берлин. 1927.

⁹ «Красный архив» № 1—2 (50—51) за 1932 г., стр. 158—159.

печати, прекращения преследований рабочих представителей в больничных кассах. Вторая часть программы не встретила почти никаких возражений со стороны участников совещания. Весьма точно выразил отношение к ней кадет Савенко: «Дайте нам это как оружие, чтобы вести за собой массы»¹. Зато первая часть программы вызвала горячие дебаты.

Обсуждение проекта программы началось с вопроса об амнистии. Требование освобождения думских депутатов-большевиков испугало представителей Государственного совета и правой части Государственной думы, и они так смягчили предложенную формулу, что пункт об амнистии принял вид верноподданнического пожелания.

Наиболее оживлённые прения разгорелись по еврейскому вопросу. Сформулированное в проекте требование отмены черты оседлости и процентной нормы в учебных заведениях, восстановления еврейской печати даже не обсуждалось. Были предложены компромиссная формула «вступление на путь отмены ограничительных в отношении евреев законов» и пожелание «потихоньку указать правительству, а не открыто»². Бобринский прямо заявил, что он не может от имени прогрессивных националистов подписать этот пункт. Ещё не оформившийся блок готов был развалиться, и только заявление Милюкова о том, что в случае отказа прогрессивных националистов от некоторых уступок чем-нибудь произойдёт раскол блока, спасло положение. Ни к чему не обязывающий пункт о «вступлении на путь» отмены ограничений для евреев был принят. В финляндском вопросе конкретное требование отставки крайнего реакционера, генерал-губернатора Финляндии Зайна было заменено общим пожеланием перемены «в составе администрации и сената»³.

В этих, казалось бы, небольших изменениях сквозит ориентация блока на его правое, шовинистическое, националистско-октябристское крыло, не желавшее отступить от своей реакционной национальной программы. Кадеты, выдвигавшие на словах более решительные требования в национальном вопросе, чем националисты и октябристы, в действительности проповедовали ту же программу угнетения малых национальностей, отличаясь «только белыми перчатками, да более дипломатически осторожными оборотами»⁴.

«Меры» для поддержания социального мира», — восстановление профсоюзов и рабочей печати, прекращение преследований рабочих представителей в больничных кассах по подозрению в принадлежности к нелегальной партии, — были приняты без обсуждения. Даже зубрам из Государственного совета было ясно, что подобная «программа» по рабочему вопросу ни в какой степени не затрагивает их прав, но что же

время придаёт некоторую «лародность» программе блока.

Во вторую часть программы блока были добавлены некоторые законопроекты: об утверждении трезвости, о земских и городских союзах, устав о ревизиях и т. д., — словом, сюда была включена вся программа работ Думы, предложенная кадетами на совещании совета старейшин в начале августа.

Но все разговоры о законодательной программе явились лишь второстепенным моментом. Основным был вопрос о существующем правительстве. Лейтмотивом деятельности «прогрессивного блока», начиная с первых дней его существования, было стремление к компромиссу с правительством. Это была в полном смысле слова «оппозиция его величества», трусливая и бессильная.

Правительство, со своей стороны, сделало попытку расколоть блок. 15 августа Горемыкин пригласил к себе представителей правого крыла блока — прогрессивных националистов и октябристов — В. Шульгина, С. Шидловского, В. Н. Львова и др. с целью попытаться создать в Думе правооктябристское большинство, удобное правительству. Подобная комбинация включала бы всё правое крыло Думы, начиная от сторонников Маркова 2-го и кончая октябристами, при полной изоляции прогрессивистов и кадетов. Горемыкин предложил ликвидировать только что созданное объединение и стать на путь безоговорочной поддержки правительства, т. е. поддержки существующей реакционной политики и полного отказа от выполнения всех требований буржуазии. Но подобное предложение не устраивало даже правое крыло блока. Приглашённые ответили, что они связаны переговорами, которые ещё продолжаются, и что только представители всех фракций, входящих в намечающийся блок, могут вести переговоры с правительством. Такая позиция членов блока свидетельствовала о желании вести переговоры и соглашаться на взаимные уступки. С этого времени в правительстве усилилась внутренняя борьба, в частности, по вопросу об отношении к блоку. Большинство совета министров в лице Кривошеина, Поливанова, Сазонова, Щербатова считало необходимым пойти на соглашение с блоком. Оно высказалось за продолжение деятельности Государственной Думы. Горемыкин же, при поддержке Николая II и его окружения, высказался решительно против соглашения с блоком, за применение к Думе самых крутых мер, вплоть до её разгона⁵.

22 августа члены блока вновь собрались на совещание, чтобы обсудить результаты опроса фракций и подписать, наконец, формальное соглашение.

В. Н. Львов от имени фракции центра заявил, что фракция согласна подписать программу при условии, «чтобы программа не

¹ «Красный архив» № 1—2 (50—51) за 1932 г., стр. 133.

² Там же, стр. 135.

³ Там же.

⁴ Ленин и Соч. Т. XVI, стр. 176.

⁵ Показания Милюкова. Т. VI, стр. 315.

носила ультимативного характера правительство, а только пожелания»¹. Кроме того фракция протестовала против оглашения программы в печати из боязни, чтобы она не выглядела как декларация. Львов заявил, что, по мнению фракции, программа существует «для предъявления правительству на предмет соглашения»².

Представители Государственного совета отказались подписать программу. Кадеты высказались за ультимативный характер программы. «Мы должны сказать правительству, — заявил Шингарёв, — и это должно быть ультиматумом, «добрых советов» правительство не слушает»³. Прогрессисты заявили, что они не считают возможным обращаться с этим документом к правительству и выступать с ним в переговоры, поскольку «пожелания» ничего не дадут, а в случае отклонения ультиматума у блока не будет выхода. По их мнению, с программой следовало обратиться непосредственно к императору. В результате прений было принято решение подписать программу от имени всех фракций и групп, входящих в блок, и довести её до сведения правительства. По поручению блока Крупенский 24 августа передал программу правительству.

Для руководства практической деятельностью блока было избрано бюро в составе 25 человек под председательством члена Государственного совета Меллер-Закомельского. В состав бюро вошли Милюков, Шингарёв, Ефремов, Шульгин, Гримм и др. В блок объединилось шесть фракций Государственной думы — прогрессивные националисты, группа центра, земцы-октябристы, октябристы, прогрессисты и кадеты, — считывавшие 235 депутатов из 422 членов Государственной думы, и три фракции Государственного совета — центр, академическая группа, внепартийные. Всего в блок вошло более 300 человек.

25 августа программа блока была опубликована в московских, а 26 августа — в петроградских газетах. Существование «прогрессивного блока» стало фактом.

В день опубликования в петроградских газетах «соглашения» состоялось заседание совета министров, на котором было принято решение войти в переговоры с блоком, а на следующий день государственный контролёр П. Харитонов в присутствии министров Н. Щербатова, А. Хвостова и кн. Шахвского принял лидеров блока — Шульгина, Милюкова, Крупенского и др. Обе стороны обменялись заявлениями о том, что считают цель совещания исключительно «информационной». Целью обеих сторон было наметить пути, по которым могло пойти сближение. Программа блока подверглась детальному разбору на замечание Милюкова, что блок считает пункт о «правительстве доверия» основным, Харитонов ответил, что решение этого вопроса не входит в компе-

тению кабинета, и обещал доложить совету министров о желании блока довести программу блока до сведения верховной власти⁴. Горемыкин отрицательно отнесся к возможности соглашения и совместной работы с блоком и считал, что роспуск Думы необходим, поскольку она действует «возбуждающе на народ»⁵. Горемыкина поддерживали реакционно-шовинистические круги, и по мере того как успешно развивались переговоры о создании «прогрессивного блока», правые депутаты Государственной думы развращали агитацию за её роспуск. Началась безудержная травля блока и Думы. Особенно резко изменило политику суворинское «Новое время», которое за несколько дней до этого приветствовало создание блока и призывало правительство принять его программу. Когда же после совещания 27 августа стало ясно, что сговора с «прогрессивным блоком» не произошло, «Новое время» заявило, что Государственная дума потеряла своё национальное лицо, что умеренные фракции Думы пошли на жертвы, подписывая программу блока, и что это свидетельствует об их крайнем замешательстве⁶. Ещё более откровенно высказалась «Земщина». «В первую же голову надо приняться за Государственную думу. Если же правительство допустит дальнейшую агитацию по «объединённой программе» жёлтого блока и пойдёт на самоупражнение с заменой себя «кабинетом обороны» из министров, «облечённых доверием страны», — дело России будет проиграно»⁷. «Речь», комментируя слухи о предстоящем роспуске Думы, писала «Нельзя же допустить, чтобы в ответ на вступление большинства фракций на путь самопожертвования с целью прочного объединения страны вокруг законодательных учреждений, власть, какая бы она ни была, вступила сознательно и добровольно на путь ненужной, бесплодной и пагубной борьбы»⁸.

Но судьба Думы была решена. 29 августа Горемыкин выехал в Ставку, откуда вернулся через день с указом о роспуске Думы и сообщил министрам, что «создавшееся в Государственной думе настроение признано не соответствующим моменту, который требует напряжения всех сил»⁹. Точный срок роспуска Думы назначен не был, но его ожидали в ближайшие дни.

Слухи о предстоящем роспуске Думы распространялись по всей стране. Депутаты получали десятки писем и телеграмм от различных общественных организаций с протестами против роспуска законодательных учреждений.

2 сентября на заседании совета министров Горемыкин заявил, что император поручил ему объявить о перерыве занятий Думы с 3 сентября 1915 г. Форма заявления устра-

⁴ Там же, стр. 45.

⁵ «Речь» № 238 от 30 августа 1915 года.

⁶ «Новое время» от 29 августа 1915 года.

⁷ «Земщина» от 29 августа 1915 года.

⁸ «Речь» от 30 августа 1915 года.

⁹ «Речь» от 1 сентября 1915 года.

¹ «Красный архив» № 1—2 (50—51) за 1932 г., стр. 138.

² Там же.

³ Там же, стр. 144.

няла возможность прений по существу вопроса. Роспуск Думы был окончательно решен, и вечером 2 сентября Горемыкин вручил Родзянко указ о роспуске Думы¹. Собравшиеся на квартире у Родзянко депутаты были ошеломлены этим известием. На следующее утро совет старейшин обсуждал вопрос о повестке дня последнего заседания и о выходе депутатов из особых совещаний в знак протеста против роспуска Думы. В то время как прогрессисты и левые кадеты были за выход из совещаний и за противоправительственное выступление в Думе, октябристы и наиболее «благоразумные» кадеты убеждали избежать подобных эксцессов. Под давлением бюро «прогрессивного блока» совет старейшин принял решение не выступать с антиправительственной декларацией, из совещаний не выходить, на последнем заседании ограничиться принятием к сведению указа о роспуске Думы. Блок проиграл игру. Сторговаться с правительством не удалось, а пойти на решительные действия он не мог,— буржуазия боялась революции.

3 сентября, в 2 ч. 50 м., открылось последнее заседание Думы. Стоя выслушали депутаты указ о роспуске Думы, крикнули верноподданническое «ура» и... разошлись.

Роспуск Государственной думы тесно связан с образованием «прогрессивного блока». Ленин писал по этому поводу: «Разгон» IV Думы, как ответ на образование оппозиционного блока в ней из либералов, октябристов и националистов,— вот одно из самых рельефных проявлений революционного кризиса в России. Поражение армий царской монархии—рост стачечного и революционного движения в пролетариате — брожение в широких массах — либерально-октябристский блок для соглашения с царем на программе реформ и мобилизации промышленности для победы над Германией. Такова последовательность и связь событий в конце первого года войны»².

II

Роспуск Думы 3 сентября 1915 г. вызвал оживленные отклики. Правая печать торжествовала победу реакционного курса. Черносотенная «Земщина» писала: «Итак, власть проявилась. Дума, становившаяся с каждым днём всё наглее и крамольнее, временно закрыта. Все подлейшие проноски желтого блока с предателями во главе разлетелись в прах»³.

Через несколько часов после роспуска Думы на квартире у члена Государственного совета В. Меллер-Закомельского состоялось заседание бюро «прогрессивного блока». Обсуждался вопрос о том, как реагировать на роспуск Государственной думы. Предложение лидера прогрессистов И. Ефремова о выходе из особых совещаний встретило резкое противодействие со стороны большинства бюро. Член Государственного совета А. Оболенский говорил: «Последствия меры Ефремова (выход)—пожар разгорится: забастовки, отказы земского и

городского союзов и т. д. В настоящее время не может быть никакого общения с Горемыкиным, но если другие министры—министр внутренних дел просто нас пригласит как граждан: давайте обдумывать, как лучше устроить,— это можно»⁴. Таким образом, тактика блока и в момент роспуска Думы определялась все теми же двумя обстоятельствами: боязнью революционного взрыва и надеждой на сговор с правительством.

Роспуск Думы совпал с усилением стачек, принявших политический характер. В Петрограде с 2 по 5 сентября бастовало 33 предприятия с 62 221 рабочим. Бастовали в основном металлисты—Путиловский завод, Путиловская верфь, старый и новый «Лэсснер» и др. Буржуазия оказалась между двух огней. С одной стороны, победа «чёрного блока» и поворот правительства в сторону реакции, с другой — рабочие забастовки в Москве и Петрограде. Под знаком боязни масс проходят все последующие выступления буржуазных организаций, обращения с призывом к рабочим о прекращении забастовок. Трусливая позиция буржуазии была правильно оценена правительством. Министр внутренних дел Н. Шербаков доносил Николаю II «Возникшее среди рабочих движение не только не отклонило массы в сторону крайнего течения, а, наоборот, оказало отрезвляющее действие на общество»⁵.

Накануне открытия съездов земского и городского союзов в Москву съехались лидеры партий, входящих в «прогрессивный блок», и выработали единый план, с которым блок намеревался выступить на съездах 1) полное самообладание и никаких резких выступлений, 2) возобновление думской сессии; 3) создание «правительства доверия».

Открывшиеся 7 сентября съезды земского и городского союзов прошли под знаком умеренности. Резолюция, принятая на городском съезде, сводилась к тому, что «на смену нычешнего правительства должны быть призваны люди, обеспеченные доверием народа, гворческая работа народных представителей должна быть возобновлена безотлагательно»⁶. Ещё более робко звучала резолюция земского съезда. Попытка левых кадетов склонить участников съезда к более решительным выступлениям против правительства успеха не имела. Даже охранка отмечала, что они едва ли применят подобную тактику «из страха «улицы» и что «начавшиеся рабочие забастовки окажут на эту группу охлаждающее влияние, так как кадеты вообще боятся выступления пролетариата»⁷.

⁴ «Красный архив» № 1—2 (50—51) за 1932 г., стр. 154.

⁵ Семеновичев «Политика Романовых накануне революции», стр. 48. М. и Л. 1926.

⁶ «Буржуазия накануне февральской революции», стр. 58. Центрархив. 1927.

⁷ Записка московского охранного отделения по общественному движению, № 115 «Буржуазия накануне февральской революции», стр. 39.

¹ Родзянко М. «Крушение империи», стр. 183.

² Ленинич. Соч. Т. XXX, стр. 236

³ «Земщина» от 4 сентября 1915 года.

Эта оценка оказалась верной. Буржуазия не только не выдвинула новых, более решительных требований, но дала понять, что готова уступить по многим пунктам программы «прогрессивного блока». Даже основное требование «правительства доверия» звучало теперь в устах руководящей партии блока—кадетов—только как требование замены Горемыкина более приемлемой для буржуазии фигурой, причем и в этом вопросе кадеты призывали к всемерной сдержанности. Милюков говорил: «Первый шаг: — свалить Горемыкина, а это возможно политикой сдержанности»¹.

Блок висел на волоске. Уступок от правительства не предвиделось, надежды на компромисс не оправдались, а занять более решительную позицию в борьбе с царским правительством буржуазно-помещичий блок не мог из-за своего органического бессилия. Реакция была для него более приемлема, чем революция, грозные признаки которой чувствовались всё яснее. Блок бездействовал. За два месяца, последовавшие за роспуском Думы, бюро блока даже ни разу не собиралось.

Между тем реакционный курс, взятый правительством Горемыкина, вырисовывался всё отчетливее. За два месяца были уволены трое из восьми министров, подписавших 21 августа злополучное письмо к Николаю II. Очередь была за остальными, и их отставка последовала в недалёком будущем. Резкий поворот политики правительства вправо оказался и в оживлении различных правых организаций, которые несколько притихли летом 1915 года.

К концу октября 1915 г. «прогрессивный блок» несколько оправдился от удара, нанесённого ему правительством, и начал подавать некоторые признаки жизни. 25 октября состоялось совещание двух фракций Государственной думы и Государственного совета (кадеты и центр) с представителями военно-промышленного комитета, земского и городского союзов. От блока присутствовали Милюков, Шингарёв, Маклаков, Меллер-Закомельский; от общественных организаций — Челноков, Гучков, Г. Е. Львов, Астров. На повестке дня стояли два вопроса: об оценке политического положения в стране и об установлении единой тактической линии в Государственной Думе и вне её. Все выступавшие констатировали резкое падение политической активности среди буржуазии. Между тем революционное движение развивалось и крепло. Почва уходила из-под ног фрбидирующих буржуа. Буржуазии нужен был выход. И именно на этом совещании была подана мысль, ставшая через год руководящей в борьбе буржуазии с царизмом. «После всего предыдущего,— заявил Шингарёв,— надо делать революцию или дворцовый переворот, а они невозможны или делаются другими»². Путь революции был совершенно неприемлем. Это ясно высказал Маклаков: «Поднять забастовки, заставить страну идти путём брожения—мы идём пу-

тем, которого боимся»³. А вот второй путь, путь дворцового переворота, вполне подходил «Я надеюсь на deus ex machina — 11 марта»⁴.— заявил тот же Маклаков.

Регулярные заседания бюро «прогрессивного блока» возобновились 28 октября 1915 г. и продолжались без значительных перерывов до 26 ноября 1915 года. На первом же заседании стал вопрос о том, чем же блок должен заниматься. Члены бюро вынуждены были констатировать, что за два месяца своего существования блок решительно ничем себя не проявил. Появились настроения ликвидировать блок или ограничить его деятельность временем думских сессий. Член Государственного совета Олсуфьев прямо говорил, что «во внепарламентское время блок не обязан действовать»⁵.

Вопрос о предстоящем выступлении блока в Думе стал центром внимания во всех заседаниях бюро. Единодушно было установлено, что критика правительства отнюдь не должна означать критику монархии. По вопросу о совместной резолюции в Государственной думе и Государственном совете все члены Государственного совета прямо заявили, что совместная с Думой резолюция невозможна. Такое мнение не могло не вызвать вопроса, что же представляет собой блок? Действительное объединение большинства обеих палат или лишь фикцию подобного объединения? После бурного обсуждения была избрана комиссия из 9 человек (6 — от Думы и 3 — от Совета), представившая 5 ноября 1915 г. на обсуждение бюро проект резолюции. И вот тут-то выявились все разногласия, разведавшие блок, его неспособность к действию и тяготение к компромиссу с правительством. Шульгин зачитал проект, в котором среди патристических заявлений и массы второстепенных законодательных предположений терялись всё те же старые требования блока о создании «правительства доверия» и необходимости длительной непрерывной сессии Государственной думы. Левый октябрист Дмитриюков предложил вставить в резолюцию требование «ответственного министерства». Это предложение означало коренной пересмотр всей программы блока и не могло не встретить отпора со стороны правого крыла и прежде всего—Милюкова, который на одном из московских созещаний на вопрос о том, почему кадеты в программе партии ставят вопрос об «ответственном министерстве», а в блоке проводят другую линию, ответил: «Кадеты — партия — одно, кадеты в блоке — другое»⁶. Милюкова подержало большинство бюро на том основании, что если вставить «ответственное министерство», то «тогда блока не будет; надо будет создавать другой. Блок — слишком дорогая и ценная вещь»⁷.

³ Там же, стр. 150.

⁴ Имеется в виду убийство Павла I (11 марта 1801).

⁵ «Красный архив» № 3(52) за 1932 г., стр. 153.

⁶ Там же, стр. 196.

⁷ Там же, стр. 167.

¹ «Красный архив» № 1—2 (50—51) за 1932 г., стр. 155.

² Там же, № 3 (52) за 1932 г., стр. 146.

Однако прогрессисты угрозили в случае отказа от требования «ответственного министерства» выйти из блока, и тогда Милоков пошёл на компромисс предложив заменить резолюцию декларацией от имени блока, сохраняя за прогрессистами право в своих выступлениях не придерживаться декларации. Но и в декларации центральный пункт — «правительство доверия» — был отнесен на конец и терялся среди других мало значащих требований, свидетельствуя о неуверенности блока в своих силах и его внутренней разобщенности.

Пока в бюро блока шли прения по декларации, правительство опубликовало 23 ноября 1915 г. указ о новой отсрочке возобновления сессии законодательных учреждений. Это нанесло сильнейший удар «прогрессивному блоку», и он снова замолчал на два месяца.

III

В начале 1916 г. — 20 января — произошла отставка И. Горемыкина, а 9 февраля возобновилась сессия Государственной думы. Оба эти события стоят в самой тесной связи. Затягивать открытие Думы было невозможно, но правительство с Горемыкиным во главе встретиться с Думой также не могло. Николай II повторил тактический приём лета 1915 г., когда было решено пожертвовать Щегловитовым, Маклаковым, Саблером и Сухомлиновым, чтобы сохранить прежний реакционный курс и предоставить Государственной думе возможность выместить свой гнев на ушедших. Новый глава правительства, Б. Штюрмер, реакционер и противник всяких реформ, был назначен на высокий пост председателя совета министров под прямым влиянием Распутина и его темного окружения¹. Все, даже крайние правые, понимали, что подобная перемена не несёт с собой изменения политического курса. Германофильская репутация нового премьера тоже не могла не вызвать резко отрицательного отношения² со стороны буржуазных лидеров.

Однако Штюрмер попытался войти в контакт с Государственной думой путем переговоров с отдельными её членами. С правыми депутатами Штюрмер быстро договорился, но встреча с блоком не удалась — бюро блока считало, что Штюрмер не пользуется доверием страны, и не хотело частных встречей подменить официальные переговоры между блоком и правительством³.

На предстоящей сессии Думы бюро блока решило с резкими речами не выступать, вести себя по возможности сдержанно. Была выработана декларация по проекту, предложенному Милоковым ещё в ноябре 1915 года. Тактика блока накануне февральской сессии Государственной думы сводилась к тому чтобы, «не стесняясь даже некоторыми партийными уступками и компромиссами... показать добрую волю блока пойти

на какое-либо соглашение с правительством»⁴.

9 февраля 1916 г. открылась сессия Государственной думы. Утром стало известно, что Думу посетит царь. Это был жест, с помощью которого правительство надеялось парализовать возможность оппозиционных выступлений и продемонстрировать благожелательное отношение к Думе монарха и правительства. Николай II обратился к депутатам с короткой, бесцветной речью, затем осмотрел помещение Думы... и уехал. Наступил момент встречи Думы с новым главой правительства — Б. Штюрмером. Заключая, по тетрадке, прочёл он правительственную декларацию, в которой продовольственный вопрос и вопрос о «немецком засилье» были центральными. Кроме того вниманию Думы были предложены законопроекты о реорганизации управления волости и об утверждении трезвости. Убогое впечатление произвела эта речь. Молчанием встретила Дума заявление премьера. Только справа раздались жидкие аплодисменты.

С декларацией от имени «прогрессивного блока» выступил С. И. Шидловский. Основываясь на событиях лета 1915 г., Шидловский перешёл к главному положению: «Во главу мер, необходимых для организации страны, большинство Государственной думы продолжает ставить создание правительства из лиц, способных и знающих, сильных доверием страны, готовых решительно изменить применявшиеся доселе способы управления и могущих работать в согласии с народным представительством»⁵. Однако это требование терялось среди длинного перечня административных и законодательных мероприятий, которые, по мнению блока, привели бы страну к победе.

Итак, долгожданная встреча с царём и правительством Штюрмера состоялась, и всем стало ясно, что с августа 1915 г. ничего не изменилось. Блок не решился активно выступить против правительства, правительство не уступило в основном вопросе, предложив Думе заняться бюджетом на 1916 г. и несколькими мало значащими законопроектами. Политический кризис «прогрессивного блока» стал свершившимся фактом, хотя формально он еще продолжал существовать в полном составе.

Провал блока при открытии Думы вызвал упорную борьбу между правым и левым крылом блока по тактическим вопросам. Особенно остро эти расхождения выявились на VI съезде кадетской партии, происходившем в Петрограде между 18 и 22 февраля 1916 года. Левые кадеты настаивали на том, что партия должна стать «на путь более решительной борьбы с правительством, рука об руку с более левыми течениями — социал-демократами и трудящими»⁶. Это стремление к сближению с де-

¹ «Падение царского режима» Т. IV, стр. 286. Л. 1925

² Родзянко М. «Крушение империи», стр. 149.

³ «Речь» от 3(16) февраля 1916 года.

⁴ «Буржуазия накануне февральской революции», стр. 71.

⁵ Государственная дума четвёртого созыва 4-я сессия, стр. 1250—1251.

⁶ «Буржуазия накануне февральской революции», стр. 73.

мократическими партиями было вызвано исключительно страхом перед надвигающейся революцией, желанием овладеть рабочим движением, ввести его в буржуазные рамки. Ошибочная позиция «прогрессивного блока», по мнению левых кадетов, в том и состояла, что он отделил себя от левых демократических партий. «Тактика Милюкова всецело и исключительно опирается на «прогрессивный блок». Это пагубная ошибка: мы должны опереться на широкие народные массы»¹, — говорил лидер московских кадетов Мандельштам. Однако голосование дало победу Милюкову; было решено из блока не выходить и лозунг «ответственного министерства» не выдвигать. Всё осталось по-старому. Правильность тактики кадетов в блоке была признана большинством съезда. «В решающие моменты борьбы, — писал Ленин о тактике либеральной буржуазии, — кадеты вместе с октябристами изменяли демократии и «шли» помогать царю и помещикам «Либеральная линия русской революции состояла в «успокоении» и раздроблении борьбы масс, ради примирения буржуазии с монархией. И международная обстановка русской революции, и сила русского пролетариата делала такое поведение либералов неизбежным»².

К весне 1916 г. в среде либеральной буржуазии наблюдались определённый спад оппозиционного движения и стремление к «положительной» работе вместе с правительством. Тенденция эта, несмотря на активные выступления левой части буржуазии, представленной прогрессистами и левыми кадетами, к лету 1916 г. стала решающей. Собравшееся в мае 1916 г. совещание губернаторов констатировало, что буржуазные круги «охотно идут на составление всевозможных тенденциозных резолюций, но на деле, разумеется, держатся правительства не за совесть, а за страх экономическом благосостоянии»³. Действительно, Дума мирно сотрудничала с правительством. Все предложения по отдельным статьям бюджета были проведены «прогрессивным блоком», и это давало повод говорить о его успешной деятельности. Бюро блока выработало такую программу сессий, которая не давала повода для острых столкновений. В неё входили вопросы о волостном и земском управлении, о

реформе городского положения, о земских съездах и союзах и т. д. Все эти пункты были взяты из законодательной программы, предложенной блоком в 1915 г., но здесь не было основного — требования «правительства доверия», а без него программа была вполне приемлема для правительства, тем более что принятие всех законов растягивалось на неопределенный срок.

Однако эта же сессия показала, что внутреннего единства в блоке нет. Пробным камнем явился запрос трудовиков по поводу циркуляра министерства внутренних дел, предлагавшего усилить гонение против евреев, мотивируя это «шпионской» деятельностью последних. Правая часть блока заняла в этом вопросе прямо антисемитскую позицию и склонна была объединиться с правыми и националистами, предлагавшими признать объяснения правительства удовлетворительными. Стало ясно, что подписавшие программу блока по национальному вопросу в действительности осуществить её не могут.

До 20 июня в Думе продолжались длинные и скучные прения по маловажным вопросам, а затем она была распущена до 1 ноября 1916 года. Окончанием IV сессии Государственной думы завершилась целая полоса буржуазно-оппозиционного движения, начавшегося весной 1915 года. Движение это зашло в тупик, потеряло перспективу развития. «Прогрессивный блок» изжил себя. Он не смог добиться выполнения своего основного требования — «правительства доверия», — и это означало крах блока.

Дальнейшая история блока, переход от парламентской борьбы к организации дворцового переворота, о чем мы не имеем возможности рассказать в настоящей статье, выявила всю его слабость и политическую несостоятельность. Война обострила все классовые противоречия и в том числе — противоречия между самодержавием и буржуазией. Перед буржуазией вплотную стал вопрос о власти, но решить его революционным путём, в открытой борьбе с царизмом буржуазия не могла. Бурный рост революционного движения пролетариата еще более толкал буржуазию на путь компромисса с самодержавием. Отказ самодержавия от уступок, его попытка заключить сепаратный мир с Германией, рост революционного движения при полном крахе тактики парламентской борьбы толкнули буржуазию на путь организации дворцового заговора. Однако революционный народ смёл монархию, прежде чем буржуазия решилась выполнить этот свой последний план.

¹ «Буржуазия накануне февральской революции», стр. 83.

² Ленин Соч. Т. XVIII, стр. 315.

³ «Красный архив» № 2(33) за 1929 г., стр. 163.

«КАРАВАННЫЙ БУНТ»

В. Свирская

Среди большого числа крестьянских волнений, сопровождавших проведение реформы 1861 г., лишь немногие, подобно событиям в Кандеевке или в Бездне, нашли подробное освещение в исторической литературе. Между тем очень важно уточнить типические черты разнообразных форм протеста крестьян против крепостнической реформы. Сравнительно мало известное дело чивенских коми-пермяков, сохранившееся в областном архиве гор. Молотова (б. Пермь)¹, представляет с этой стороны значительный интерес.

Иньвенские коми-пермяки, жившие на правом притоке Камы — реке Иньве — в Соликамском уезде, Пермской губернии, были в основном крепостными графов Строгановых. В конце 50-х годов XIX в. в Иньвенском округе имения Строгановых насчитывалось около 33 тыс. пермяков обоего пола. Всего в России в то время было 59 тыс. пермяков².

Крупнейшие феодалы Прикамья, Строгановы к началу XVIII в. превратили пожалованные им Иваном IV огромные государственные земли, связанные некогда обязательством обороны восточных границ, в свою наследственную родовую вотчину. В середине XVIII в. часть этой вотчины перешла в другие руки, но одна треть её, принадлежавшая барону Сергею Григорьевичу Строганову, сыну известного промышленника петрозской эпохи, уцелела от дробления. Накануне реформы 1861 г. владелицей имения (превращённого, по решению Сената 1817 г., в майорат) была Наталья Павловна Строганова вместе с мужем, Сергеем Григорьевичем Строгановым, бывшим попечителем Московского университета, председателем Археологического общества³. Строганова не жила в пермском имении и почти никогда не бывала там. Имением управля-

ли из Петербурга, а главная местная администрация захедилась в селе Ильинском.

Пермский майорат, занимавший 1446 тыс. десятин в нескольких уездах Пермской губернии, в 1858 г. имел 167 230 душ обоего пола. Майорат делился на шесть округов. В состав его входил и Иньвенский округ, включавший 748 поселений (7 сёл и много деревень и починок, сплошь населённых коми-пермяками)⁴.

Хорошо поставленное крепостническое хозяйство имения, главным образом заводы и соляные промыслы, приносило большой доход. На территории имения были расположены Билимбаевский чугуноплавильный, Добрянский и Очерский железодельные заводы, построенные в XVIII в., в период промышленного подъёма Урала, Павловский катальный, построенный в 1817 г., и Кувинский (1856) чугуноплавильный заводы. Именно принадлежали старинные Левенские и частично Ново-Усольские соляные промыслы — часть соляного богатства, которым некогда владели Строгановы.

Заводы Строгановых и соседних промышленников в Поже и в Майкоре создавали экономическое оживление в крае, широкий рынок сельскохозяйственных продуктов поглощал рожь, овёс, льняное и конопляное семя, рогатый скот. Сбыт не ограничивался ближайшими местными центрами, как Ильинское, Усолье, Майкор: хлеб и овёс направлялись в отдалённый Кайгород, за 500 вёрст, на вологодскую «пристань Усть-Воч, а оттуда — в Архангельск. Коми-пермяцкое население, особенно зажиточные пермяки, принимали участие в скупке скота, брали подряды на перевозку дров и чугуна на заводы. В пермяцких сёлах и деревнях крестьяне покупали привозные товары: обувь, сбрую, галантерею, посуду, ложки, вилки, ножи, табак,

Заводы и промыслы обслуживались мастеровыми и «приписными» крестьянами, большей частью русскими. Заводские посёлки были центрами русского рабочего населения. На приписных, прикрепленных к соляным промыслам, лежала тяжёлая работа по заготовке и доставке топлива. Прикрепленные к заводам выполняли «куренильную работу» — заготавливали древесный уголь в «кучах» и доставляли его «коробьями» на заводы. На обязанности некоторых «подзаводских» крестьян лежали также добыча и перевозка руды. Кроме основных повинностей они должны были выполнять мелкие чёрные работы, а также доставлять различное оборудование на промыслы и заводы.

¹ Фонд управления пермского нераздельного имения гр. Строганова в с. Ильинском, № 54, д. № 56. «О бунте пермяков...». 1861—1862 гг. Изложение событий «бунта» сделано по этому источнику.

² 41-тыс. помещичьих крестьян жили сплошной массой в Соликамском и Оханском уездах, населяя, кроме майората Строгановых, соседние сёла: Купрос, Кокшарово, Майкор, Кызвенское. Около 13 тыс. государственных крестьян жило в Чердынском уезде; небольшая группа — около 4600 человек — жила в лесах Вятской губернии. См. Рогов Н. Материалы для описания быта пермяков. «Журнал министерства внутренних дел», апрель 1858 г., стр. 64—65.

³ После смерти С. Г. Строганова, в 1882 г., пермское имение перешло к его внуку С. А. Строганову, который и владел им до Октябрьской революции.

⁴ Волегов Ф. Хозяйственные записки по пермскому имению Строгановых. «Пермский край». Т. II, стр. 97. 1893. Геллоухов А. Краткое описание лесохозяйства в пермском майорате гр. Строгановых. «Пермский сборник». Вып. 1-й за 1859 г., стр. 42.

Основная масса вотчинных крестьян платила оброк деньгами и хлебом, от чего освобождались приписные¹. Все пермяки были на оброке.

Количество земли, которой пользовались вотчинные крестьяне, приближалось к установившемуся впоследствии высшему наделу. Они могли, с разрешения начальства, расчищать новину, пользовались лесом для построек. Однако вотчинным крестьянам жилось не легче, чем приписным: посылка в караван — назначение крестьян для сопровождения судов с продукцией промыслов и заводов к местам сбыта — ложилась на них тяжёлым бременем. Эта натуральная повинность являлась необходимым хозяйственным элементом в системе частной крепостной промышленности. Она занимала несколько тысяч работников по всему имению, отсутствие которых в течение двух — трёх летних месяцев разоряло крестьянство. Плата за караван на руки крестьянам не выдавалась, а зачислялась в оброк. Понятно, почему эта повинность вызывала единодушную ненависть крепостного крестьянства².

Одновременно пермяцкая деревня подвергалась эксплуатации со стороны местного кулачества. Ещё до реформы пермяцкое крестьянство не было однородным: наблюдалось расслоение, свидетельствовавшее о сравнительно интенсивном «подспудном» развитии капиталистических отношений.

Местный этнограф, вышедший из среды строгановских служащих, Н. Рогов сообщает, что богатые хозяева имели многочисленные хозяйственные постройки: 1—2 из-

бы, 3—5 хлевов, 2—3 загона, 2 конюшни, 1—2 овина, погреб, баню, гумно, — держали по 6—9 рабочих лошадей, по 5—7 коров, овец, свиней, коз. Они имели до 30 и более десятин покосу. В их амбарах хранилось по 1000—5000 пудов ржи. Перед их домами лежали громадные запасы дров, вырубленных при расчистке новин в лесу. Пища богатого пермяка описана многими этнографами: здесь и неслыханная никогда брага, и знаменитые пельмени с мясом, и пироги с рыбой и пр. «Очень зажиточных» хозяйств в конце 50-х годов Рогов насчитывает 6 на 100; 14 из 100 «живут хорошо», 30 — «порядочно», 30 — «бедно» и 20 — «очень бедно»³. Таким образом, половина пермяцких хозяйств — бедняки, зачастую имевшие только по одной лошади и корове; некоторые из них и совсем не имели скота. Бедняки вынуждены были брать взаймы хлеб из общественных магазинов, а иногда и просить милостыню. Обычной пищей бедняка служили редька и пиканы (стебли сочной травы).

Богатые хозяева постоянно использовали наёмный труд. Иногда у них было до восьми работников, главным образом мужчин; во время сенокоса, жатвы, молотбы они дополнительно нанимали подёнщиков. Пермяцкие богачи прибегали также к ростовщичеству: они брали в аренду часть пашни бедняков, платя вперёд хлебом или семенами по высшей весенней продажной цене, или ссужали семена «исполу» с возвратом половины урожая. Уход бедноты на заработки был обычным явлением. Шли в кулацкие хозяйства на летние и зимние «срочные» работы, продолжавшиеся летом от 165 до 210 дней, а зимой — от 145 до 190 дней, и на подёнщину. Зимой шли на ближайшие заводы на рудничную или «курную работу» по найму, а весной и осенью — на рубку дров для заводов⁴.

Посылка в караван ложилась ежегодно на каждые три хозяйства. Тому, кто уходил, остальные платили по 20 рублей. Понятно, что при таком расслоении деревни раскладка караванной повинности обычно падала на бедноту; зажиточные участвовали в ней лишь материально: снаряжением работников.

Строгановские крепостные-пермяки терпели произвол многочисленной помещичьей администрации, усвоившей пренебрежительное отношение к «иногородцам».

Строгановские приказчики были в глазах крестьян носителями не только крепостного насилия, но и национального угнетения. Ненависть к управителям сливалась у крестьян-пермяков с ненавистью к помещикам⁵.

¹ Рогов Н. Иньвенская дача и хозяйственный быт населяющих её пермяков. «Журнал министерства внутренних дел». Февраль 1855 г., стр. 83; его же, Материалы для описания быта пермяков. «Пермский сборник». Вып. 2-й, стр. 16—17. 1860.

² См. Рогов Н. Указ. соч., стр. 68—70, 44.

³ Приказчики Строгановых всячески притесняли крестьян, придирались к ним, обла-

¹ Из 78 964 душ м. п. в 1858 г. было 57 202 вотчинных, 11 364 приписных и 8 198 мастеровых. См. Теплоухов А. Указ. соч., стр. 42.

² По данным Ф. Волегова, относящимся к 1820 г., строгановские крестьяне должны были сопровождать четыре каравана: чугунный караван — из Билимбаевского завода на Очерский и Добрянский; плата за посылку составляла 8 руб.; железный караван — из Добрянского и Очерского заводов до Ланшева, главного рынка железа, а также до Царицына и Дубовки, до Астрахани, до Нижнего, до Рыбинска; плата до ближайшего пункта — Ланшева — составляла 10 руб., до Астрахани и Рыбинска — 35 рублей. Самый большой соляной караван, требовавший около 2 тыс. человек, отправлялся из Усоляя дауля — тремя партиями. На каждой ладье помещалось до 120 работников. У устья Камы, в Богородске, отпускали домой по 24 человека с ладьи, остальные следовали вверх по Волге в Нижний. Плата до устья Камы была 12 руб., до Нижнего — 24—26 рублей. В Нижнем соль сдавали в казённое ведомство. Здесь ладьи и лошади продавались, а люди возвращались домой, получив только деньги на харчи. Сверх всего отправлялся ещё припасный караван до Рыбинска. «Пермский край», Т. II, стр. 107—128.

Отмена крепостного права, проведенная крепостническим правительством в интересах помещиков, развязала накопившиеся противоречия и вызвала бурное выступление инвенецких крестьян. Инвенеццы были возмущены тем, что их надежды обмануты, что земля сохранялась на неопределенный срок за помещиками, а они вынуждены отбывать прежние барщинные и оброчные повинности на положении временнообязанных.

До Инвы манифест 19 февраля дошел 16 марта. Его читали народу в Кудымкаре в торжественной обстановке, в присутствии генерал-майора П. Р. Благотина, флигель-адъютанта, присланного правительством в губернию для проведения чрезвычайных мер в связи с ожидавшимся возмущением крестьян. Волнения начались в двадцатых числах марта в Купросе, где в связи с требованием обязательной явки в соляной караван крестьяне избили приказчика. В селе Архангельском приказчику и члену Инвенецкого окружного правления Медведеву пришлось бежать от угрожавшей толпы. Крестьяне прогнали из земской конторы писчика, пытались выгнать из дома мельника, как «заединщика» помещицы для «штрафования розгами». Молва об этих делах быстро разнеслась по всему округу, дав толчок повсеместному выступлению пермяков.

Зачинщиками выступления явились крестьяне Егвы. Они направляли народ в Кудымкар требовать у начальства разъяснения манифеста, который крестьяне истолковывали как освобождение от всех повинностей помещику. Во главе движения стоял егвинский крестьянин А. В. Кетов, которого начальство считало «главным возмутителем всей Инвы».

С двадцатых чисел марта по селам собирались работники, назначенные к отправке в Усолье в весенний сплавной караван, для проверки и освидетельствования. Крестьяне сговаривались между собой не идти в караван в зачет повинности, а только на условиях вольного найма — за наличный расчет, с уплатой вперед. Тех, кто соглашался на старые условия, разгоняли. Протест против караванной барщины перерастал в более острую форму борьбы против помещичьей собственности. Революционные мысли «об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой

гали штрафов. С крестьян например, взыскивали оброк за участки, занятые собраным хворостом, им сбывали негодный лесной материал на постройки, отрезали куски крестьянских пашен и покосов в «заказные» участки и требовали особой платы за пользование ими. Приказчики заставляли крестьян сеять для них на крестьянской земле лен и хлеб. Открыто практиковалась «заказная» крестьян на «голицынский караван» и управление на Голицынский родственников Строгановых, которые имели долю в Усолье сых соляных промыслах, и т. д. См. Теплоухов А. Указ соч. стр. 64, Янович В. Пермь, стр. 122 1903.

власти не могли не бродить в головах крепостных крестьян»¹.

Охватившее крестьян возмущение было направлено прежде всего против помещицы. Его сельское начальство. Крестьяне захватывали земские конторы, выгоняли приказчиков и писчиков. В селе Юсьве 24 марта они захватили земскую контору, в селе Егве требовали у приказчика Ф. Дружинина сдачи земских дел и выгнать его из села. 1 апреля егвинцы избили писчика В. Горбунова, в Кудымкаре выгнали из земской конторы старосту и писчика, в селе Отеве грозилось побить писчика в Верх-Юсьве крестьянин С. Кудымов «с дерзостью считывал приказчика и мирского старосту в уплате им за прошлое время податей». Во многих местах крестьяне сменяли прежних старост и выбирали новых. В Кудымкаре старосту хотели заковать в кандалы, в Верх-Инве 4 апреля крестьяне отрешили от должности приказчика мирского старосту, лесного смотрителя и оспопрививателя.

Особо остро проявлялась ненависть крестьян к лесной страже. В Кудымкаре толпа пыталась вернуться в дом окружного лесничего А. Лобова. После этого баясь расправы Лобов терзал выполнять служебные обязанности и требовал для себя военной охраны. В Егве толпа напала на квартиру сельского лесного смотрителя Коровина. Крестьяне запрещали лесным сторожам, служившим по выбору общества, исполнять свои служебные обязанности. Были отмечены также поджоги помещичьего леса. Так, в первых числах апреля около Усть-Мечкорской мельницы был подожжен лес.

Во многих местах крестьяне проявляли недоверие к правосудию. В Верх-Юсьве пола считали «заединщиком» с властями. Пола помогали приказчикам спастись от крестьянского гнева, снабжая их одеждой или подводами. Заштатное духовенство держалоось ближе к крестьянам.

Повсюду крестьяне захватывали помещичье имущество — мельницы и общественные магазины, которые считались мирским достоянием. Должность мельника обычно бралась на откуп богачами. Захвачена была Позагортская мельница, и у помольных денег был поставлен караул. Крестьяне реквизировали Косвинскую мельницу, а мельника выгнали, грозят его убить. Егвинцы отрешили от должности вестухинского мельника. В некоторых местах крестьяне делили помещичьи дрова, в Верх-Юсьве 8 апреля крестьяне захватили господский хлебный магазин и стали распорядиться хлебом, часть хлеба выдали писчикам, в Кудымкаре они собирались запечатать хлебный магазин, проверяли мирскую кассу и требовали у вахтёров ключей от амбаров, в Верх-Инве 3 апреля они произвели ревизию имевшихся в магазине денег и хлеба. Кое-где, например в Верх-Юсьве крестьяне за-

¹ Ленин Соч. Т. XV, стр. 143.

ничали кабаки, считая их своей собственностью, так как «кабак казённый и мы казённые».

Борьба против помещиков резко подчеркнула классовое размежевание внутри пермяцкой деревни. Крестьяне враждебно выступали против тех односельчан, которые уговаривали прекратить борьбу и хотели платить оброк. Большею частью это были зажиточные крестьяне, торговцы, выборные лица. Тех, кто предлагал подчиниться властям, во многих местах избивали как «заединщиков» помещицы. Так, в с. Архангельском 23 марта избили и «штрафовали розгами» двух крестьян за то, что они звали в церковь слушать манифест и отговаривали от «буйства»; в Юсьве избили сотника и солдата за «правоучительные слова» и наказали розгами двух «первостатейных» крестьян Архангельского «за несогласие на их упорств» против помещика; в Верх-Юсьве за несогласие участвовать в «бунте» избили трёх крестьян и торговых людей; в Отеве 3 апреля был избит Николай Гуляев, служивший по выбору; в Кудымкаре, где имелись более или менее крупные лавки, «тащили из лавки торгового Нешатаева, грозились сжечь лавки у торговых».

Все пермичи отказались платить оброк. Тех, кто не хотел отказаться от уплаты оброка, принуждали силой. Велась горячая агитация за неплатёж оброка. Отевский крестьянин Трифон Гилев бранил других: «Вы, дураки, платите подати, мы учим, а вы нас не понимаете, и мы обществом будем за это вас учить. Теперь мы уже до пояса выкупились, а суд придет — выкупимся совсем, и тогда мы вас проучим».

Всё это показывает антикрепостнический характер выступления иньвенских крестьян в марте — апреле 1861 года. Лозунгом, объединявшим всех и всем понятным, было «Мы царские». Верх-юсьвинцы заявляли: «Мы вольные, довольно послужили помещику и с сего времени не только 2 года, но даже не хотим быть под властью помещика и двух дней»¹.

В разгар борьбы крестьяне массами стали стекаться в Кудымкар — центр округа — для сведения счётов с иньвенским правлением. 31 марта кудымкарские крестьяне также отказались повиноваться властям. Народ продолжал прибывать из округа, некоторые приезжали по прямому вызову собравшихся в Кудымкар. Движение характеризовалось наличием известной организованности и элементов руководства крестьянской толпой. Крестьяне сговаривались не поддаваться убеждениям начальства, «говорить общим голосом», обсуждали манифест. Чтецы и толкователи из среды крестьян разъясняли, что это не тот манифест, который им читали в сёлах, и что в манифесте говорится о полной независимости крестьян от помещиков. Попытки начальства втолковать крестьянам подлинный

смысл манифеста — сохранение повинностей помещику за пользование поземельным наделом и оставление крестьян в течение двух лет в переходном состоянии, на положении временно-обязанных, — вызывали неистовые крики гнева и протеста крестьян, упорно утверждавших, что они «царские». Строгановские служащие, в том числе прибывшие спасаться в Кудымкар из других ведомств, отсиживались в каменном доме окружного правления. Их охранял усиленный отряд полиции, состоявший из мастеровых Кузинского завода, вызванный окружным управляющим Гилевым «для безопасности». Они сидели в осаде, не смея показаться на улицу, в то время как толпа осыпала их угрозами, обвиняла в краже денег, хлеба, обмане при сборе податей. Перепуганные управители, боясь кровавой расправы, засыпали начальство трусливыми мольбами о помощи.

1 апреля, вечером, в Кудымкар приехал из села Ильинского главноуправляющий именем Е. А. Волегов. Он уговаривал крестьян разойтись по деревням. Крестьяне жаловались на обиды и притеснения Гилева, на то, что Гилев запретил писать просьбы и жалобы. Волегов дал крестьянам писаря и велел им писать жалобы в помещенной земской конторе, отвлекая таким образом часть толпы от активных действий. Но в это время крестьяне бросились к квартире станозного пристава, чтобы освободить зрестованного «по подозрению в расстройстве крестьян и составлении ябеднических просьб» юрлинского государственного крестьянина Мелехина, не раз бывшего под судом и наказанного розгами. После допроса земским исправником Мелехин был закован и должен был быть отправлен в Соликамск. Сломав двери квартиры станозного, толпа освободила Мелехина.

Это проявление солидарности крестьян в защите своих «заступников» от репрессий начальства также свидетельствует о наличии элементов организованности и руководства в среде восставших. Архип Кетов, впоследствии осуждённый военным судом как главный зачинщик выступления, подвергался также в освобождении из-под стражи крестьян Климова и Абрамова, арестованных в кудымкарской земской конторе.

События в Кудымкаре укрепили боевые настроения крестьян на местах. После возвращения крестьян из Кудымкара, на местах усердно принялись за изгнание строгановских слуг. Так например в Егве с 1 по 4 апреля были прогнаны приказчик и писчик, выбраны новый староста и сотские, удалены старые мельники; было запрещено отсылать мельничные доходы; в Верх-Иньзе 3—4 апреля происходили ревизии денег и хлеба и смещение властей.

Как одно из проявлений руководства движением интересно отметить тот факт, что крестьяне не только держали в осаде начальство, но и пытались не дать возможности грамотной и хитрой администрации сноситься между собой и сплотить силы против крестьян. Так, ящика архангельского приказчика 4 апреля «штрафовали

¹ Маханек К. Из истории проведения реформы 1861 г. на Урале. I. Архивное дело о бунте пермяков. «Пермский краеведческий сборник». Вып. 4-й за 1928 г., стр. 182.

розгами» за доставку письма юсьвинскому приказчику. Такой же участи подвергся и ящик кудымкарского приказчика. Кудымкарских ящиков прогнали из земской конторы, запретив давать кочу-либо лошадей; верхьюсьвинскому ящику запрещали давать лошадей Волегову при проезде его в Кудымкар.

В ночь на 3 апреля в Кудымкар вновь приехал князь Багратион, вызванный Волеговым. Узнав о событиях, Багратион тотчас же послал нарочного в Пермь к губернатору за военной командой. Утром 3 апреля Багратион, одетый в генеральский мундир, появился в экипаже на площади между церковью и окружным правлением, где его ожидало более 2 тыс. крестьян. Он велел крестьянам разделиться по ведомствам. Крестьяне встали на колени, сняли шапки, готовясь креститься. Князь приказал строго повиноваться воле царя, исправлять повинности владельце имения и в трёхдневный срок послать людей в караван. Он предупредил, что за ослушание мирские начальники будут отвечать по всей строгости закона, и уехал. Требование Багратиона крестьяне истолковали в свою пользу. Выступления крестьян продолжались в Егве, Юсьве и других местах. Единственным результатом приказаний Багратиона была посылка некоторыми сёлами людей в караван. Из Верх-Иньвы работники, выбранные обществом, были уже 6 апреля отправлены в Усолье. В Верх-Юсьве в караван были выбраны, как отвечающий донесения, «из мест» самые исправные плательщики. Но крестьяне упорно продолжали не платить подати.

5 апреля в Иньзенский округ явилась вызванная Багратионом военная команда в составе 200 рядовых внутренней стражи и 3 офицеров во главе с батальонным командиром, майором Тальбергом. В Верх-Юсьве говорили, что солдаты присланы царём для защиты их от начальства и уничтожения «домовых», т. е. строгановских служащих, так как выяснилось, что начальство подкупало чиновников. Крестьяне живо реагировали на прибытие солдат. В Архангельском часть людей ушла из села якобы для работы на заводах Всеволожских. В Верх-Иньве крестьяне стали покупать в лавке свинец и дробь, чтобы защищаться от солдат. Перебуганный приказчик доносил, что крестьяне «намерены напасть на Кудымкар с ружьями, для чего у них со времени вступления солдат в Иньвенский округ запасены порох и дробь».

7 апреля, вечером, в Кудымкаре был созван сход. На глазах у крестьян была прочтена церемония вскрытия запечатанного пакета от губернатора на имя кудымкарского общества с «Положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Зачитав Положение и манифест 19 февраля, начальство задало обществу вопрос: верят ли они теперь манифесту? Крестьянам оставалось ответить утвердительно. Они стали на колени и просили прощения. Их заставили целовать крест в церкви и подписывать в земской конторе приговор с обя-

зательством выполнять повинности. Впрочем, многие кудымкарцы сумели уклониться от подписания приговора. Покорившихся кудымкарцев перьями из других ведомств осыпали насмешками, называли их изменниками. 8 апреля было арестовано 65 «смутьянов», подбивавших кудымкарцев продолжать сопротивление.

8 апреля последовала кровавая развязка в Егве. Вечером на сходе здесь, так же как в Кудымкаре, были прочитаны Положение и манифест, и начальство увещивало крестьян приступить к выполнению обязательных повинностей. Но толпа, человек в 500, упорно отказывалась и кричала. «Мы царские!», «Не хотим платить подати и оброк! Лучше бросим землю и убежим, но платить больше не будем... Князь нам не то говорил».

Окружённый толпой Тальберг приказал ей разойтись. Толпа не двинулась с места. Раздался барабанный бой, являвшийся предупреждением о начале стрельбы. Крестьяне не поняли этого сигнала. Они напирала всё теснее. Залп вверх, данный небольшой командой, также не испугал крестьян: он вызвал только насмешки и крики. Взбешенный майор приказал стрелять по толпе. Было ранено три человека. Т. И. Петров, 52 лет, и Д. И. Петров, 62 лет, вскоре умерли от ран; третий, Л. В. Вилесов, 23 лет, впоследствии выздоровел.

Расстрел безоружных егвинских крестьян подтвердил «ту истину классовой борьбы, что «реформы», проводимые крепостниками, не могут не быть крепостническими по своему своему облику, не могут не сопровождаться режимом всяческого насилия»¹.

В ночь на 11 апреля Багратион опять прибыл в Кудымкар, а оттуда отправился в Егву со всем начальством. Выразив сожаление по поводу расстрела егвинцев, князь заявил, что «эта жертва, может быть, спасёт округ от дальнейших волнений». Собранный в Егве сход, помня о пережитой расправе, подчинился увещаниям Багратиона и согласился выполнять повинности. Об этом был составлен приговор, который подписали все грамотные крестьяне. Багратион поспешил закрепить свой успех. Были торрпливо составлены подобные приговоры и в остальных сёлах.

Сопротивление перьяков было сломлено².

¹ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 141.

² Пермское губернское начальство сумело замаять преступную экзекуцию. Только спустя год в «Колоколе» Герцена появилась разоблачительная заметка местного корреспондента под заглавием «Сечение и убийство крестьян в Пермской губернии» (см. «Колокол», л. 134 от 22 мая 1862 г.). Заметка эта была написана много позже события, не очевидно и не участником его. В ней перепутаны факты: местом расстрела ошибочно указывается Кудымкар. Однако заметка разоблачала трудящегося пермской административной и подтверждала тот факт, что губернатору Лашкарёву действительно удалось скрыть и замазать преступление.

Началась расправа с крестьянами «бунтовщиками». С одной стороны, старались власти, с другой — сводили счёты строгановские управители. 17 апреля начались многочисленные аресты; в село Ильинское было свезено до 60 «бунтовщиков». В Егве заседал военный суд, назначенный губернатором. В Юсьве действовало временное отделение Соликамского земского суда. 7 июня военный суд приговорил к наказанию 7 человек, 19 человек оставил в подозрении, а 35 были освобождены. Главные организаторы волнения — А. В. Кетов, 49 лет, и У. И. Гусельников, 34 лет, — были приговорены к лишению всех прав состояния, к наказанию на месте преступления шпиритенами по 400 ударов и к ссылке в каторжные работы на 5 лет. Д. И. Систеров, 45 лет, за участие в волнении и за то, что был выбран егвинским старостой и «распоряжался по сей должности с употреблением печати», был приговорён к такому же наказанию, как Кетов и Гусельников, и к ссылке в каторжные работы на 4 года. Остальные были приговорены к на-

казанию розгами и к тюремному заключению¹.

Отзвуком этих событий был отказ четырёх иньвенских волостей в марте 1862 г. подписать уставную грамоту, которая уточняла их надел и переводила со смешанной повинности на денежный оброк.

Так проводилась реформа в Иньвенском крае. Выступление иньвенских пермяков носило революционный характер, так как было направлено против крепостнического содержания и способа проведения аграрной реформы 1861 года.

В ходе выступления крестьяне проявили элементы организованности. Упорство возставших было велико. Руководившие волнением егвинцы отступили только перед вооружённой силой. Всё это ставит выступление иньвенских пермяков в один ряд с крупными крестьянскими революционными волнениями, сопровождавшими проведение реформы 1861 года.

¹ Имена наказанных по суду см. у Маханека, Указ. соч., стр. 184.

ЯКОБИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА И НЕЙТРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЛЕТОМ 1793 ГОДА *

А Нарочницкий

В справедливой войне французского народа против контрреволюционной Европы в годы 1793—1794 якобинская республика успешно использовала не только свою новую, революционную армию, но и свою дипломатию. Внешняя политика якобинской диктатуры является с этой точки зрения одной из актуальнейших исторических проблем и заслуживает самого внимательного и подробного изучения.

Историки до сих пор обычно ограничивались изучением внутренней борьбы партий и классов в революции во Франции и их внешней политики до лета 1793 года. При этом нельзя не отметить переоценку историками значения внешней политики Учредительного собрания, фельянов, жирондистов и Дантона до лета 1793 г. и пренебрежение к историческому опыту внешней политики якобинской республики. А между тем дипломатия фельянов и жирондистов не была основана на реальной силе и на союзе с народом внутри страны, так как она лишь сеяла иллюзии своими широкими, но беспочвенными проектами, ценными только для изучения их собственных стремлений. Лишь в вопросе об отношениях с нейтральными странами Дантон и жирондистский министр иностранных дел Лебрен уже с весны 1793 г. заняли

позицию, которая оказала сильное влияние на политику возглавляемого Робеспьером Комитета общественного спасения и оправдала себя как средство борьбы против экономической и политической изоляции Франции в самый тяжёлый период войны.

Внешняя политика якобинцев резко отличалась от внешней политики жирондистов смелостью, твёрдой решимостью и революционной энергией, свойственной молодой, поднимающейся буржуазии Франции. Её главная цель — спасение революции — была достигнута. Отказываясь открыто от территориальных завоеваний, от революционной пропаганды за границей и от вмешательства во внутренние дела других стран, внешняя политика якобинцев обнаружила суровый реализм и действительную силу. Она спланировала беспощадные революционные меры, обеспечившие внутри страны союз якобинцев с народными массами. Благодаря этой политике якобинцы — когда Франция грозила полное окружение и блокада — сохранили в стране мир и торговые сношения с нейтральными странами. Это представляло разительный контраст с иллюзиями и авантюризмом иностранных космополитов-эмигрантов, политика которых сводилась к псевдоревлюционным фразам, а на деле грозила французской республике полной изоляцией и переходом нейтральных стран на сторону коалиции.

В твёрдом намерении не доводить до разрыва с нейтральными странами движущим мотивом якобинцев была не умеренность, а

* Предлагаемая статья составляет § 4 главы IV монографии автора на тему «Внешняя политика якобинской республики 1793—1794 годов».

подлинная и суровая революционная целесообразность в условиях крайней опасности, когда следовало думать прежде всего об уменьшении числа врагов и о сохранении торговых связей. К тому же в нейтральных странах не было и предпосылок для осуществления революционного переворота, подобно событиям 1793 г. во Франции.

Летом 1793 г. военные поражения Французской республики и разлитие в ней внутренних событий вызвали кризис её отношений с нейтральными государствами. Восстание 31 мая — 2 июня и изгнание жирондистов из Конвента испугали правительства нейтральных стран, создав у них убеждение в неустойчивости революционной власти во Франции. Дружественные нейтральные государства, нуждавшиеся в поддержке Французской республики, испытывали недоверие к её силам и тревогу. Государства, настроенные враждебно, готовы были уступить требованиям и угрозам коалиции, которая стремилась вовлечь их в войну. Из страха перед контрреволюционной коалицией большинство нейтральных стран, несмотря на то, что их жизненные интересы требовали сближения с Францией, не смело формально признать Французскую республику и принять её представителей. Дипломатические сношения Франции сократились и велись большей частью полуофициально. Летом 1793 г. такие сношения поддерживались только с Соединёнными Штатами Америки, с Данией, Швецией, Турцией, Швейцарией, Венецией, Генуей и Тосканой. Эти именно страны, особенно нуждавшиеся в сохранении сильного французского государства, боялись усиления коалиции.

Дантон и Комитет общественного спасения с весны 1793 г., после провозглашённого 13 апреля отказа от вмешательства во внутренние дела других народов с целью революционной пропаганды, пытались всемерно укрепить отношения Франции с нейтральными государствами, чтобы воспользоваться их нейтралитетом и торговлей с ними для борьбы с коалицией. Мысль, что укрепление связей с нейтральными странами принесёт Франции серьёзную поддержку и предотвратит её политическую и экономическую изоляцию, становилась всё более популярной. Один из вновь назначенных дипломатических агентов, Сулави, писал, что так называемые «нейтральные» государства на деле являлись «естественными союзниками» Франции и нуждаются в сохранении её мощи и в её содействии против захватнических стремлений коалиции. «Те, кого осмеливаются называть нейтральными, являются естественными друзьями Франции, друзьями во все времена, надёжными друзьями, друзьями, которые брались за оружие ради Франции всякий раз, когда она этого желала, а именно. Турция, Польша, Саксония, Швейцария, Дания, Генуя и т. д. и т. д. Все эти державы которых считают ничтожными или робкими, есть государства, в силу необходимости заинтересованные в поддержке центрального ядра в Европе — Франции, которая во все вре-

мена была их защитницей (protectrice), их поддержкой, их точкою спора против больших честолюбивых государств — России, Австрии, Испании, ставших великими державами благодаря своему соседству с малыми. Следовательно, малые державы, которых осмеливаются называть нейтральными, есть наши друзья, наши естественные союзники»¹.

Ещё дантоновский Комитет общественного спасения твёрдо держался точки зрения, удачно выраженной Сулави. Дантон, Лебрен и Дефорж одинаково мечтали создать своего рода лигу из нейтральных государств против контрреволюционной коалиции.

26 мая, передавая Комитету общественно-го спасения список вновь намеченных им дипломатических агентов, Лебрен так резюмировал свои проекты в отношении нейтральных стран: «Наши враги образовали против нас могущественную лигу; попытаемся противопоставить им контрлигу, которая сможет её уравновесить (contrebaler). Эта контрлига будет образована из Швеции, Дании, Турции, различных государств Германии (Бавария, Вюртемберг, Саксония, Пфальц), а в Италии из Венеции Неаполя, Тосканы и даже Генуи»².

Во все эти страны Лебрен предложил направить представителей Французской республики. В начале июня он составил для дипломатических агентов искусно разработанные инструкции, которые предписывали строгое воздержание от всякого вмешательства во внутренние дела нейтральных государств. Некоторые из намеченных им агентов были умными, образованными и способными людьми. Но не хватало самого главного — согласия большинства избранных на их приём и на признание Французской республики.

В июне — июле, когда новая система в отношении нейтральных стран должна была принести свои первые плоды, она была парализована новыми поражениями республики на фронте. Летом 1793 г. Франция оказалась близкой к полной экономической и политической изоляции. Блокада, которую пыталась осуществить коалиция, грозила прервать всю морскую торговлю Франции, даже под нейтральным флагом. Среди самих якобинцев враждебность эбертистов и таких иностранных космополитов-эмигрантов, как Клоотц с его сторонниками, ко всяким дипломатическим сношениям с королями и аристократами представляла серьёзную угрозу для сохранения дипломатических связей Франции с нейтральными странами.

После устранения Дантона Комитет общественного спасения прервал попытки начать мирные переговоры с государствами коалиции. Но, с другой стороны, он отверг и точку зрения эбертистов и Клоотца, полностью отрицавших необходимость всякой

¹ Aulard. «La diplomatie du premier Comité de Salut Public (Etudes et leçons t. III, p. 150)». Письмо Сулави Дантону и Бареру от 24 апреля 1793 года

² Aulard. Op. cit., p. 151—152.

дипломатии. Как Робеспьер, так и наиболее революционная часть буржуазного крыла якобинцев не считали возможным отвергнуть дипломатию на том лишь основании, что она ранее служила абсолютной монархии, и считали необходимым использовать её против коалиции в борьбе за укрепление буржуазной демократии.

Новый Комитет общественного спасения принял меры к тому, чтобы всемерно упрочить мирные отношения с нейтральными странами.

11 июля, на другой день после устранения Дантона, Камбон одобрительно заявил, что Комитет «повсюду заронил семена дипломатии» («il a jeté partout les germes diplomatiques») ¹. Нет сомнения в том, что похвала Камбона относилась ещё к дантоновскому комитету. Но и при новом комитете в сношениях с нейтральными государствами продолжалась та же миролюбивая политика, и притом с гораздо большею последовательностью. В этой области между Дантоном и Робеспьером разногласие касалось конечных целей и позиции в отношении США. Дантон желал поддержки нейтральных стран для большего успеха в мирных переговорах с коалицией, тогда как Робеспьер видел в укреплении дружественных связей с ними дополнительное средство полного разгрома врагов республики. Политика Дантона была колеблющейся и слабой и практически не разрешала задачу укрепления отношений якобинской республики с нейтральными странами, наметив этот путь лишь в принципе.

Другое отличие заключалось в том, что Робеспьер менее, чем Дантон, интересовался планом создания лиги нейтральных государств против коалиции и больше рассчитывал на использование нейтралитета каждого из них в отдельности. Но политику Дантона и Робеспьера объединяет преemущественная связь в самом принципе укрепления мирных отношений с нейтральными странами. Одним из выражений этой преemственности было оставление до 1 апреля 1794 г. на посту министра иностранных дел ставленника Дантона — Дефорга, который продолжал переписку с агентами республики в нейтральных государствах.

Особое значение для сохранения внешней торговли революционной Франции имели отношения с нейтральными государствами в то время, когда английский флот захватывал французские торговые суда и корабли, которые везли во Францию товары под нейтральным флагом. (Значительная часть грузов привозилась во Францию на судах ганзейских городов.)

Весной 1793 г. возникло намерение расширить закупки продовольствия в портах Северного и Балтийского морей. 6 марта поставщик Целмар получил для этого кредит в 10 млн. турецких ливров. Но коалиция стремилась прервать все поставки этого рода. 14 февраля под влиянием запугиваний со

стороны Пруссии гамбургский сенат выслал французского посланника. 4 марта в ответ на эту меру Национальный конвент в пылу негодования наложил эмбарго на все суда ганзейских городов, находившиеся во французских портах. Вскоре поспешность и ошибочность этого декрета стали очевидными: многие купцы ганзейских городов считали выгодным вести торговлю невзначая на разрыв дипломатических сношений их городов с Францией. 29 марта эмбарго было снято.

Однако прусский двор не успокоился и потребовал от сената Гамбурга прекращения всякой торговли с Францией. Сенат был вынужден формально уступить, и вслед за этим во Франции ганзейские суда вновь были объявлены законным военным призом ². Всё же Комитет общественного спасения не желал раздражать иностранных импортеров и обходя этот декрет, не раз выносил решения о снятии эмбарго и об освобождении отдельных голландских, ганзейских и других нейтральных судов с выплатой убытков от их задержания ³. Но грузы, предназначенные врагам республики и обнаруженные на нейтральных судах, по декрету от 9 мая, подлежали конфискации. В июле и августе Комитет утвердил ряд новых крупных сделок с иностранными поставщиками. Тем не менее летом сокращение внешней торговли стало настолько ощутительным, что Конвент стал придавать большое значение поощрению импорта.

25 августа в Конвенте снова возникли горячие прения о судах ганзейских городов в Дании. Якобинцы Симон и Рюль потребовали объявления ганзейских городов и Дании врагами Франции и захвата их судов. Но победила точка зрения депутатов Майля и Сент-Андре, которые добились признания ганзейских и датских судов нейтральными ⁴. Всё же на деле многие суда нейтральных государств подвергались задержанию, а их грузы — конфискации.

Для сохранения внешней торговли и предотвращения полной изоляции Франции наиболее важны были её дружественные связи с Соединёнными Штатами Америки, Данией, Швейцарией, Генуей, североафриканскими государствами и Турцией.

В Соединённых Штатах Америки в то время находился французский посланник — «гражданин Жене», агент жирондистов. Весной и летом 1793 г. деятельность Жене возбудила крайнее неудовольствие американского правительства и поставила под угрозу дружественные отношения Франции с заокеанской республикой в тот момент, когда их сохранение стало особенно необходимым.

² «La commission des subsistances de l'an II», p. 647—650 Paris. 1925; Aulard. Op. cit., p. 166—169.

³ Recueil des actes du Comité de Salut Public. («Recueil»..) T. IV, p. 484, Протокол от 13 мая. T. V, стр. 416.

⁴ «Moniteur», T. XVII, p. 501—502.

¹ Aulard. Op. cit., p. 152—153.

«Гражданин Жене» прибыл в Америку 8 апреля, в то время когда уже потерял всякий смысл инструкции, данные ему жироидистами, составленные ещё в декабре 1792 г., в пору побед и наибольшего упоения революционной пропагандой за пределами Французской республики. Согласно этим инструкциям, Жене должен был втянуть Соединённые Штаты в войну с Англией. Ему поручалось снарядить американские суда для ведения каперской войны с английским торговым флотом и подготовить вооружённое вторжение в Канаду и Луизиану с целью возбудить там революционное восстание. Во главе этого восстания должен был стать комитет инсургентов, действовавший по указаниям Жене.

Когда Жене покинул Францию и отправился в Америку, он, подобно многим жироидистам, был проникнут беспредельной верой в немедленное торжество революционных принципов во всех странах и полон презрения к дипломатическим обычаям, сложившимся при дворах абсолютных монархий в XVI—XVIII веках. Жене был уверен и в том, что союзный договор, заключённый между Францией и американскими колониями во время войны за независимость, сохраняет свою силу в годы революции. Претензии на ведение каперской войны у берегов Североамериканских Соединённых Штатов инструкция Жене основывала на этом же союзном договоре 1778 года¹. Участие Соединённых Штатов в войне против Англии казалось Жене заранее обеспеченным. Склонный к фразёрству и иллюзиям, Жене вообразил, что американский народ немедленно перейдёт на его сторону, даже в том случае, если американское правительство захочет сохранить нейтралитет.

Жене высиделся не в столице Соединённых Штатов Филадельфии, а в Чарлстоне. Ещё не успев вручить президенту свои верительные грамоты, он принялся за революционную пропаганду и снаряжение каперов. Но втянуть Соединённые Штаты в войну с Англией оказалось невозможным.

Только находившаяся в меньшинстве партия республиканцев-антифедералистов проявляла бурное сочувствие французской революции и готовность к разрыву с Англией. Антифедералисты опирались на часть плантаторов, широкие массы фермеров и городской мелкой буржуазии. Вожаки антифедералистов — статс-секретарь по иностранным делам Джефферсон и влиятельный член конгресса Медисон — стояли за сохранение союзного договора 1778 г. с Францией. Джефферсон с особой резкостью высказывал свои демократические настроения и симпатии к революционной Франции. Фермерство и городская мелкая буржуазия восторженно приветствовали Жене. Его поездка из Чарлстона в Филадельфию превратилась в настоящее триумфальное шествие. Антифедералисты устраивали ему торжест-

венные встречи. Повсюду на его пути основывались демократические клубы наподобие французских.

Тем не менее надежды Жене не оправдались. В правительстве Соединённых Штатов перевес оказался на стороне сравнительно более консервативной партии «федералистов» во главе с Джеем и статс-секретарём по финансовым делам Гамильтоном. Их поддерживал и президент Вашингтон. К федералистам примыкали часть плантаторов и богатая торгово-промышленная буржуазия северо-восточных штатов, связанных с Англией обширной торговлей. Их симпатии были на стороне французского двора и аристократии. Якобинцы и террор вызывали в них лишь страх и отвращение. С особым негодованием Вашингтон отнёсся к казни Людовика XVI. Так же враждебен революции был и американский посол в Париже Моррис.

Но ещё серьёзнее была боязнь богатой американской буржуазии северо-восточных штатов и плантаторов потерять выгодную торговлю с Англией. Около $\frac{1}{7}$ ввозимых в Соединённые Штаты товаров поступало из Англии. Из американского экспорта на Англию приходилось немногим менее половины. При таких условиях война с ней представлялась явно разорительной.

22 апреля Вашингтон издал прокламацию о нейтралитете Соединённых Штатов и потребовал, чтобы все американцы воздерживались от проявлений вражды к воюющим сторонам и от контрабандной торговли с ними. Не желая втягиваться в войну с Англией, американское правительство всё же желало сохранить с Французской республикой дружественные отношения и официально признало Жене посланником.

Жене упорно вёл свою пропаганду через клубы и печать и вооружал каперов, незная на холодность и неудовольствие американских властей. Его затеи требовали денег, но принесли мало пользы несмотря на симпатии широких слоёв американского народа к Французской республике. С помощью пограничных колонистов под командой генерала Кларка, бывшего на французской службе, Жене хотел весной организовать поход в Луизиану, открыть свободное плавание по Миссисипи, вернуть Франции контроль над устьем этой реки и возбудить восстание против Испании. Но ничтожность средств повлекла за собой и ничтожность результатов. Денег не оказалось, и вооружено было всего до 200 человек.

Не встречая в американском правительстве сочувствия, Жене повёл неприкрытую агитацию против федералистов и Вашингтона, что было равносильно бесцеремонному вмешательству во внутренние дела Соединённых Штатов. Даже Джефферсон, который горячо поддерживал Жене, стал серьёзно бояться, что не в меру ретивый французский посланник скомпрометирует партию антифедералистов и что его план вторжения в Луизиану приведёт США к войне с Испанией. 7 июля Джефферсон с досадой писал Медисону о неудачном вы-

¹ Договор, §§ 17, 21—22. См. инструкцию Жене от декабря 1792 г. «Annual Report of the American Historical Association» Т. II, p. 957—967. Washington. 1896.

боре Жене в качестве посланника¹ и перестал его поддерживать.

Между тем Жене окончательно разошёлся: он не считался даже с дружественными предостережениями и в конце концов, оттолкнул от себя всех антифедералистов. Невзирая на предупреждение Джефферсона, он в июле снарядил английский корабль, захваченный в американских водах французским фрегатом, и приказал его капитану отправиться в океан для охоты за английскими торговыми судами. Жене продолжал считать, что союзный договор 1778 г. должен сохранять силу и даёт ему право воспользоваться портами Соединённых Штатов Америки для организации каперской войны.

В июне Моррис в письме к Вашингтону выразил надежду, что если якобинцы утвердятся у власти, то Жене будет отозван и заменён другим лицом. Но время шло, и в августе недовольство американского правительства достигло своего предела. 23 августа оно приняло текст ноты к Франции с требованием отозвания Жене и замены его другим, более подходящим лицом². В ответ на это Жене обратился с резким протестующим письмом к Вашингтону и опубликовал в газетах обращение ко всем американцам, заявив, что он апеллирует к народу, минуя его правительство. Жене даже затеял авантюру подготовки в США созыва Учредительного собрания. Его прямое вмешательство во внутренние дела США вызвало новый взрыв негодования среди всех американских политических деятелей. Отношения США с Францией резко обострились.

Особого внимания заслуживает отношение к деятельности Жене сменявшихся французских правительств. Инструкции, составленные для него в декабре 1792 г., формально не подписывали ему действовать без согласия американского правительства и вопреки его воле. Но зимой 1792 г. жирондистское министерство было убеждено в том, что американские власти с восторгом отнесутся к его планам. Поэтому Жене поручалось решительно добиваться своей цели — вовлечения Соединённых Штатов в войну и восстания в Луизиане и Канаде. Его стремление действовать напролом в этом направлении вполне отвечало самоуверенности и силе политических иллюзий жирондистов в период побед Французской республики и успехов революционной пропаганды за её пределами. Но после военных поражений весны 1793 г. это настроение переменялось: жирондисты стали сторонниками мира. Общая инструкция, составленная 7 июня Лебреном для всех дипломатических агентов в нейтральных госу-

дарствах, твёрдо и решительно говорит об этом изменении политического курса³.

Тем не менее Жене не получил никаких новых указаний от Лебрена. Объяснить этот факт не может ни медленность сношений с Новым Светом, ни бурная политическая борьба в самой Франции, которая отвлекала внимание от взаимоотношений с отдалёнными странами. Лебрен, повидимому, был уверен в том, что США вступят в войну, и вовсе не думал смотреть на них как на нейтральную державу. Дантон и Дефорж тоже не изменили и не дополнили инструкций Жене. Повидимому, Дантон и его единомышленники продолжали надеяться на успех попыток вовлечь Соединённые Штаты в войну с Англией: для жирондистов и Дантона это было одним из средств принудить Англию к миру⁴.

Но летом 1793 г. в Париж стали проникать сведения о растущем недовольстве американского правительства поведением Жене. Перепуганный Дефорж 30 июля написал Жене письмо, в котором взял под защиту Вашингтона и осуждал попытки Жене действовать без согласия американского правительства. Дефорж понял, что если даже Соединённые Штаты и не дадут втянуть себя в войну, то важно всё же сохранить с ними дружественные отношения. «Никогда, — писал он Жене, — правительство не давало Вам полномочий вести себя проконсулом дружественной и союзной нации... Вам предписано сноситься с правительством, а не с частью нации; быть перед Конгрессом представителем Французской республики, а не вождём американской партии... Каким успехом мог бы пользоваться во Франции иностранный агент, если бы вместо того, чтобы сноситься с представителями народа и Исполнительным советом, он возымел дерзость окружить себя партией... вооружить корсаров против дружественных наций и, наконец, заниматься созывом Учредительного собрания, как Вы о том извещаете».

Тем не менее Дефорж не предложил Комитету общественного спасения отозвать Жене. К концу сентября он пришёл к выводу о необходимости дезавуировать перед американским правительством его поступки. Но и осенью 1793 г. Дефорж не счёл нужным требовать отозвания Жене, а только хотел умерить его пыл. Эта точка зрения развита в записке, составленной в конце сентября в министерстве иностранных дел под названием «Краткое изложение поведения гражданина Жене в Соединённых Штатах Америки»⁵. Нерешительность Дефорга

¹ Correspondence of Clark and Genet. «Annual Reports of American Historical Association». Т. II, р. 931—1107, особ. р. 932—933. Washington. 1896.

² Затем нота была помечена 16 августа. См. Morris «Mémorial de gouverneur Morris». Т. II, р. 323. Paris. 1841. Письмо Вашингтону от 25 июня 1793 года.

³ См. выше.

⁴ Ноэль писал Дантону о необходимости вовлечь Соединённые Штаты в войну с Англией. См. об этом Lettres de Noël à Danton. «La Révolution française». Т. VI, р. 459—462. Paris. 1884.

⁵ «Exposé succinct de la conduite du citoyen Genet dans les Etats-Unis de l'Amérique».

в этом случае вполне соответствует общему примиренческому отношению дантонистов к внешней политике жирондистов. Своими полумерами Дефорг и Дантон фактически покровительствовали Жене.

Деятельность Жене получила суровое осуждение в якобинском клубе. Якобинцы считали Жене агентом Лебрена и «бриссотинцем», который хочет рассорить Францию с Соединёнными Штатами. 8 июля в клубе выступил Шабо и заявил: «Возможно, что в данный момент английская Америка выскажется против нас, так как брат Бриссо, который послан туда, там уже довольно набриссотировал» («la sans doute brissotisé d'importance»)¹.

Сохранение дружественных отношений с США представлялось якобинцам тем более важным, чем заметнее было сокращение внешней торговли Франции в Европе и чем более угрожающей становилась изоляция Франции. Между тем затем Жене на деле носили характер авантюры и могли вконец испортить отношения с заокеанской республикой.

Несмотря на осуждение Вашингтоном и федералистами казни короля, отношения Франции с Соединёнными Штатами оставались дружелюбными, и якобинцы имели все основания желать сохранения нейтралитета Америки. Из Америки можно было вывозить продовольствие во Францию и во французские колонии Вест-Индии, всегда нуждавшиеся в его подвозе. Особое удобство представляло то обстоятельство, что эти поставки можно было получать не за наличные, а в счёт займа, предоставленного Францией американцам в годы войны за независимость. Погашение этого долга началось в 1790 г., когда было возвращено 3,6 млн. ливров. Выплаты продолжались и после свержения монархии, но к 1793 г. оставались ещё непогашёнными 29,7 млн. ливров² и перспективы ввоза за счёт этой суммы могли быть очень велики.

Ещё 26 июня 1792 г. решено было закупить в Америке продовольствие для Сан-Доминго на сумму 4 млн. турецких ливров, что и было исполнено в 1793 году. В феврале 1793 г. французский посол Тернант вёл переговоры о поставках из Америки зерна, муки и мяса на 2 млн. турецких ливров. Весной того же года ожидалось прибытие из США до 50 тыс. баррелей муки, 50 тыс. буа-

со зерна и 6 тыс. баррелей солонины³. В дальнейшем этот импорт мог сильно возрасти.

В 1791 г. французский посол в США должен был возбудить вопрос о заключении торгового договора Весной 1792 г. Джефферсон в беседе с Тернантом выразил желание заключить этот договор на условиях взаимного открытия портов и установления пошлин в том же размере, что и для своих товаров. Переговоры эти не получили продолжения потому, что французский посол не получил инструкций и в самих Соединённых Штатах федералисты больше желали заключить торговый договор с Англией. Но Конвент пошёл на уступки Соединённым Штатам и 19—21 февраля 1793 г. открыл для их торговли все порты французских колоний с условием уплаты пошлины наравне с французами. Невозможность снабжать колонии под французским флагом в условиях войны с Англией заставила в марте разрешить ввоз американского продовольствия в колонии без всяких пошлин. В мае 1793 г. было решено изъять американские суда из действия декрета конфискации всех грузов, предназначенных для врагов республики. На короткое время это исключение было отменено, но в июле его восстановили, и после протестов Морриса были удовлетворены все претензии США по захватам их судов и грузов⁴.

С точки зрения интересов торговли и обороны республики, якобинцы считали нейтралитет США более выгодным для Франции, чем их непосредственное вступление в войну с Англией, рассчитывая на которое было притом невозможно. В случае же вступления США в войну Англия, пользуясь своим превосходством на море, могла бы причинить торговле большой ущерб или совсем нарушить её. В дальнейшем робеспьеровский Комитет общественного спасения твёрдо стал на эту точку зрения и на основе её достиг значительного укрепления отношений с Соединёнными Штатами Америки. Осенью 1793 г. Жене был отрешён от должности посланника в США.

В Европе для сохранения внешней торговли Франции с нейтральными странами наибольшее значение имели дружественные отношения с ганзейскими городами и с Данией, кулцы которых ввозили во Францию гораздо больше продовольствия, чем Соединённые Штаты Америки. Помимо того Дефорг надеялся вовлечь Данию в лигу нейтральных государств.

Свободомыслящее купечество Копенгагена и даже министр иностранных дел Дании граф Бернсторф сочувственно относились к принципам буржуазного порядка, хотя, разумеется, считали их приемлемыми лишь в виде умеренных реформ. Буржуазия Дании

«Annual Report of American Historical Association» Vol. II, p. 283—285 Washington. 1903.

¹ Aulard «La société des jacobins». T. V, p. 294. Шабо, как и Дефорг, был дантонистом

² Об этом см. «Mémorial du gouverneur Morris» T. I, p. 355—356. Paris. 1842; Recueil des actes du Comité de Salut Public. T. V. Протокол от 5 и 9 июля 1793 г., Aulard A. «La dette américaine envers la France». «La Révolution française». T. LXXVIII, p. 114—117. 1925.

³ Correspondence of French Ministers 1791—1797. «Annual Report of American Historical Association». Vol. II, p. 122, 168, 170, 179. 1903.

⁴ Ibidem, p. 9, 112, 122; Morris. Op. cit. T. II, p. 314—315, 331.

привыкла всегда извлекать крупные барыши из торговли с Францией и никогда не желала разрыва с нею. Кроме того Датское королевство нуждалось в существовании сильной и самостоятельной Франции для противовеса давлению на его политику со стороны Англии и Пруссии. Легко понять, что планы коалиции не встречали особой симпатии ни среди купечества Дании, ни при её дворе.

После казни Людовика XVI Дания упорно поддерживала дипломатические отношения с Францией, хотя и в полуофициальной форме. Прежний французский посол в Копенгагене, де Вибре, был смещён, но после него всё же остался секретарь посольства Фрамери. Принцы-эмигранты были совсем непопулярны в Дании. В мае 1793 г. граф д'Артуа был весьма нелюбезно принят при датском дворе. Заявление графа Прованского о принятии им регентства также не изменило датской политики по отношению к Франции. Посол Дании в Париже де Блом был отозван, но Дания строго держалась нейтралитета. Захват Тулона англичанами вызвал в Копенгагене новый прилив симпатий к французам и враждебности к Англии.

В июле 1793 г. по предложению Лебрена французским агентом в Данию был назначен Филипп-Антуан Грувель. Это был человек умный и способный. Грувель происходил из кругов средней буржуазии: его отец был золотых и серебряных дел мастером. Сам Грувель служил клерком. В годы революции он подвизался как поэт и второразрядный публицист. Подобно другим революционерам, он постепенно перешёл от умеренных взглядов к республиканско-демократическим убеждениям. При республике Грувель стал секретарём Временного исполнительного совета, и 20 января 1793 г. ему пришлось читать в Тампле смертный приговор Людовику XVI.

Датский двор слишком боялся угроз и репрессий со стороны Англии и Пруссии, чтобы рискнуть формально признать Французскую республику. Он согласился иметь дело с Грувелем лишь на тех основаниях, что и с прежним секретарём посольства, Фрамери. 26 августа Грувель прибыл в Копенгаген инкогнито, под именем некоего Люверни. Целью его миссии было добиться признания Французской республики Данией. По инструкции, Грувель должен был явиться в Копенгаген как «тайный агент французской нации, сохраняющий инкогнито до тех пор, пока какая-либо из главных держав не признает независимости и суверенитета республики»¹. Грувель несколько раз беседовал с Бернсторфом, обсуждал с ним вопрос о защите датских судов, перевозящих продовольствие во Францию, и следил за эмигрантами. Он был любезно принят в домах банкиров и богатых негоциантов, надеявшихся на выгодные сделки, а также в

салонах некоторых аристократов и в литературных кругах².

Комитет общественного спасения покровительствовал торговле с Данией и предписывал освободить (с возмещением убытков) датские торговые суда в случае захвата их французским флотом³. Временный исполнительный совет поручил морскому министерству принять меры к снабжению под датским флагом французских владений в Индийском океане — островов Реюнион и Иль де Франс⁴. В дипломатических сношениях с Данией робеспьеровский Комитет общественного спасения последовательно и твёрдо придерживался планов, принятых весной и летом 1793 года.

Та же преемственность, но в сочетании с твёрдой революционной последовательностью может быть отмечена и в отношениях со Швейцарией. Нейтралитет Швейцарии представлял огромную важность для французской республики. Швейцарская граница оставалась единственным окном для её сухопутной внешней торговли. Сохранение мирных и добрососедских отношений с кантонами обеспечивало безопасность значительной части восточных границ Франции. Французские агенты, находившиеся в Швейцарии, собирали там важные сведения и наблюдали за положением в Европе. Сношения со Швейцарией занимают видное место в дипломатии якобинской диктатуры.

В 1792 г. революционная пропаганда жирондистов напугала правительство кантонов и едва не бросила их в лагерь коалиции. Политика дантоновского Комитета общественного спасения в апреле — мае 1793 г. несколько успокоила их. Но с установлением якобинской диктатуры нейтралитет Швейцарии вновь стал колебаться. Господство якобинцев усилило страх аристократических правителей Швейцарии перед революцией. Жирондисты, эбертисты и космополиты-эмигранты вели агитацию против мирных сношений с королями и аристократами и вызывали беспокойство в кантонах. Сильное недовольство вызвано было запрещением вывоза товаров из Франции через швейцарскую границу, прекращением поставок соли в кантоны и неуплатой пенсий швейцарцам, служившим во французских войсках во времена монархии. С другой стороны, коалиция угрозами пыталась заставить Швейцарию порвать дипломатические отношения с Французской республикой. Похищение австрийцами французских агентов Семонвиля и Маре на швейцарской территории вызвало негодование во Франции.

Комитет общественного спасения лишь постепенно оценил огромное значение нейтралитета Швейцарии. 16 августа, когда Эро де Сешель временно приобрёл влияние на внешние дела, непримиримая позиция

² *Ibidem*, p. 549—553.

³ «Recueil». Т. IV, p. 484, протокол от 8 июля 1793 года.

⁴ *Ibidem*. Т. V, p. 155, 156, 183—184, 218.

¹ Remusat M. «Un sans-culottes à la cour de Danemarck». «Revue de Paris». Т. IV, p. 542—553. 1912.

Комитета в этом вопросе несколько поколебала Французский посланник в Базеле Бартелеми проявил много ловкости и ума, чтобы уладить конфликты между республикой и кантонами и сохранить с ними мирные и дружественные отношения.

После похищения Семонвиля многие во Франции требовали репрессий в отношении правительств кантонов. Крайняя газета «Journal de la Montagne» обвиняла швейцарцев в событиях, связанных с другим делом Бартелеми старался успокоить Комитет и опровергал все обвинения этой газеты. Другой причиной недовольства кантонами во Франции было вторжение пьемонтских войск в Вальлис. Бартелеми старался доказать, что и это обстоятельство не угрожает опасностью. Он писал, что все горные проходы, отделяющие Францию от её врагов, в сентябре будут занесены снегом и станут непроходимыми. По мнению Бартелеми, в случае применения к швейцарцам репрессий ими воспользовалась бы Австрия, чтобы вовлечь кантоны в войну на своей стороне¹. Большое беспокойство в кантонах вызвал резкий тон республиканских генералов, грозивших репрессиями. Особенно отличился генерал Вьесе, который в письме швейцарскому правительству угрожал разрушением Базеля. Бартелеми резко осуждал эти выходки. 9 сентября Дефорж сообщил Бартелеми о намерении министерства иностранных дел отставить генерала².

Особенно острым вопросом было сохранение неприкосновенности маленьких пограничных городов-республик — Мюльгаузена и Невшателя. 24 апреля 1793 г. дантовский Комитет общественного спасения принял решение о невмешательстве в их дела³. Но летом 1793 г. пропаганда революционной войны за пределами Франции снова привлекла к ним внимание. 18 августа Эро де Сешель послал в Мюльгаузен агента Катюса, чтобы подготовить там революционный переворот и присоединение к Франции. 25 августа он же предложил послать двух депутатов Конвента в Савойю для ведения там революционной пропаганды и изгнания врагов⁴.

Но Робеспьер не разделял намерений присоединить Мюльгаузен и Невшатель к Франции. В сентябре Бартелеми писал Дефоржу о необходимости блюсти неприкосновенность Мюльгаузена для сохранения нейтралитета кантонов⁵. Тем не менее тревога не была рассеяна.

В отношениях Франции с Швейцарией одним из главных вопросов, который надо было решить якобинцам, был вопрос о том, чего следовало добиваться, чтобы кантоны сохраняли нейтралитет или же чтобы они заключили союз с Францией. Союза желали

сторонники немедленной революционной пропаганды за границей. Крайняя газета «Journal de la Montagne» настаивала на союзе и обвиняла существующее швейцарское правительство в интригах с врагами Франции⁶.

Комитет общественного спасения питал симпатии к Швейцарии. Видя в ней вначале только её республиканскую внешность, он верил в возможность союза с кантонами. Бартелеми с его умеренными советами стал внушать недоверие. 30 августа Комитет решил установить новый порядок сношений с Швейцарией. Это была попытка отказаться от института послов и посланников, имея которых многие якобинцы считали приличным лишь для монархических правительств, и установить сношения с швейцарцами через посредство выборных представителей обеих наций, подобно тому, как бывало в античных городах-республиках. Предполагалось явить миру «великое зрелище двух народов, скрепляющих свою связь и согласующих свои интересы с прямотушим, отличающим свободных людей»⁷. Для этого решено было послать в Швейцарию двух депутатов Конвента, и Бартелеми получил поручение позондировать почву насчёт перемены в способах сношений и заключения союзного договора. Но ему не доверяли и для наблюдения за ним самим послали некоего гражданина Обрие, яркого сторонника революционной пропаганды за границей. Обрие подавал Комитету совсем иные советы: он рекомендовал действовать с оружием в руках — явиться в Швейцарию с деньгами, зерном и 30 тыс. солдат, «успокоить» население кантонов по поводу угрозы нападения со стороны Австрии и предложить заключение союза⁸. Но Бартелеми, хорошо знавшему, как отнесутся кантоны к подобным предложениям, удалось предотвратить неминуемый конфликт. В том же направлении должно было действовать неуклонно возраставшее влияние Робеспьера на внешнюю политику⁹.

В сентябре Бартелеми настойчиво предостерегал от посылки в Швейцарию депутатов Конвента и предложения союзного договора. Эти меры, писал он Дефоржу, приведут лишь к тому, что «мы скомпрометируем себя в высочайшей степени»¹⁰. Предложение союза, утверждал он, навлечёт на Швейцарию нападение коалиции, если кантоны его примут, поэтому неизбежен или отказ или же равносильные ему проволочки с ответом. Для политических и торговых интересов Франции нейтралитет кантонов

⁶ Каулек. Ор. cit. Т. III, p. 121. Бартелеми Дефоржу 7 октября 1793 года.

⁷ Сорель. Соч. Т. III, стр. 340.

⁸ Там же.

⁹ Робеспьер желал союза с малыми державами, но считал его возможным лишь при свободном изъявлении на него воли их населения.

¹⁰ Каулек. Ор. cit. Т. III, p. 39, 103, 121; Сорель. Соч. Т. III, стр. 341.

¹ Каулек I. (ed) «Papiers de Barthélemy». Т. III, p. 5, 55—56, 70, 82—83, 104.

² Ibidem, p. 28.

³ Aulard. Op. cit., p. 184—185.

⁴ Mathiez A. «La Révolution française». Т. II, ch. IV.

⁵ Каулек. Ор. cit. Т. III, p. 94—95.

выгоднее, чем союз с ними¹. По мере того как Комитет общественного спасения лучше закомился с действительным настроением в кантонах, он убеждался в правоте Бартеlemi. Проект новой организации дипломатических сношений с ними был оставлен.

Комитет общественного спасения направил в Женеву особого дипломатического агента. 25 мая туда был назначен Сулави, бывший аббат, компилятор, собиратель и издатель исторических мемуаров и сочинений и вместе с тем один из первых республиканцев. По своим взглядам на внешнюю политику он во многом сходился с Робеспьером. Ещё в 1790 г. по вопросу о праве войны и мира они держались одного и того же мнения. На Сулави оказало большое влияние изучение секретных архивов Людовика XV. С дипломатическими архивами он познакомился после 10 августа, когда его назначили разбирать королевские бумаги в Версале. Он сознательно старался связать внешнюю политику революции с традициями дипломатии минувших царствований XVI—XVII вв., т. е. времён расцвета абсолютизма. Так, он усвоил идею выгоды союза с малыми странами и сближения с Пруссией. Сулави давал советы Бареру и Робеспьеру в делах внешней политики. У него, несомненно, были способности схватывать её общие задачи и своего рода чувство реальной необходимости². Сулави настойчиво стремился получить какой-либо дипломатический пост. Он долго сновал по передним Комитета общественного спасения и получил назначение ещё при Дантоне. В своих письмах и донесениях Сулави любил развешать поучения о внешней политике; впрочем, всегда заранее уловив тон Комитета, он составлял их в заведомо желательном ему духе.

Сулави был снабжён весьма осторожными инструкциями в согласии с идеями Лебрена. Но на скромном посту дипломатического агента Франции в Женеве Сулави как личность оказался совершенно несносен. У него не было достаточной выдержки и гибкости при выполнении поставленной перед ним задачи. Его личные недостатки — неуживчивость и раздражительность, мелочность и бестактность — выразились в придириках и приставаниях к женевским властям по разным пустякам и в попытках вмешательства

в их внутренние дела. Сулави отказывал всем без разбора швейцарцам в выдаче паспортов на въезд во Францию. 12 августа он сообщил Дефоргу, что им было сделано предложение женевскому правительству о недопустимости закона, лишającego католиков политических прав в Женеве. Дефорг отказал ему в поддержке. Через несколько дней Сулави потребовал 3 тыс. софрес зерна для французской армии и получил отказ. В депеше от 4 сентября он почти рекомендовал занять Женеву французскими войсками. В конце концов женевское правительство 27 сентября решило послать в Париж двух делегатов — Дюпена и Бютена, — чтобы добиться отозвания Сулави³.

Между тем Комитет получал предостерегающие донесения от своих комиссаров. 1 июля комиссар Конвента при рейнской армии писал о необходимости сохранения добрососедские отношения с кантонами и для этого даже удовлетворить денежные претензии швейцарцев. Растущая потребность в поставках из Швейцарии лошадей, скота и кож заставляла ещё более заботиться об укреплении отношений с нею. В августе Комитет общественного спасения намечает ряд крупных закупок в кантонах с оплатой в звонкой монете. На покупку лошадей было ассигновано 800 тыс. ливров, на покупку скота — 1 миллион⁴. В сентябре Бартеlemi советовал добиться разрешения для Швейцарии вывозить товары из Франции, чтобы не давать кантонам повода желать сближения с германскими государствами и избежать ответных запрещений⁵. Для кантонов весьма важны были поставки соли из Франции, которые до революции определялись особым регламентом 1786 г., а во время республики почти прекратились. 25 апреля 1793 г. дантоновский Комитет общественного спасения постановил возобновить отправку соли по прежнему регламенту и восполнить все прежние недоимки по поставкам из соларен Франшконте и Мулявника. Но это решение осталось на бумаге, как видно из того, что 1 июля Временный исполнительный совет вновь вынес такое же самое постановление о необходимости выполнения поставок соли⁶. Экономические и политические отношения с Швейцарией оставались натянутыми, и Комитету общественного спасения ещё предстояло принять решительные меры, чтобы укротить их и устранить недовольство и страх, вызванные пропагандой жирондистов⁷.

¹ Утверждение Зибея, что Бартеlemi занимался в Швейцарии революционной пропагандой и истратил на попытки заключить союз с кантонами 40 млн. ливров, ничем не обосновано и не заслуживает никакого доверия. См. Sybel II «La propagande révolutionnaire en 1793 et en 1794» «Revue historique». Т. XI, p. 103—114. Paris. 1879.

² Авенель преувеличивает роль Сулави и считает его настоящим наставником Робеспьера в делах внешней политики. Avénel «Anacharsis Cloots». Т. II, p. 218—219. Наиболее обстоятельное описание карьеры Сулави см. у Mazon «Histoire de Soulvie». Т. I, особ. p. 139; Т. II, особ. p. 45—54. Paris. 1893.

³ См. Aulard. Op. cit., p. 195—204; Mazon. Op. cit. Т. I, p. 173—179, 184—185, 188, 190—191; среди обвинений, выдвинутых против Сулави, есть и немало клеветнических. Часть их опровергнута Мазоном во втором томе его труда, стр. 49, 54.

⁴ «Recueil». Т. V, p. 146—147.

⁵ Ibidem, p. 461; Т. IV, p. 161, 201.

⁶ Kaulek Op. cit. Т. III, p. 26. 35; «Recueil» Т. V p. 142—144.

⁷ В своих мемуарах Бартеlemi уверяет, что Комитет общественного спасения желал поладить с кантонами ещё и для того, чтобы

Дефорж и Комитет общественного спасения возлагали большие надежды на укрепление отношений с Турцией и с её североафриканскими владениями. Торговля с Левантом стала рассматриваться как важный источник возможных поставок продовольствия и широкого сбыта для изделий французской промышленности. Укрепление французского влияния в Турции и сохранение торговли с нею считались важной задачей.

30 июня 1793 г. французский генеральный консул и триполитанский паша подтвердили существовавший прежде договор о торговле между Францией и Триполи¹. Но действительное положение французской торговли в Леванте стало в 1793 г. самым плачевным. Её подорвали разрыв с Англией и гражданская война в самой Франции. Морская война в условиях превосходства англо-испанского флота губила торговлю и привела к почти полному разрыву коммерческих связей Франции с Левантом. Особенно трудно стало вести эту торговлю после захвата англичанами Тулона.

Богатые купцы Марсея и негоднянты, осевшие в левантских колониях, были настроены весьма умеренно и относились к якобинской диктатуре враждебно. Вначале часть купечества приветствовала революцию: негоднянты надеялись, что при господстве буржуазии торговля будет освобождена от стеснительных регламентов и получит более надёжную защиту, чем покровительство дипломатов и консулов монархии, стоявших на страже дворянско-дипломатических интересов. Эти надежды оправдались. Стеснительные правила левантской торговли были отменены, но с ними были ликвидированы и привилегии и монополии купеческих компаний, издавна занятых торговлей с Востоком. Последняя мера отвечала интересам французской буржуазии в целом: она делала левантскую торговлю одинаково доступной для всего торгового класса. Однако она вызвала недовольство старой, умеренной, привилегированной буржуазии. Впрочем, к 1793 г. новые капиталы не успели влиться в левантскую торговлю и начать конкурировать с давно занятыми в ней купеческими домами. Господство якобинцев казалось богатым купцам опасным и для их собственности.

Политические планы нового Комитета общественного спасения на Востоке представляли собой комбинации, задуманные

получить там убежище в случае победы интервентов или внутренней конгрессуальной революции. По его утверждению, все члены Комитета были снабжены швейцарскими паспортами на случай необходимости бегства. Мы не могли, однако, проверить утверждение Бартемея, повидимому, клеветническое. О том же плане бегства в кантоны или в Женеву сообщает и Сулави. По его словам, Комитет предполагал бежать в Швейцарию в случае победы эбертистов. «Mémoires de Barthélemy», р. 100. 113; Mazon «Histoire de Soulavie». Т. I, р. 237.

¹ Martens G. Recueil des traités. Т. II, р. 70. L. 1846.

ещё Дюмурье, Лебреном и Дантоном. Дело шло о старом проекте — использовать вражду тузук к России и Австрии и толкнуть их на новую войну, чтобы связать им руки. Для этого надо было добиться признания Республики со стороны Турции и заключения с ней военного союза. Предполагалось, что Турция станет одним из важнейших участников антикоалиционной лиги нейтральных государств.

После свержения монархии министерство иностранных дел не раз пыталось назначить в Турцию нового посланника для осуществления этих целей. Но до лета 1793 г. ни одному из французских агентов не удалось добраться до Константинополя. Зато в середине 1793 г. в столицу Турции прибыли различными путями сразу два уполномоченных: генерал Декорш и агент Энен.

Мари Декорш, ранее маркиз Сен-Круа, был богатым аристократом, обладателем состояния до 800 тыс. ливров. Во время революции он быстро уяснил себе свой путь: перешёл на сторону победившей буржуазии и внешне весьма ревностно воспринял её принципы. В буржуазной среде революционные власти в то время не находили нужного числа лиц, подготовленных к дипломатической службе, и для Декорша легко было сделано исключение из постановления, запрещавшего аристократам занимать должности дипломатических агентов. Это был ловкий, гибкий и умный дипломат и в то же время хитрый, честолюбивый карьерист и интриган, весьма беспринципный. Декорш, подобно Талейрану (правда, в более скромных ролях, но последовательно и изворотливо), приспособлялся к сменявшим друг друга правительствам, начиная от жирондистского Конвента до реставрации Бурбонов. Сначала он был послан в Варшаву. Но там его деятельность возбудила гнев русских властей. по требованию которых он был выслан. Затем, в конце 1792 г., Декорш получил назначение в Турцию. После долгого пути и длительной поездки в Травнике, на территории Боснии, он 8 июня 1793 г. достиг цели своего путешествия и в качестве гражданского комиссара Конвента принял французскую колонию в Константинополе. Декорш быстро завоевал симпатии богатых купцов из французской колонии и не пускался на крайние меры. В посольстве он сохранил старый дипломатический персонал. Проявляя во всём умеренность, он старался не затрагивать католическое духовенство и сам демонстративно посещал церковь².

Почти одновременно с Декоршем в Константинополь прибыл другой французский агент — якобинец Энен. По личным своим наклонностям это был тоже карьерист и интриган, но совершенно другого типа и притом якобинец по убеждению. Энен был назначен в Турцию Лебреном в мае 1793 г.³

² Marcère E. «Un ambassade à Constantinople. La Politique orientale de la Révolution française». Т. I, р. 197.

³ Marcère Op. cit. Т. I, р. 53. См также Райнштейн О. «Французские колонии на Леванте при старом порядке и в

и получил задание наблюдать за деятельностью Декорша. Он не только принял свою роль тайного соглядатая и контролёра над Декоршем, но и сразу вступил с ним в открытое соперничество. Во французской колонии в Константинополе Энен сблизился не с богатыми купцами, а с крайними революционерами из числа немногих ремесленников, мастеров, приказчиков и интеллигенции. 11 августа в Константинополе из этих лиц образовался якобинский клуб, который отправил просьбу об «усыновлении» (афилиация) его центральным клубом в Париже. Энен и члены клуба обвиняли Декорша в умеренности, в связях с богатыми кегсциантами, в покровительстве духовенству и в сохранении на службе прежних чиновников посольства. В Париж один за другим отправлялись взаимные доносы и жалобы, вызванные борьбой различных групп во французской колонии и личных честолюбий обих агентов. Их открытая склока, раздоры и противоречивые заявления роняли авторитет Французской республики перед турецкими властями и ослабляли доверие к её предложениям. Декорш имел поручение втянуть Турцию в войну против России и Австрии, а Энен 22 августа публично заявил, что это вовсе не входит в намерения республики¹.

Декорш хотел добиться от Турции официального признания Французской республики, но не получил ответа. Его принимали под вымышленным именем Обри и в качестве частного лица. Причиной этого не могли быть монархические чувства турецких сановников. Падение престола неверного (христианского) государя несколько не могло взволновать их, тем более что австрийский союз 1756 г., заключённый французской монархией, оставил у турок самые мрачные воспоминания². Самой важной помехой для осуществления планов Декорша были сведения о военных поражениях Франции, неверие турок в прочность её правительства и её неспособность оказать Турции реальную помощь деньгами и флотом. Наряду с этим турецкие власти сознавали свою собственную слабость и страшились угроз России и Австрии.

8 августа Декорш беседовал с Мустафабеєм и другими представителями Дивана, но ему не было разрешено вести секретные переговоры с турецким министерством иностранных дел. 23 сентября Декоршу было заявлено, что Турция и Франция — друзья, но обстоятельства заставляют воздержаться от формального признания Французской республики и от нарушения Турцией нейтралитета в происходящей войне³. Декорш писал в Париж бесчисленные просьбы о по-

мощи Турции деньгами, флотом, но оказать её не было никакой возможности. Кроме того турки желали получить из Франции офицеров и военных инженеров⁴.

8 августа во французском министерстве иностранных дел были составлены для Декорша новые инструкции, которые дошли до него 11 ноября. На этот раз Французская республика предлагала Турции следующие условия союза: 1) не складывать оружия перед врагами без согласия Порты; 2) сотрудничать с Турцией в деле восстановления границ по Кучук-кайнарджийскому миру 1774 г.; 3) снабдить Турцию офицерами, артиллеристами и обученными рабочими; 4) помогать ей флотом и выслать вспомогательную эскадру⁵. Но большинство этих обещаний было не по силам республике, и они не соблазнили турок.

В середине сентября Комитет передал 500 тыс. ливров в Марсель для покрытия расходов Декорша, но этого было слишком мало, чтобы купить союз с Турцией. Взятие Тулона англичанами ещё более устрало турецкие власти и отняло у них всякую веру в помощь французского флота. Военный престиж Французской республики настолько пал, что её граждане в Турции стали подвергаться оскорблениям. 26 сентября на одной из улиц Константинополя французский гражданин Рубо и капитан французского торгового судна Герен были избиты греками и русскими. По жалобе русского посла турецкая полиция арестовала Рубо за то, что он ударил палкой одного из нападавших. Этот инцидент послужил поводом к разным мелким недоразумениям и досадной переписке⁶.

Дефорж продолжал интересоваться не только турецкими, но и польскими делами⁷. 31 июля он запрашивал о них тайного агента Парандье. Однако якобинцы считали польское движение недостаточно демократическим, чтобы помогать ему⁸, а военная слабость Французской республики не позволяла ей активно вмешаться в польские события⁹.

Переговоры с Швецией о военном союзе не принесли результатов. Шведский регент герцог Зюдерманландский всё ещё боялся заключать союз в то время, когда Французская республика терпела жестокие поражения. Швеции грозила опасность совместных враждебных действий флотов Англии и России, если бы шведские военные суда на-

¹ *Ibidem*, p. 90.

² Marcère. Op. cit. T. I, p. 136—137.

³ *Ibidem*, p. 146—147.

⁴ Grossbart J. «La politique polonaise de la Révolution française jusqu'aux traités de Bâle» (Ann. hist. de la Révol. fr. 1929, p. 476—478).

⁵ «Moniteur». T. XVII, p. 513. Статья от 30 августа.

⁶ 17 сентября, повидимому, прочитав эту статью в «Moniteur», Парандье, лично и бесприлично приспосабливший свои донесения ко вкусам читателей, написал о том, что будто бы в Польше готовится новая, «более демократическая» революция. Grossbart. Op. cit., p. 476—478.

эпоху революции». «Новый Восток» № 26—27 за 1929 год.

¹ *Ibidem*, p. 100—101.

² Узнав о провозглашении республики, великий визирь с хладнокровной иронией заметил: «Ну, хорошо, эта республика-то не будет вступать в брак с австрийскими эрцгерцогинями». Сорель. Т. III, стр. 107.

³ Marcère. Op. cit. T. I, p. 89, 91, 133.

правились во Францию. Регент стал питать надежды на возобновление русских субсидий и опасался новых внутренних потрясений во Франции. Всё это заставляло его опасаться и выжидать¹. С другой стороны, в самой Франции пропаганда эбертистов и космополитов возбуждала многих якобинцев против всяких сделок и переговоров с королями и аристократами. Депутат Конвента Рюль поносил открыто с трибуны шведского посла Сталю как иностранного шпиона². Недоверие крайних якобинцев вызывал и французский дипломатический агент Вернинак, который вел переговоры со Сталем. Его обвиняли в сношениях с Неккером. Тем не менее Комитет общественного спасения успокоил Сталю и продолжал переговоры.

9 сентября 1793 г. Вернинак представил Сталю новый проект³ условий союза. Франция предлагала платить по 500 тыс. франков за каждый военный корабль и по 200 тыс. за фрегат, который снарядит Швеция. Годичная субсидия должна была зависеть от числа судов, вооружённых Швецией для конзолирования транспортов во Францию. В случае войны Швеции с Россией Франция предлагала денежную помощь. Швеция должна была препятствовать закупкам государств коалиции в её портах. Сталю начал переписку со Стокгольмом. 17 сентября Вернинак предлагал свои услуги, чтобы отправиться туда вместе с ним. Но дело не двинулось вперёд⁴. С началом военных успехов осенью 1793 г. Комитет общественного спасения перестал добиваться союза с Швецией на столь невыгодных условиях.

Попытка Комитета общественного спасения укрепить отношения с нейтральными государствами летом 1793 г. свидетельствует о большом значении, которое якобинцы придавали дипломатии для борьбы с контрреволюционной коалицией. Можно отметить, что дипломатия Комитета общественного спасения в отношении нейтральных стран даже летом 1793 г., в момент наибольшей изоляции Франции, не соответствовала громовым тирадам против всяких сношений с монархическими и аристократическими правительствами, которые раздавались с трибуны Конвента и якобинского клуба для успокоения эбертистов и Коммуны. Но, тем не менее, в результате пропаганды и деятельности жирондистских

агентов дружественные связи с США и с Швейцарией оказались под угрозой, и с октября, когда влияние робеспьеровского Комитета общественного спасения окончательно упрочилось, перед ним встала задача немедленного укрепления сношений с нейтральными странами. 1-й Комитет общественного спасения, возглавляемый Дантоном и вначале пользовавшийся услугами Либрена, лишь наметил, но не осуществил эту задачу.

Что касается организации дипломатии Французской республики, то она мало изменилась летом 1793 года. Политическое влияние министра иностранных дел ещё более ослабело. Продолжалась чистка дипломатического персонала от ненадёжных лиц. С большинством нейтральных государств Французская республика поддерживала лишь неофициальные сношения, через тайных агентов. 24 сентября Комитет общественного спасения принял по предложению Барера «принципы ведения внешней политики», которые в основном выражали фактически установившийся порядок вещей. Решено было не иметь нигде, кроме США и Швейцарии, полномочных министров и послов. При монархических правительствах предполагалось действовать только через секретных, неофициальных лиц. Под впечатлением похищения Семонвиля с его бумагами постановлено было не давать письменных инструкций секретным дипломатическим агентам республики, уезжающим за границу. Последний пункт запрещал вести переговоры с агентами государств, не признавших Французскую республику. Но на деле и он не исполнялся, как можно видеть из того факта, что в большинстве нейтральных стран агенты якобинской республики не были формально признаны. Впрочем, этот пункт непосредственно относился к государствам коалиции.

Так, поддержание мирных и дружеских отношений с нейтральными странами и невмешательство в их внутренние дела с целью помешать полной изоляции Франции и победе контрреволюции были одной из наиболее характерных проявлений гибкости революционной дипломатии якобинской республики в отличие от авантюристических намерений жирондистов, проявленных ими особенно зимой 1792—1793 г., и планов иностранных космополитов-эмигрантов, которые не считались с действительным положением вещей в нейтральных государствах и едва не довели дело до разрыва с ними своими попытками немедленно произвести в них переворот, для чего там ещё не имелись достаточных предпосылок.

¹ Petiet R. «Gustave IV Adolphe et la Révolution française», p. 48—51. Paris. 1914.

² Ibidem, p. 52.

³ От 3 сентября 1793 г.

⁴ Petiet. Op. cit., p. 52—53.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии

Г. А. Острогорский завоевал видное место в ряду исследователей-византистов Западной Европы своими многочисленными и разносторонними трудами по экономической и политической истории Византийской империи. Начиная со второй половины XIX в., в византиноведении всё сильнее проявлялся интерес к изучению социально-экономической истории Византии. Широкое применение сравнительно-исторического метода в изучении исторических памятников, большой размах деятельности по публикации новых, ещё не известных первоисточников позволяли поставить глубокое изучение классовых борьбы в Византии, экономических основ её политического развития, разнообразных сторон её внутренней истории. Выдающихся успехов в этом направлении достигло русское византиноведение главным образом в трудах академиков В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского и созданной ими школы. Греческий византист проф. Андриадис отметил, что «существует отрасль византиноведения, в которой русские без всякого сомнения являются хозяевами: это—внутренняя история Византии»¹.

Воспитанный школой русского византиноведения, являясь непосредственным учеником выдающихся русских византистов, Острогорский поставил изучение внутренней истории Византии в центре своих исследовательских интересов. Однако с самого начала своей научной деятельности Острогорский проявлял готовность поставить свою исследовательскую работу на службу царизму с его официальной программой: «Самодержавие, православие и чародность». Не случайно поэтому Острогорский не принял Великой Октябрьской социалистической революции и очутился в рядах русских белоэмигрантов. Оторвавшись от живой почвы своей родины, Острогорский неизбежно сблизился с реакционным крылом историографии Византии. Поэтому дальнейшее развитие советского византиноведения настоятельно требует анализа произведений Острогорского и критики тех его положений, которые являются тормозом для развития византиноведения и не могут быть приняты советскими византистами.

Рассмотрение трудов Острогорского мы начнём с одной из самых последних его работ, появившейся в немецком историческом журнале накануне предательского нападе-

ния фашистской Германии на СССР. Эта работа затрагивает вопросы периодизации византийской истории². По мнению Острогорского, периодизация вообще не имеет никакого теоретического значения. Повторяя в статье антиисторические и антинаучные взгляды Допша, не принятые даже и передовой буржуазной исторической мыслью и получившие должный отпор в советской исторической науке, Острогорский говорит, что всякая периодизация имеет лишь условный характер, так как «в исторической действительности нет никакого перерыва и, следовательно, никаких границ и периодов»³. Он соглашается признать за периодизацией лишь служебное значение, так как «при практическом изложении истории встречается потребность в периодизации».

В результате этой основной ошибки у Острогорского создаётся неправильное представление о всём ходе истории Византии, а её периодизацию он строит на основе случайных, произвольно им избранных факторов.

Всякому историку, пытающемуся создать общую картину развития Византийской империи, необходимо решить вопрос о том, с чего следует начинать изложение её истории. По этому вопросу взгляды византистов сильно расходятся. Штейн⁴ и Братняку⁵ считают началом истории время Диоклетиана (284—305), предпринявшего первые шаги по переводу столицы Римской империи на Восток. Финлей относил начало византийской истории к VIII в., когда Византийская империя принимает свой новый характер—«греческого» государства⁶. Дру-

² Ostrogorsky Georg «Die Perioden der byzantinischen Geschichte», «Historische Zeitschrift», 1941 Bd. 163, Heft 2, S. 229—254.

³ Ibidem, S. 229.

⁴ Stein E. «Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. Mitteilungen zur osmanischen Geschichte». Bd. 2, S. 1 ff. 1923—1925.

⁵ Bratianu G. «Les divisions chronologiques de l'histoire byzantine». Bulletin de l'Académie Roumaine, section historique, 17. 1930, p. 44 suiv. Перепечатано в его «Etudes byzantines d'histoire économique et sociale», p. 23 suiv. Paris. 1938.

⁶ Finley G. «A. History of Greece», Vol. I, p. 351. 1877.

¹ Андриадис А. «История греческого народного хозяйства» (на греч. яз.), стр. 368. Афины. 1918.

где историки принимали другие события, более или менее произвольно выбранные, за начало византийской истории. Для Острогорского, считающего началом истории Византии время Константина, характерно, что он связывает это не с окончательным созданием нового центра империи на Востоке, а с её христианизацией. Что такое духовная жизнь Византии, как не христианская религия? — спрашивает Острогорский. Он идёт ещё дальше: повторяя слова Юлиана, называвшего Константина *novator turbarumque priscarum legum*, он считает, что Константином начинается ряд византийских государств.

Время от Константина до Ираклия (610—641) Острогорский считает эпохой перехода от античного Рима к византийскому средневековью. В своих трудах он идеализирует Ираклия, выступающего у него как спаситель Византийской империи, как гениальный реформатор, который заложил основы нового феодального строя, преобразовал весь правительственный аппарат империи, вывел страну из хаоса и дал новое направление византийской культуре. При нём, говорит Острогорский, перестали искусственно поддерживать латинский язык, и греческий язык становится официальным в империи. Юстиниан, по выражению Острогорского, — римский император, Ираклий — первый подлинно византийский базилевс.

Идеализация Ираклия вполне соответствует научно-политической концепции Острогорского. Появлению у власти Ираклия предшествовала ожесточённая гражданская война народных масс против крупного сенаторского землевладения. Ставленник сенаторской партии, опирающийся на земельную знать, Ираклий столкнулся с глубокой враждебностью широких слоёв народных масс и с исключительной жестокостью подавлял многочисленные революционные выступления низших классов. Результаты глубокого этнографического и социального переворота, длившегося в течение VI—VII вв., Острогорский целиком приписывает государственной деятельности Ираклия. В своей попытке возвеличить Ираклия он выдумывает небывалые внешние успехи Византии в его правление, игнорируя сведения о крупнейших поражениях империи. Поражения эти были столь серьёзны, что положение империи казалось безнадежным, и Ираклий подумывал даже о переносе столицы из Константинополя в Карфаген. Пренебрегая ясными показаниями византийских памятников того времени, большим знатоком которых он, бесспорно, является, Острогорский, руководясь своими реакционными политическими симпатиями, наделяет «первого византийского базилевса» такими качествами, которыми тот никогда не обладал. В изображении Острогорского Ираклий вопреки исторической действительности оказывается одним из самых выдающихся государственных деятелей мировой истории.

Конец «средневизантийского периода» Острогорский связывает с именем другого императора, отвечающего его идеалам, Василия II, который, по его словам, так же «заканчивает героический период византийской

истории, как её открывает Ираклий». Правление Василия II (976—1025) в качестве грани для «средневизантийского» периода избрано Острогорским совершенно произвольно и не принято ни одним византинистом. «Поздневизантийский» период, по мнению Острогорского, охватывает время с 1025 г., т. е. с года смерти Василия II Болгаробойцы до гибели Византии в 1453 году. Между тем мы не можем установить для всего этого периода общие черты общественно-экономического строя, которые пыгается найти для него Острогорский. Нужно учесть, что на протяжении этого периода происходит завоевание Византии крестоносцами, учреждение Латинской (1204—1261) и восстановление Византийской империи. Эти крупнейшие события создают резкую грань между началом и концом устанавливаемого Острогорским «поздневизантийского» периода и не позволяют сводить их в одно целое по признакам социально-экономического устройства, которое претерпело под влиянием Латинской империи глубочайшие изменения. Таким образом, периодизация истории Византии, избранная Острогорским «при практическом изложении истории», является антинаучной и построена исключительно на основе его политических симпатий к отдельным византийским императорам. Его ошибки неизбежно сказываются при рассмотрении отдельных крупнейших проблем византийской истории.

Одним из кардинальных вопросов в исследовательской работе византинистов является вопрос об общественном строе древних славян и о его влиянии на феодализацию Византийской империи. Первым из византинистов, приступившим к глубокому изучению земельного закона, был Сахариз фон Лингенталь, поставивший вопрос о крестьянской общине в Византийской империи и её влиянии на социально-экономическое развитие Византии¹. По его мнению, свободная сельская община была принесена в империю славянами и зафиксирована в законодательстве императоров-иконоборцев. Эта теория была воспринята и развита далее В. Г. Васильевским², которому удалось установить сходство земельного закона с эклогой и на этом основании прийти к выводу, что эти законы изданы почти одновременно и, бесспорно, должны считаться памятником законодательства иконоборческой эпохи. В результате трудов Ф. И. Успенского³ нау-

¹ Zachariae von Lingenthal K. «Geschichte des griechisch-römischen Rechts». 3. Aufl. 1892.

² Васильевский В. «Законодательство иконоборцев». «ЖМНП». Октябрь—ноябрь 1878 г.; его же «О синодальном списке эклоги». «ЖМНП». Январь 1879 года.

³ Успенский Ф. «Древнейший памятник славянского права». «Юридический вестник» № 4 за 1886 г. М., стр. 703—704; его же «К истории крестьянского землевладения Византии» «ЖМНП». Январь 1883 г., стр. 30—87; февраль 1883 г., стр. 301—360.

кой был прочно усвоен его вывод о влиянии славянской общины на социально-экономическое устройство Византийской империи. Теория Б. А. Панченко, отрицавшего наличие общины в Византии¹, не встретила поддержки в мировой науке. В советской исторической науке теория о влиянии общественного строя славян на феодализацию Византийской империи стала общепринятой и получила в трудах советских историков дальнейшее развитие и конкретизацию².

В 1926 г. Острогорский выступил с небольшой статьёй о византийском податном уставе, представляющем ценный источник для изучения техники обложения крестьянских земель и аграрных отношений в Византии, в частности сельского землевладения³. Положения, выдвинутые Острогорским в этой статье, были развиты им в другой его работе о земельной податной общине в Византии X века⁴. К этой работе приложен немецкий перевод этого ценного источника для изучения земельных отношений в Византийской империи.

Трактат анонимного византийского автора, изученный Острогорским в этих работах, был впервые опубликован американским учёным Эшбернером (W. Ashburner) в 35-м томе «Journal of Hellenic Studies». Не считая для себя обязательным изучение внутренних сил, которыми держалась византийская сельская община на протяжении всей истории Византийской империи, отрицая да-

же наличие общинного землевладения в Византии, Острогорский признаёт исключительно совокупность крестьянских хозяйств, организованных государством в виде «податного отделения» для удобства обложения. По мнению Острогорского, государство налагало на подобное податное отделение одну общую подать, которая затем распределялась между отдельными крестьянскими хозяйствами⁵. Острогорский подчёркивает неоднократно, что так называемая община есть лишь податной округ, платящий на основе круговой поруки общую податную сумму и занесённый весь в один кадастр. Община в Византии «есть финансово-административная единица, а не органическое хозяйственное образование, подобно общине славянской или германской»⁶, — говорит Острогорский.

Для подкрепления своей теории Острогорский снова приводит взгляды Панченко в его работе о крестьянской собственности в Византии и отмечает, что взгляды Панченко находятся в резком противоречии с положениями В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского. Он присоединяется к взгляду Панченко о личном и наследственном крестьянском землевладении в Византии. Однако он забывает, что книга Панченко встретила резкие отзывы в мировой науке⁷.

Аргументация Острогорского не вносит, по существу, ничего нового в науку, в основном лишь повторяя высказывания Панченко, о которых иеромонах Михаил в своей рецензии отметил, что Панченко «едва ли стёр с лица земли старое (т. е. положения, установленные В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским. — Б. Г.); больше того, едва ли и убедительность его аргументации не призрачна»⁸.

После трудов Панченко до настоящего времени было издано большое количество актов, относящихся к крестьянскому землевладению, о существовании которых Острогорский не может не знать. Эти документы позволяют по-новому пересмотреть вопросы, связанные с общиной в Византии. Они показывают, что вплоть до самого позднего времени в истории Византии в актах встречаются упоминания о «сельском мире», «сельских общинах», содержатся совершенно отчётливые понятия об общей собственности на землю принадлежащую известной совокупности членов, составляющих общину.

Опираясь некоторыми документами, Острогорский повторяет приёмы Панченко, который в каждом факте выделял выгодную для своего положения часть, а остальное просто

¹ Панченко Б. «Крестьянская собственность в Византии». «Известия русского археологического института в Константинополе». Т. IX, стр. 1—234. 1904.

² Липшиц Е. «Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв». «Вестник древней истории» («ВДИ») № 1 (6) за 1939 г., стр. 352—365; её же «Славянская община и её роль в феодализации Византии». Доклад на сессии отделения истории и философии Академии наук СССР 28 апреля 1945 г., представляющий основные выводы её капитального исследования на эту тему, в основе которого лежит анализ земельного закона; Горянов Б. «Славянские поселения VI в. и их общественный строй». «ВДИ» № 1 (6) за 1939 г., стр. 303—318; его же «Славяне и Византия в V—VI веках нашей эры». «Исторический журнал» № 10 за 1939 г., стр. 101—111; его же «Иконоборческое движение в Византии». «Исторический журнал» № 2 за 1941 г., стр. 68—78; Мишулин А. «Древние славяне и судьбы Восточной империи». «ВДИ» № 1 (6) за 1939 г., стр. 290—307.

³ Острогорский Г. «Византийский податный устав». Recueil Kondakoff. Сборник статей, посвящённых памяти Н. П. Кондакова. «Seminarium Kondakovianum», стр. 109—124. Прага. 1926.

⁴ Ostrogorsky G. «Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im 10. Jahrhundert», Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, XX 1927, S. 1—108.

⁵ Острогорский Г. «Византийский податный устав», стр. 112.

⁶ Там же, стр. 122.

⁷ Мутафчиев «Сельское землевладение в Византии». София. 1910; рецензия иеромонаха Михаила на книгу Панченко «Византийский временник». Т. XI, стр. 588—615. 1904; рецензия П. В. Безобразова на книгу Мутафчиева «Византийский временник» Т. XVII, стр. 336—346. 1910.

⁸ «Византийский временник». Т. XI, стр. 588, 1904.

вычёркивал¹. Острогорский знаком также с обширным исследованием Ф. И. Успенского, написанным им за два года до смерти и посвящённым анализу Вазелонских актов². Подводя итоги своей научной деятельности, проделав огромную работу по изучению всех последних публикаций, глава русского византиноведения ещё более укрепил свои основные выводы о византийской крестьянской общине, убедительно показав, что церковно-монастырское землевладение в эпоху Палеологов разоряло крестьянские общины, поглощало мелкую земельную собственность. Выводы Ф. И. Успенского прочно вошли в науку и, конкретизированные ценными исследованиями Е. Э. Липшиц и других учёных, получили общее признание советских византинистов.

Острогорский чувствует, что его теория, отрицающая общину в Византии, построена на весьма шатком основании. Для подкрепления этой теории он прибегает к помощи Г. В. Вернадского³, якобы также отрицающего общину в Византии. Однако здесь мы имеем дело в лучшем случае с просчётом. Послушаем, что говорит Г. В. Вернадский: «Приведённые статьи (ст. 6—8.—Б. Г.) крестьянского закона, как мне кажется, достаточно определённо свидетельствуют о наличии общины и общинной земли в византийском селе»⁴.

Г. В. Вернадский указывает, что вопреки утверждениям Панченко в земельном законе, бесспорно, нужно признать наличие следов поземельной общины⁵. Он отмечает, что признаки сельской общины встречаются не только в земельном законе, что они совершенно ясно видны в знаменитых новеллах императоров Македонской династии, направленных на защиту мелкого крестьянского землевладения, построенного на общинных началах⁶. Как известно, эти новеллы действительно всё время имеют дело с понятиями сельской общины. Острогорский нигде не видит в византийских деревнях периодических переделов, которые предполагали сторонники существования в Византии поземельной общины⁷. Его мнимый союзник Вернадский пишет по этому поводу, что хотя

эти переделы и не были строго периодическими, всё же они, бесспорно, производились⁸.

Итак, в вопросе о наличии общины в Византии и влиянии общественного строя славян на социально-экономическое развитие Византии — являющемся одним из кардинальных вопросов во всей внутренней истории Византийской империи — Острогорский тщетно стремится опровергнуть положения, принимаемые сейчас подавляющим большинством византинистов всего мира и прочно вошедшие в научный фонд советского византиноведения.

В совершенстве владея техникой исследования и анализа памятников византийского землевладения, Острогорский проделал большую и полезную работу по изучению техники обложения византийского крестьянства, систематизации запутанной византийской податной терминологии и внёс в научный оборот много нового и ценного материала. Однако его неверные исходные положения мешают ему сделать правильные выводы при обобщении этого материала.

Эти причины тормозят выполнение задачи, которую ставил себе Острогорский при изучении истории развития податной системы в Византии. Основные выводы этой работы он изложил в небольшой статье, помещённой в журнале «Byzantion»⁹. В этой статье мы снова встречаемся с утверждениями, что в начале VII в., в правление Ираклия, возникла совершенно новая полоса внутренней истории Византийской империи. Ход рассуждения Острогорского следующий. В ранний период византийской истории ещё действует система, при которой сочетались поголовная и поземельная подати, диоклетиановская система *capitatio-jugatio*, при которой земля, *jugum*, лишь тогда облагалась налогом, когда с ней соединялась наличная рабочая сила — *capit*. Недостаток рабочей силы приводил к развитию системы «эпиболэ» (*надбавки, adiectio sterilium*), при которой подати за пустующую, брошенную разорившимися владельцами землю насильственно возлагались на владельцев соседних участков, способных приносить доход. Острогорский утверждает, что в VII в. происходит отделение поземельной подати от поголовной¹⁰.

Единственным доводом в пользу такого утверждения он приводит предположение, не подкреплённое никакими источниками, что это изменение порядка обложения вызвано наплывом новых элементов населения, относящихся к VII веку. Этот наплыв якобы устранил острый недостаток рабочих рук и позволил перейти к новой системе обложения. Но мы ведь хорошо знаем, что массовый наплыв новых, главным образом славянских, поселенцев в Византию происходил на протяжении V—VI вв., и к началу VII в.

¹ «Византийский временник». Т. XI, стр. 605. 1904.

² Успенский Ф. и Бенешевич В. «Вазелонские акты». Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XIV веков. Лнгр. 1926.

³ Вернадский Г. «Заметки о крестьянской общине в Византии». «Учёные записки», основанные Русской учебной коллегией в Праге. Т. I. Вып. 2-й, стр. 81—97. Прага. 1924.

⁴ Там же, стр. 87. Разрядка моя.—Б. Г.

⁵ Там же, стр. 88.

⁶ Там же.

⁷ Острогорский Г. «Византийский податный устав», стр. 123.

⁸ Вернадский Г. Указ. соч., стр. 87.

⁹ Ostrogorsky G. «Das Steuersystem im Byzantinischen Altertum und Mittelalter». «Byzantion», VI, fasc. I, S. 229—240. 1931.

¹⁰ Ibidem, S. 233—234.

этот процесс был в основном закончен. Поэтому нет никаких оснований относить изменения в податной системе к началу VII века. Верно лишь то, что при новой системе стала необходима прикрепления к земле.

Эта реформа отнюдь не является проявлением административного гения Ираклия. Борьба Византии со славянами в V—VI вв. привела к разорению сельского хозяйства, которое нуждалось в восстановлении. В процессе раннефеодального развития Византийской империи только свободная крестьянская община с коллективным трудом и коллективной собственностью на землю, упорно отрицаемая Острогорским, оказалась способной восстановить разрушенное сельское хозяйство.

Как показала в своём докладе на апрельской сессии 1945 г. отделения истории и философии АН СССР Е. Э. Липшиц, «местные общины, находившиеся ещё недавно в состоянии глубокого упадка, расцвели новой жизнью в связи со славянской колонизацией». Господствующие классы не могли уже сохранить старые, пережившие себя формы эксплуатации, и византийское правительство вынуждено было приспособить своё законодательство к стихийно сложившимся новым общественным отношениям. Правильно отмечает Острогорский, что земельный закон является первым памятником, в котором мы находим сведения о значительном слое свободного крестьянства. Однако этот памятник имел задачей лишь зафиксировать изменения, которые произошли в аграрном строе империи в VI—VII веках.

Эта кодификация, бесспорно, произведена в иконоборческую эпоху, и нет никакого основания приписывать эти реформы Ираклию, как это делает Острогорский¹. Ещё меньше оснований связывать появление сильной прослойки свободного крестьянства с организацией фемного строя и созданием системы стратегических участков, ибо наделение воинскими наделами ни в какой степени не могло повлиять на образование слоя свободных крестьян, вызванное совершенно иными процессами в развитии социально-экономического строя Византийской империи.

Выдвигая на первый план реформаторскую деятельность Ираклия, Острогорский в своей статье о «мнимой реформаторской деятельности Исауров»², как и в других своих работах, развенчивает иконоборческих императоров и отрицает всякое их отношение к изданию земельного закона и других законов, которые приписывались им крупнейшими авторитетами мирового византиноведения. Бесспорно, в буржуазной исторической науке имели место тенденции переоценивать иконоборческое движение, рассматривая его чуть ли не как прямого предшественника классовой борьбы эпохи Реформации. Наиболее крайним представителем подобной тенденции является греческий исто-

рик Папарригопуло³. Однако, как мы уже имели случай показать раньше в одной из наших работ, иконоборчество и развернувшаяся в связи с ним ожесточённая классовая борьба принадлежат к крупнейшим социальным движениям не только в Византии, но и вообще в истории средних веков⁴.

К правильному анализу иконоборческого движения близко подошёл К. Н. Успенский, выдвинувший теорию, объясняющую иконоборческое движение как борьбу центральной власти Византии против церковно-монастырского землевладения⁵. Хотя построения К. Н. Успенского отличаются некоторыми неточностями, всё же общепризнанным нужно считать тот факт, что борьба императоров против усиливавшегося светского и церковно-монастырского феодализма составляет основной фон, на котором развёртывается иконоборческое движение VIII—IX веков. Новое законодательство иконоборческих императоров было рассчитано на то, чтобы привлечь крестьянство на сторону центрального правительства в его борьбе против крупного светского и духовного землевладения⁶.

Чувствуя безразличность своих положений, Острогорский, собственно говоря, не считает даже нужным приводить какую бы то ни было аргументацию. В своей статье о «мнимой реформаторской деятельности Исауров» он просто провозглашает «истины», не подкрепляя своих взглядов ни одной ссылкой на источники, и ещё раз повторяет, что только тот взгляд, по которому решающие изменения в Византии произошли при Ираклии, может объяснить главные линии развития византийской истории.

В явном противозечии с богатейшим фондом источников по этому вопросу Острогорский утверждает, что монастырское землевладение не причиняло государству никакого ущерба. Он обвиняет иконоборцев в ликвидации высшего образования, считает их деятельность причиной глубокого упадка византийской культуры, а победу иконопочитания — исключительно плодотворной для Византии. Между тем крупнейшие авторитеты в области истории византийского искусства единодушно признают, что эпоха иконоборцев способствовала расцвету искусства и культуры⁷.

Диль считает, что если перед началом иконоборчества искусство Византии клонилось к упадку, то иконоборческое движение внесло в византийское искусство саскую

³ Paparrigopoulos «Histoire de la civilisation hellénique». pp. 182—240. Paris, 1878.

⁴ Горянов В. «Иконоборческое движение в Византии». «Исторический журнал» № 2 за 1941 г., стр. 68.

⁵ Успенский К. «Очерки по истории Византии». Ч. I-я, стр. 209—229, 237—265. М. 1917.

⁶ Горянов В. Указ. соч., стр. 72.

⁷ См., например, Diehl Ch. «Manuel d'art byzantin». T. I, p. 354, 363. Paris, 1940. В книге Дилья имеется обширная библиография по истории византийского искусства.

¹ Ostrogorsky G. Op. cit., S. 240.

² Ostrogorsky G. «Ueber die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurier». «Byzantinische Zeitschrift». Bd. XXX, S. 394—400. 1929.

струю, и «золотой век» его при Македонской династии объясняется именно влиянием иконоборческой эпохи. Иконоборческое движение вернуло византийскому художественную мысль к эллинистическим образцам, возродило в византийском искусстве вкус к античному натурализму, восстановило в нём античные традиции Возрождения культуры, расширение светского образования, новый расцвет искусства, — всё это имело своим основанием сдвиги, вызванные иконоборческим движением¹, сколько бы ни пытался это отрицать Острогорский.

Свою исследовательскую работу по изучению социально-экономического строя Византийской империи Острогорский продолжал в целом ряде менее крупных исследований, в которых он проводил и свои основные теории. В своих сводных работах, в которых он как бы подводит итоги, Острогорский особо останавливается на основных выводах, неоднократно им провозглашённых. К таким работам относится его статья об основах хозяйственного и социального развития Византийской империи². Повторяя здесь свои общие положения, Острогорский идеализирует Византийскую империю, исходя из своего представления о ней как о строго централизованном государстве, резко выделяющемся на фоне феодальной раздробленности Запада, считает её, по существу, единственным государством европейского средневековья. По мнению Острогорского, Византия «выделялась среди раздробленного феодального мира своим строгим централизмом. Она имела в своём распоряжении высокоорганизованный, зависимый от центра государственный аппарат и вела мировую торговлю. Её экономика строилась на денежном хозяйстве и регулярных доходах. Тщательно сбалансированный бюджет достигал в лучшие времена 100 млн. золотых марок, при тогдашней более высокой покупательной силе денег»³.

Совершенно верно, что Восточноримская империя сохранила значительные остатки торговли. Энгельс отмечал, что эти «уцелевшие остатки» торговли являлись основным отличием Восточной империи от Западной⁴. Маркс указывал, что в своём дальнейшем развитии Константинополь «до открытия прямого пути в Индию... был огромным торговым рынком»⁵, и называл его «золотым мостом между Востоком и Западом»⁶. Верно и то, что государственный аппарат Византийской империи поглощал огромные суммы, которые финансовому ведомству Византии удавалось выкачивать путём из века в век усчитывавшейся эксплуатации народных масс, жестокого налогового гнёта, ко-

торому всё сильнее подвергались низшие классы населения

Однако всё это не даёт никаких оснований для утверждений о византийском «централизме», якобы отличавшем Византию от феодального Запада. Сходство процессов феодализации в Византии и средневековом Западе уже давно стало общепризнанным в мировой науке. Русские византилисты, особенно Ф. И. Успенский, много поработали, чтобы доказать необходимость параллельного, сравнительного изучения процессов социально-экономической истории Византии и средневекового Запада. Всесторонние исследования Ф. И. Успенского позволили ему ярко показать аналогии во внутренней истории средневекового Востока и Запада. Для советских византистов-марксистов общность пути развития Византии и Западной Европы при всех их особенностях давно стала истиной, не нуждающейся более в доказательствах. Рост крупного светского и церковно-монастырского землевладения в Византии, который не могло остановить бессильное «централизованное» византийское правительство, непрерывное расширение иммунитетных прав византийских феодалов, — всё это приводило к децентрализации государственной власти. Победа крупной феодальной знати и поражение в борьбе с ней центрального византийского правительства — основная линия развития общественно-экономического строя Византии. Этот процесс является основной причиной развивавшегося упадка, а затем и гибели Византийской империи. И недаром вдумчивый византийский историк XIV в. Никифор Григора с грустью повествует, что империя раздробилась на мелкие части, «подобно великому кораблю, застигнутому бурей и разбитому волнами морскими»⁷. Всё это никак не вяжется с представлением о Византии как о централизованном государстве, возвышающемся незыблемой твердыней среди бушующих волн феодального средневекового Запада. Такое представление вполне соответствует реакционным идеалам Острогорского, но не находит себе никакого подкрепления в действительном внутреннем положении, которое имело место в Византийской империи.

Уже в годы Великой отечественной войны против немецких захватчиков вышел в Кембридже первый том предпринятой изданием экономической истории Европы со времени упадка Римской империи. Для этого тома Острогорскому поручено было написать статью об аграрных отношениях в средневековой Византии⁸. Острогорский вынужден признать, что в Византии происходил процесс поглощения государственных земель и земель мелких землевладельцев крупным землевладением, процесс прикрепления крестьянства к земле. Этот процесс, говорит он,

⁷ Nicephorus Gregoras, 1, 2.

¹ Горьянов Б. Указ. соч., стр. 77—78.

² Ostrogorsky G. «Die wirtschaftlichen und sozialen Entwicklungsgrundlagen des byzantinischen Reiches. Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte». Bd. XXII, S. 129—143. 1929.

³ Ostrogorsky G. Op. cit., S. 129.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 125.

⁵ Там же. Т. IX, стр. 382.

⁶ Там же, стр. 441.

⁸ Ostrogorsky G. «Agrarian Conditions in the Byzantine Empire in the Middle Ages». The Cambridge Economic History of Europe from the Decline of the Roman Empire, ed. by T. H. Chapman and Eileen Power. Vol. I. «The Agrarian Life of the Middle Ages», p. 194—223. Cambridge. 1942.

встречают сопротивление со стороны высокоцентрализованного государства, но сопротивление было ограничено, по его мнению, финансовыми потребностями государства. Острогорский выдвигает новый тезис для объяснения основной линии развития внутренней истории Византии. «Эти финансовые потребности государства были во все времена причиной формирования аграрных условий в Византии»¹.

Таким образом, провозглашая эту теорию, являющуюся крайним выражением идеализации византийского централизованного государства, Острогорский вовсе отказывается от изучения производительных сил и производственных отношений и при анализе общественно-экономического строя считает достаточным исключить из планируемой деятельности государственного аппарата, основанной на его финансовых потребностях.

В этой статье Острогорский снова возвращается к великому императору Ираклию, который вдохнул новую жизнь в стареющую Римскую империю и восстановил её своими решительными мерами». Но об увлечении Острогорского этим реакционным правителем мы достаточно говорили выше и не считаем нужным снова к этому возвращаться.

В статье Острогорского собраны весьма ценные сведения и об устройстве наделов и о технике межевания, налогового обложения. Но ценность статьи, как всегда, снижается тем, что он повторяет снова и снова свои изверженные положения. Здесь опять мы встречаемся с отрицанием общины. «Необходимо, — говорит Острогорский, — сделать ударение на том факте, что как в Римской, так и в Византийской империи собственность и земля были всегда наследственными и индивидуальными владениями». Острогорский снова настаивает в этой статье на том, что византийская сельская община создавалась государством на основе его административно-фискальных интересов. Нужно ещё раз подчеркнуть, что община в Византии существовала до конца империи, что она показала мощные силы сопротивления эксплуататорам-феодалам, что она развивалась на основе внутренних законов развития, а вовсе не по прихоти византийских администраторов, как это считает Острогорский.

Большое место в этой статье занимает изложение истории борьбы византийского правительства «за сохранение мелкого землевладения» в X веке. Эта борьба занимает в истории Византии действительно большое место. Византийское правительство в борьбе с усилением крупного землевладения пыталось приостановить процесс прогрессирующего закрепощения свободных крестьян феодалами, боясь усиления их политической власти. Острогорский, однако, не понял, что так называемые меры в защиту крестьянского землевладения принимались византийскими императорами только тогда, когда усиливались центробежные стремления византийских феодалов, когда государству угрожала опасность экономического и политического рас-

членения. В этой связи нужно отметить, что Острогорский не понял также и двойной роли византийской общины. Будучи верным оружием борьбы мелкого крестьянского землевладения против феодалов, община в Византии была вместе с тем и опорой государства против центробежных стремлений византийского феодализма. Здесь интересы центральной власти и мелкого крестьянства совпадают. Община была основанием самых грубых форм византийского деспотизма. Это отмечали классики марксизма, утверждавшие, что «там, где уцелел древний общинный быт, он везуду, от Индии до России, служил целью тысячелетия основанием самых грубых государственных форм восточного деспотизма»².

Острогорский приводит большой и интересный материал по анализу форм крупного светского и церковно-монастырского землевладения. Он правильно отмечает, что значительная часть церковной собственности состояла из монастырских поместий. Он весьма близок к истине, когда, изучая институт «проний», подтверждает, что линия развития шла на превращение условного и временного владения пронией в наследственную и неограниченную собственность. Эту линию развития Острогорский справедливо сравнивает с процессом, имевшим место в Московской Руси, где поместья постепенно превращались в вотчины. Круг развития завершился: наследственные землевладельцы получили далеко идущие привилегии, какие раньше применялись лишь к условно пожалованным феодалам прониаров, и владения типа проний пользовались всеми преимуществами частной и наследственной собственности.

Однако, когда мы встречаем у Острогорского попытки анализа положения зависимых крестьян — париков, — то снова сталкиваемся с положениями, которые не могут быть приняты. Острогорский пытается доказать, что земли зависимых париков были наиболее производительными из всех земельных владений. Он хочет даже показать, что между свободными крестьянами и париками не было «экономической или социальной пропасти, что экономически сравнение было не в пользу свободного крестьянства». Эти утверждения находятся в резком противоречии с доступными нам источниками.

В своём стремлении изобразить положение зависимого крестьянства в розовом свете Острогорский доходит до утверждения, что «Византия никогда не испытывала недостатка в пустующей земле». Это утверждение опять-таки находится в резком противоречии со всеми доступными нам памятниками, которые рисуют яркую картину измелчания участков мелких крестьян-землевладельцев, захватов их земель крупными феодалами и обезземеливания крестьян.

Не соответствующим показаниям источников является также утверждение, что «парики в крупных и более привилегированных владениях были в значительно лучшем положении, чем на землях мелких владений, лишённых привилегий». Это утверждение рез-

¹ Ostrogorsky G. «Agrarian Conditions in the Byzantine Empire in the Middle Ages», p. 194

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 183.

ко расходится с показаниями источников, которые рисуют картину безудержной эксплуатации и налогового гнёта, которым подвергались парики на землях феодалов.

Незадолго перед второй мировой войной Острогорский выступил с общим курсом по истории Византии¹, предназначавшимся для предприятия немецким издательством гандбуха византиноведения. В этом труде он повторяет свои взгляды по основным вопросам византийской истории, рассмотренные нами в настоящей статье.

Подведём некоторые итоги. В своих многочисленных исследованиях Острогорский обогатил византиноведение новыми ма-

териалами, ввёл в научный оборот много новых источников, снабдив их переводами, комментариями. Он сделал очень много по изучению техники измерения земли, налогового обложения, устройства крестьянских наделов, их взаимоотношений с поместьем и административными подразделениями византийской деревни. Однако в своей идеализации изобретённого им византийского централизованного государства Острогорский не мог уловить основной линии развития византийского феодализма. Его попытки приспособить привлекаемый им новый материал к предвзятым, заранее провозглашаемому им теориям лишают его возможности правильно оценить основную линию развития внутренней истории Византии.

Б. Горянов

КОУЛТОН Г. *Средневековая панорама. Англия от завоевания до реформации.*

COULTON G. *Medieval Panorama. The English Scene from Conquest to Reformation. XIV + 801 p., Cambridge.*

Дж. Гордон Коултон — один из крупнейших медиевистов современной Англии. Его перу принадлежит целый ряд специальных исследований и обобщающих работ по истории хозяйства, быта и культуры феодальной Европы, хорошо известных не только на его родине, но также и за её пределами¹.

Настоящая книга является как бы синтезом всех предшествующих научных изысканий её автора и представляет собой интересную, хотя, может быть, и слишком смелую по своему замыслу попытку изобразить в виде своеобразной литературной панорамы общественную жизнь Англии, а отчасти и всей Западной Европы в период расцвета феодализма, т. е. с XI по XV век.

Книга состоит из 52 небольших глав, средним размером в 10—20 страниц. В нескольких вводных главах, первая из которых эффектно, но слишком претенциозно озаглавлена «Котёл гнева господня» (намёк на библейский текст), Коултон изображает крушение античной цивилизации и распространение пришедшего ей на смену христианства, а затем пытается объяснить возникновение феодализма. После этого введения он приступает к своей непосредственной задаче — изучению социального строя и быта Англии в период от Нормандского завоевания до Реформаций. Рассмотрев в общих чертах процесс формирования английской нации, он сразу же переходит к изучению самого многочисленного в средние века общественного класса, т. е. крестьянства.

Он начинает с общей характеристики материального положения крестьянства, причём даёт очень наглядные, исполненные в полубеллетристическом стиле описания деревенских домов, сель-

скохозяйственных работ, системы открытых полей, крестьянских повинностей и т. д. Однако он не задерживается на социально-экономических проблемах. Его влечёт к себе другая сфера — сфера общественной психологии. Коултона интересует вопрос, как в описанной им социальной среде феодальной деревни складывалась духовная жизнь крестьян, каковы были их чувства, мысли и настроения.

Рассмотрению этого вопроса он и посвящает три специальные главы. В первой из них Коултон пытается показать и объяснить, как средневековый крестьянин мог приспособиться к своему тяжёлому и бесправному положению и как он реагировал на вопиющие социальные несправедливости своего времени. При этом Коултон в целом ряде конкретных примеров показывает господствовавшее в широких слоях крестьянства чувство глубочайшего недовольства условиями своего существования. Во второй главе он на богатом фактическом материале описывает формы народного творчества крестьян, в частности их песни и пляски (глава так и озаглавлена «Деревенские песни и пляски»). В третьей главе автор останавливается на средневековых суевериях, причём объясняет их возникновение непониманием явлений природы и страхом перед ними. По его мнению определению, суеверие — «это вера, основанная на невежестве».

От крестьянства наш автор обращается к другой группе населения, гораздо менее многочисленной, но игравшей, тем не менее, громадную роль в средневековом обществе, — к духовенству. В этом разделе книги читатель знакомится с различными звеньями католической иерархии, начиная от князей церкви — епископов — и кончая полуграмотными и полуголодными викариями, с системой подготовки священников, с материальным положением католического клира

¹ «The Medieval Village», «Five Centuries of Religion», «Social Life in Britain from the Conquest to the Reformation», «Art and Reformation» и т. д.

и с его культурным и моральным уровнем. Отдельную главу Коултон уделяет прихожанам и их отношениям со своими духовными пастырями.

Следующий кадр панорамы отведён рыцарству и королевскому двору. Однако, что очень характерно для взглядов автора, он не задерживается долго на описании жизни феодалов и, уделив им всего две главы, сразу же переходит к средневековому городу и его обитателям. Придерживаясь в общем концепции Пиренна, Коултон рассматривает процесс возникновения феодальных городов, описывает торговлю и транспорт, быт и нравы горожан и в отдельной главе останавливается на взаимоотношении канонической доктрины и действительности.

Во второй половине «Средневековой панорамы» перед читателем открывается сложный и столь далёкий от современного человека мир средневековой культуры. Эта часть книги представляет, пожалуй, наибольший интерес, так как вопросы идеологии привлекают особое внимание Коултона и представляют собой предмет его узкой научной специальности. Используя обильные и хорошо подобранные данные первоисточников, Коултон описывает систему обучения и воспитания в феодальной Европе, средневековые университеты, схоластическую философию и богословие, состояние естествознания, средневековую мистику и еретические учения, литературу и искусство. В заключение он очень подробно изображает зарождение и постепенное развитие нового, более широкого и свободного мировоззрения, приведшего, в конце концов, к великому умственному движению XVI в. и к Реформации. Последняя глава, столь же эффективно, как и первая, озаглавленная «Плотина рушится», отведена анализу тех сил, которые в своём совокупном действии подготовили Реформацию и сделали неизбежной её победу.

Такова общая канва, придерживаясь которой Коултон с любовью плетёт свои узоры средневековой жизни. Помимо перечисленных выше больших и кардинальных проблем он попутно затрагивает целый ряд более мелких вопросов, которым посвящены отдельные главы его работы («Столетняя война», «Чёрная смерть», «Суд и полиция», «Средневековое гетто», «Брак и развод», «Чосер», «Данте» и т. д.). Это придаёт книге ещё большую полноту и делает её, с точки зрения широты охвата материала и обилия описанных в ней исторических фактов, действительно некоторым подобием панорамы феодального общества.

Как же построена эта панорама, сумел ли её автор найти нужные тона и краски, чтобы нарисовать перед современным зрителем живую картину давно ушедших от нас веков, и, что особенно важно, сумел ли он дать правильное, подлинно научное объяснение общественных явлений?

Отвечая на этот основной для нашей рецензии вопрос, мы сразу же должны констатировать, что книга Коултона представляет собой в высшей степени характерное для многих современных англо-американ-

ских исследований в области культуры соединение недостаточного понимания общих закономерностей общественного развития с тонкими и часто правильными наблюдениями по отдельным, конкретным вопросам.

Неясность общих методологических представлений Коултона сказывается, пожалуй, нагляднее всего в трактовке им вопроса о происхождении феодализма, которому посвящена особая, четвёртая по счёту, глава. Он в общем правильно описывает те формы, в которых происходил процесс феодализации в поздней Римской империи и в варварских королевствах. Он отлично представляет себе, например, какую роль в феодализации римского общества сыграли прекарий и патронии. Однако социально-экономическую сущность этого процесса, состоящую в смене одного общественного уклада другим, Коултон не видит и не понимает. Пытаясь найти какие-то общие причины возникновения феодализма, он утверждает, что последний возник из смешения борьбы «коллективистских» начал римского общества и «индивидуалистических» — древнегерманского (стр. 45). Бесплодность и даже дилетантизм такого объяснения вполне очевидны, не говоря уже о том, что совершенно непонятно, почему у римлян господствовал коллективизм, а у древних германцев, находившихся тогда на последней стадии первобытнообщинного строя, — индивидуализм. Казалось бы, скорее должно было быть наоборот. В данном случае перед нами очень наглядный пример того, как историк, не стоящий на почве материалистического объяснения общественных явлений, несмотря на свою несомненную эрудицию и знание фактического материала, даёт совершенно произвольные объяснения фактов.

Эта методологическая беспомощность нашего автора сказывается и в трёх первых, вводных главах его книги, в которых идёт речь главным образом о христианстве эпохи раннего средневековья. В этих главах Коултон приводит интересные и весьма характерные для изображаемого им периода данные о том, как в Западной Европе распространялось христианство и как постепенно выработывалась организация католической церкви, но не даёт ответа на естественно возникающий у читателя вопрос, почему всё это происходило, почему в феодальной Европе утвердилось христианство в форме средневекового католицизма. По сути дела, Коултон уже самим построением своей работы исключает возможность такого ответа, так как рассматривает возникновение идеологии феодального общества до того, как он даёт описание самого этого общества. Глава о сущности и происхождении феодализма расположена не ранее, но после глав о формировании религиозной идеологии эпохи феодализма.

Двух приведённых нами примеров достаточно, чтобы показать читателю, в чём слабость рецензируемой работы. Коултону чуждо представление об историческом процессе как о закономерном происходящем развитии и смене общественных формаций. Во многих случаях он просто описывает факты, не будучи в состоянии вскрыть их внутреннюю

связь и взаимную обусловленность. Поэтом у в панораме Коултона читатель стал бы напрасно искать изображение общих социально-экономических закономерностей развития западноевропейского феодального общества. По сути дела она представляет собой лишь описание отдельных сторон жизни этого последнего.

Само собой понятно, что неспособность разобраться в таких важных, принципиальных проблемах, как генезис феодальных отношений или возникновение католической церкви, неизбежно приводит Коултона к ошибкам и в более мелких вопросах. В качестве примера можно указать неудачное объяснение им коммутации крестьянских повинностей в Англии XIV в., явно неудовлетворительное объяснение причин культурного подъёма XI—XII вв., негочное и крайне расплывчатое употребление слова «капиталист» в смысле просто богатого человека и т. д.

Однако о Коултоне можно сказать то, что уже неоднократно говорилось о многих немарксистских учёных, а именно, что внимательное и добросовестное изучение исторических фактов независимо от его неправильных историко-философских взглядов, а часто и вопреки им само по себе наталкивает его на правильное решение если и не всех, то всё же многих важных вопросов. Некоторые выводы, к которым приходит Коултон в результате своей многолетней работы над средневековыми источниками, бесспорно, интересны и заслуживают самого серьёзного внимания.

Прежде всего нельзя не согласиться с Коултоном в его трезвой и критической оценке средневекового католицизма. В ряде глав своей работы он даёт в высшей степени реалистические описания католической церкви и последовательно опровергает все попытки идеализировать её и преувеличить ту роль, которую она сыграла в развитии феодальной Европы.

На обширном материале источников Коултон убедительно показывает, что невежество и безграмотность католического духовенства вовсе не были болезненным явлением на будто бы здоровом теле церкви, но, наоборот, были явлениями обычными и нормальными, представляли собой естественный и необходимый результат всей системы подготовки клириков и распределения между ними духовных должностей (гл. XII, XIII).

Не менее убедительные данные приводит он и в подтверждение величайшей моральной распушенности основной массы средневекового духовенства (гл. XIV).

Очень интересно, хотя и в меньшей степени обосновано источниками, утверждение Коултона, что католическое духовенство вообще не играло той роли в культурной жизни средневековья, которую ему часто приписывали. Вообще, по мнению Коултона, культурный подъём феодальной Европы XII—XV вв. был делом рук совершенно светской по своему быту и образу мыслей интеллигенции, начавшей слагаться в городах того времени.

В столь же реалистических тонах изображает Коултон и жизнь сельского населения феодальной Европы. Как известно, в трудах многих историков в той или иной форме проводилась мысль, что патриархальность господствовавших в средневековом поместье отношений в некоторой степени смягчала бесправное и зависимое положение крестьянства. Специально для Англии, например, указывалось, что обычное манориальное право в значительной мере ограничивало произвол лордов. Коултон отнюдь не злоупотребляет розовой краской, рисуя картину быта феодальной деревни. Он совершенно правильно утверждает, что крайне низкий уровень материальной культуры крестьян и грубо эксплуататорское отношение к ним со стороны феодалов, церкви и государства создавали для них, с точки зрения современного человека, совершенно невозможные условия существования (гл. VI, VII). Коултон убедительно показывает, что весь уклад жизни феодальной Европы был таков, что ставил простой народ в совершенно бесправное и приниженное положение. По его словам, только французская революция, с её новыми веяниями, радикально изменила в лучшую сторону положение крестьянства западноевропейских стран (см. стр. 82).

Историческое чутьё Коултона заставило его остаться в стороне от модных в современной западноевропейской историографии попыток модернизировать средневековые стертые резкие грани между феодальным и капиталистическим обществами. Во многих местах своей книги он настойчиво подчёркивает по преимуществу замкнутый и натуральный характер хозяйства феодальной деревни, накладывавший свой решающий отпечаток на быт и психику средневекового человека.

Таким образом, несмотря на отмеченный выше коренной методологический порок работы Коултона, читатель всё же найдёт в ней интересные и в общем близкие к действительности описания по крайней мере некоторых явлений средневековой жизни. К этому нужно прибавить, что Коултон собрал поистине огромный и чрезвычайно живописный фактический материал по истории культуры и быта феодальной Европы.

В среднем на одну страницу его большой книги приходится, вероятно, по несколько небольших цитат, с исключительным трудолюбием и знанием предмета выбранных из громадного числа самых разнообразных источников, большинство которых используется обычно только в узко специальной литературе. В результате этого со страниц его книги на читателя буквально веет подлинным ароматом эпохи. Даже те главы, в которых Коултон не сумел дать правильное объяснение описываемых событий (например первые четыре главы), часто содержат настолько интересные и красочные факты и цитаты, что и они могут быть прочтены с интересом и пользой.

Ю. Корхов

Album of American History. Colonial Period. James Truslow Adams, Editor in chief, R. V. Coleman, Managing Editor, V. I. Burke, Associate Editor, Atkinson Dymosk, Art Director. 411 p. Charles Scribner's sons. N. Y. 1944.

Альбом американской истории. Колониальный период. Под редакцией Дж. Адамса.

Книга представляет собой первый том издания, рассчитанного на 4—5 томов. «Как одевались наши предки, чем они занимались и какого рода инструментами и приспособлениями при этом пользовались; каков был их внутренний и внешний вид их домов,— словом, если бы мы могли вдруг перенестись в их жизнь, что бы мы увидели?» Такими словами начинается предисловие к альбому, в котором редакция объясняет читателю задачи предпринятого издания.

Отмечая, далее, что никакое словесное описание, каким бы точным и живым оно ни было, не может дать такого наглядного представления о жизни предков, как картины из этой жизни, редакция указывает, что задачей издания является представить историю Америки в наглядных изображениях (through pictures).

При подборе наглядных изображений жизни прошлого составители руководствовались тремя основными принципами: прежде всего они включали в альбом только достоверные изображения, правильно отражающие представленные на них факты; во-вторых, изображения, сделанные в ту эпоху, какую они представляют (не включены всякого рода позднейшие реконструкции), и, в-третьих, лишь такие изображения, которые рисуют характерные стороны жизни прошлого. Общее количество снимков—более тысячи. Большое внимание уделили составители жилищам американцев в колониальный период; в альбом включено много рисунков, показывающих внешний вид, внутреннее устройство и обстановку жилых домов в разных местах английских колоний в Северной Америке в разные десятилетия XVII и XVIII веков. Значительное количество снимков посвящено мебели и иным предметам домашней утвари и обстановки. Много места отведено костюму, в особенности женскому. Представлены также рисунки, изображающие колонистов за работой на полях и в мастерских. Есть рисунки, изображающий биржу в Нью-Йорке в 1754 г., рисунки школьных зданий, церквей, аптеки XVIII столетия. Обильно представлены корабли, не забыты и повозки фермеров.

Ряд рисунков посвящен изображению различных эпизодов истории религиозной жизни страны и истории театра. Имеются пейзажи североамериканской природы работы мастеров изображаемой эпохи, рисунки, представляющие животный и растительный мир страны. В основном рисунки посвящен-

ны жизни белых, но некоторое внимание уделено также неграм и индейцам. Кроме рисунков имеется значительное количество снимков других категорий. Представлены старинные карты колоний и планы городов. Много дано портретов политических деятелей, работников науки и искусства. Здесь, кроме американцев, представлены также и иностранцы, принимавшие участие в войне за независимость,— Костюшко и Лафайет. Даны факсимиле старинных исторических документов и в числе их— знаменитой декларации независимости. Имеются факсимиле и частных актов (счетов, купчих и т. п.), приведенных в качестве материала по истории хозяйства и быта.

Напечатаны тигульные листы некоторых изданных в колониальный период в Северной Америке книг и снимки страниц вышедших тогда газет.

Составители указывают в предисловии, что, подбирая изобразительный материал по истории американского народа, они стремились показать историю жилища, жизни и занятий не только обеспеченных классов, но и бедняков. Это удалось лишь отчасти. Преобладают всё же рисунки, изображающие жизнь обеспеченных и зажиточных элементов американского народа, а также жизнь верхушки буржуазии.

Материал расположен в хронологическом и географическом порядке. Внимание американцев к местной истории сказалось и здесь: специальные отделы отведены пуританской Новой Англии, долинам Гудзона и Делавара, Мериленду, Северной и Южной Каролине, Георгии, Пенсильвании. Снимки сопровождаются кратким текстом, указывающим время и место и поясняющим содержание рисунков. К каждому напечатанному снимку (за немногими исключениями) указан источник, откуда данное изображение взято.

В начале альбома приведён длинный список местных исторических обществ, музеев, библиотек и других научных организаций, а также частных лиц, предоставивших редакции материалы.

По широте охвата и по количеству снимков данное издание будет представлять собой выдающееся явление в зарубежной исторической литературе и будет весьма полезным для всех, интересующихся историей США.

В. Яцунский

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Иностранные книги по истории нового времени: III. 1914—1918.

FORSTER K. *The failures of peace. The search for a negotiated peace during the world war.* Introd. by E. M. Patterson. American council of public affairs. Washington. 1941. VI, 159 p.

ФОРСТЕР К. *Неудачные попытки заключения мира.* Поиски компромиссного мира в период Первой мировой войны.

HARDY Ch. *Wartime control of prices.* Washington. 1940. X, 216 p. (The Institute of economics of the Brookings institution. Publication. № 84).

ГАРДИ Ч. *Регулирование цен в период войны.* (Первая мировая война).

LEON M. *How many world wars? The warning of Foch.* New York. Dodd, Mead & co. 1942. XVI, 164 p.

ЛЕОН М. *Сколько же будет мировых войн?* Предупреждение Фоша.

MAURICE F. *Lessons of allied co-operation: naval military and air 1914—1918.* London. Oxford university press. 1942. VII, 195 p.

МОРИС Ф. *Уроки согласованных действий союзников: военно-морские и воздушные операции в 1914—1918 гг.*

RANDAU R. *We have seen evil. A background to war.* London. Faber & Faber. 1941. 248 p.

РЕНДОУ Р. *Мы были очевидцами зла.* Причины войны.

Studies in war economics. Montreal—London. King. 1941. 199 p. (International labour office. Studies and reports. Series B. (Economic conditions. N 33).

Исследования в области народного хозяйства.

CHAMBERLIN W. *Industrial relations in wartime. Great Britain 1914—1918.* Annotated bibliography of materials in the Hoover library on war, revolution and peace. Stanford university, California. Stanford university press.—London, Milford. Oxford university press. 1940. X, 239 p.

ЧЕМБЕРЛИН У. *Промышленные отношения в военное время.* Великобритания в 1914—1918 гг. Аннотированная библиография материалов в «Библиотеке Гувера по войне, революции и миру».

FRASURE C. *British policy on war debts and reparations.* Philadelphia. Dorrance. 1940. 188 p.

ФРЕЖУР К. *Британская политика в отношении военных долгов и репараций.*

SACKS B. *The independent labor party and social amelioration in Great Britain during the world war.* Albuquerque. University of New Mexico press. 1940. 37 p. (The University of New Mexico bulletin. Sociological ser. Vol. 2. N. 6.).

САКС Б. *Независимая рабочая партия и социальные улучшения в Великобритании во время Первой мировой войны.*

WALWORTH G. *Feeding the nation in peace and war.* London. Allen & Unwin. 1940. 549 p.

УОЛВОРС ДЖ. *Продовольственное снабжение населения Англии в мирное и военное время.*

DAUDET L. *Clémenceau. A stormy life.* London and oth. Hodge. 1940. 296 p.

ДОДЭ Л. *Клемансо.* Бурная жизнь.

History of the great war based on official documents. Military operations France and Belgium, 1918. Compiled by E. Edmonds. London. 1939. XXXII, 385 p.

История великой войны на основе официальных документов. Военные операции во Франции и Бельгии, 1918.

TARDIEU A. *Avec Foch (août—novembre 1914). Notes de campagne accompagnées de quatre cents ordres et comptes rendus du Haut commandement.* Paris. Flammarion. 1939. 283 p.

ТАРДЬЕ А. *Вместе с Фошем.* Заметки о кампании августа—ноября 1914 г. с приложением четырёхсот приказов и донесений высшего командования.

SPERANZA G. *The diary of Gino Speranza. Italy 1915—1919.* Ed. by F. C. Speranza. Vol. 1—2, New York. Columbia university press. 1941. Vol. 1, 1915—1916. XXVII, 406 p. Vol. 2, 1916—1919. 336 p.

СПЕРАНЦА ДЖ. *Дневник Джино Сперанца.* Италия в 1915—1919 годах. Под ред. Ф. Ц. Сперанца. Т. 1—2.

BAILEY Th. *The policy of the United States toward the neutrals, 1917—1918.* Baltimore

Ylms Hopkins press, 1942. XVII, 520 p. (The Albert Shaw lectures of diplomatic history, 1941. The Walter Hynes Page school of international relations).

БЕИЛИ Т. *Политика Соединённых Штатов по отношению к нейтральным государствам в 1917—1918 гг.*

BARUCH B. *American industry in the war. A report of the war industries board (March 1921)*. incl. besides a reprint of the report of the war industries board of world war I, Mr. Baruch's own program for total mobilization of the nation as presented to the War policies commission in 1931, and current material on priorities and price fixing. With a foreword by B. M. Baruch and an introduction by H. S. Johnson. Ed. by R. H. Hippelherger. New York. Prentice Hall. 1941. XII, 498 p.

БАРУХ Б. *Американская промышленность в период войны*. Отчёт департамента военной промышленности (март 1921 г.).

CHILD C. *The German—Americans in politics 1914—1917*. Madison. The university of Wisconsin press. 1939. IV, 193 p.

ЧАЙЛД К. *Американцы немецкого происхождения в политике 1914—1917 гг.*

GORRELL E. *The measure of America's world war aeronautical effort*. A lecture delivered by E. S. Gorrell. Northfield, Vermont. Norwich university. 1940. VI, 78 p. (Under the James Jackson Cabot professorship of air traffic regulation., N 6. 1940).

ГОРЕЛЛ Э. *Объём американских усилий в области воздухоплавания в период Первой мировой войны*.

HOFFMAN B. *I remember the last war*. New York, Pennsylvania. Strength & Health publ. co. 1940. 320 p.

ГОФМАН Б. *Я вспоминаю последнюю войну*. Воспоминания лейтенанта армии США.

MORRISSEY A. *The American defence of neutral rights 1914—1917*. Cambridge. Harvard university press. 1939. XXII, 230 p.

МОРРИСЕЙ А. *Защита Америки прав нейтрального государства в 1914—1917 гг.*

RICHER L. *La conscription au Canada en 1917*. Comment le Parlement la décida. Montreal. 1 42. 43 p. (Le document. Collection des textes publ. à intervalles irréguliers par "Le Devoir" de Montréal. N 34. février 1940).

РИШЕ Л. *Призыв в армию в Канаде в 1917 г.* Разрешение парламентом этого вопроса.

PADELFORD N. *The Panam canal in peace and war*. New York. 1943. 327 p.

ПЕДЕЛЬФОРД Н. *Панамский канал в мирное и военное время*.

STEFUBEN J. *Labor in wartime*. New York. International publ. 1940. 159 p.

ШТЕЙБЕН ДЖ. *Труд в военное время*.

ADAMS J. *Flight in winter*. Princeton. University press. 1942. 281 p.

АДАМС Д. *Отступление зимой*. Отчёт о сербском отступлении (1915).

BELL G. *The Arab war*. Confidential information for general headquarters from Gertrude Bell. Being despatches reprinted from the "Arab bulletin". Introd. by K. Cornwallis. London. Golden Cookerel press. 1940. 51 p.

БЕЛЛ Г. *Война арабов*. Конфиденциальная информация для штаба главнокомандующего. Доконения, перепечатанные из секретного «Бюллетеня по делам Аравии».

GREBLER L. and WINCKLER W. *The cost of the world war for Germany and to Austria-Hungary*. New Haven. Yale university press. 1940. XV, 197 p. (Economic and social history of the world war. Supplementary volumes).

ГРЕБЛЕР Л. и УИНКЛЕР У. *Стоимость мировой войны для Германии и для Австро-Венгрии*.

HUMBOLD H. *The War crisis in Berlin July—August 1914*. To which is added Sir Horace Humbold's despatch (sent from Berlin, April 26, 1933). London. Constable. 1940 XVII, 372 p.

ГУМБОЛЬДТ Г. *Предвоенный кризис в Берлине в июле—августе 1914 г.* С приложением телеграммы сэра Г. Гумбольдта (отправленной из Берлина 26 апреля 1933 г.).

JAMES H. *German subs in yankee waters*. First world war. New York. Gotham House 1940. XII, 208 p.

ДЖЕМС Г. *Германские подводные лодки в американских водах*. Первая мировая война.

READ J. *Atrocity propaganda 1914—1919*. New Haven, Yale university press; London, Milford. Oxford university press. 1941. IX, 319 p.

РИД ДЖ. *Пропаганда жестокости (немецкой) в 1914—1919 годах*.

Сектор истории Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Научные сессии, посвящённые М. И. Кутузову

14 сентября состоялось заседание Учёно-го совета Института истории АН СССР, посвящённое памяти М. И. Кутузова.

Акад. Греков, открывший заседание, в своём вступительном слове остановился на значении и роли Кутузова в истории СССР, особо подчеркнув связь Кутузова с народом во время событий 1812 года.

Теме «Кутузов как один из основоположников русского военного искусства» посвящён свой доклад проф. Н. М. Коробков. Как известно, создателем русской регулярной армии и первым её полководцем был Пётр I. Румянцев и затем Суворов создали совершенную систему обучения и использования этой армии. Кутузов же воспринял эту систему и развил её дальше. Проф. Коробков различает три периода в военной деятельности Кутузова не только по численности руководимых Кутузовым войск, но и по масштабам военных действий, а, следовательно, и по приёмам ведения военных действий.

Полководческий облик Кутузова складывался в 1764—1791 гг., когда действующие русские армии были численно ограничены, а в странах Западной Европы армии продолжали строиться на принципе вербовки и найма. Уже в ту пору Кутузов проявлял себя незаурядным командиром. Нового подъёма военный гений Кутузова достиг в кампаниях 1805 и 1811 гг., которые протекали в иных условиях более сложных международных и политических взаимоотношений в Западной Европе, где приходилось действовать русским армиям. Иными были и масштабы военных действий и их последствия. Кутузов, выступая в этот период как военачальник и развивая опыт суворовской школы применительно к конкретным условиям этих войн, проявил исключительный стратегический талант, способности к глубокому прогнозу и гибкость полководческой мысли. Вершиной его военной деятельности была война 1812 года. Тогда М. И. Кутузову впервые в русской истории пришлось руководить огромными по численности войсками и боевыми действиями, ведшимися на больших пространствах. Кутузов был в те годы не только военным начальником, но и в силу доверия армии и народа человеком, на котором лежала ответственность за исход войны. Кутузов возглавил народную войну, придав партизанским действиям организованный характер и наряду с этим впервые применил метод координированного действия армейских групп, их контрприцельного действия.

Кутузову как дипломату был посвящён

доклад акад. Е. В. Тарле. С присущим ему мастерством акад. Тарле нарисовал образ Кутузова-дипломата. Рано проявились дипломатические способности Кутузова. Это заметила Екатерина II и не раз их использовала. Она посылала Кутузова в Крым и в Турцию с дипломатическими поручениями, и он блестяще с ними справлялся. Его знания Турции и дипломатические способности позволили в 1812 г. заключить мирный договор с Турцией, что нарушало планы Наполеона и изменило обстановку в самом начале войны в пользу России.

М. И. Кутузов и на поле сражения оставался тем же разносторонним человеком, учитывающим все факторы, в том числе и дипломатические. Это сказалось в 1805 г., когда Кутузов, считая вредным делу России и русской армии немедленное выступление на встречу Наполеону, противодействовал Александру и Францу австрийскому и вёл свою линию. Но Кутузов тогда не мог спасти русскую армию, которая была брошена под Аустерлицем на разгром Наполеону. Кутузов предсказывал это, за что его и возненавидел Александр I. И во время 1812 г., уже облечённый полною властью, Кутузов был связан в своих действиях Александром I, с которым он расходился по всем коренным вопросам ведения войны. Ему приходилось считать не только с Александром I, но и с Р. Вильсоном, представителем Англии в его штабе. Кутузов нашёл в себе силу, которую он черпал в уверенности в своей правоте, для того чтобы осуществить свой план разгрома Наполеона.

Победой над Наполеоном Россия обязана Кутузову не только как главнокомандующему, но и как дипломату и государственному человеку.

Определяющим мотивом всей деятельности Кутузова была его безпредельная любовь к России. «Это был настоящий и подлинный русский патриот», — заключает свой доклад акад. Тарле.

Памятникам о Кутузове было посвящено сообщение проф. В. А. Афанасьева. Их немало: обелиском на Бородинском поле обозначен командный пункт Кутузова, в память Тарутинского сражения воздвигнут монумент в Тарутине, в Москве таким памятником служит кутузовская изба в Филах, где Кутузов проводил совещание накануне отступления из Москвы. Имеется памятник Кутузову в Ленинграде. В Крыму, в 10—15 км к северу от Алушты, поставлен памятник в виде фонтана в знак происходив-

шего здесь сражения и первого тяжёлого ранения Кутузова. Имеется ещё памятник в Бунцлау, где умер в апреле 1813 г. Кутузов. Докладчик находит, что перечисленных памятников недостаточно для увековечения памяти великого полководца, и называет ряд пунктов, где должны, по его мнению, быть воздвигнуты в честь Кутузова памятники, обелиски и др.

Заседание Учёного совета института проходило в присутствии большого числа собравшихся, в том числе представителей Красной Армии, интеллигенции, научных работников и советской общественности.

◆ По решению СНК СССР 4 и 5 октября в Москве, в Центральном доме Красной Армии состоялась научная сессия Высшей военной академии имени Ворошилова совместно с Военной академией имени Фрунзе, Артиллерийской академией имени Дзержинского и Военно-инженерной академией имени Куйбышева посвящённая 200-летию со дня рождения великого русского полководца фельдмаршала М. И. Кутузова.

Открывая сессию, исполняющий должность начальника Высшей военной академии генерал-лейтенант Мордвинов в кратком вступительном слове определил значение Кутузова как талантливейшего представителя русской национальной военной школы, русского военного искусства. «Кутузов руководил операциями и боевыми действиями русской армии в войнах несравненно в более широких масштабах, чем это было до него. Он действовал как полководец в моменты величайшей опасности, тяжёлых кризисов. В своей стратегии Кутузов проявил всю глубину и ясность ума умудрённого опытом военачальника и государственного деятеля». Кутузов поднял на новую, высшую ступень русское военное искусство, основоположником которого были выдающиеся полководцы — Пётр I, Румянцев и Суворов. «Полководческое искусство Кутузова оказалось выше полководческого искусства Наполеона».

Научному анализу полководческой деятельности Кутузова, а также состоянию артиллерии и военно-инженерного дела в эпоху Кутузова были посвящены доклады прочитанные на сессии.

Первый доклад на тему «Полководческое искусство Кутузова» сделал доктор военных наук, профессор Высшей военной академии имени Ворошилова генерал-лейтенант Готовцев. На основе исследования боевой деятельности Кутузова, подробно анализируя ряд сражений и кампаний, проведённых полководцем в войне 1805 г. против Наполеона, в русско-турецкой войне 1811 г. и наконец в Отечественной войне 1812 г. и в начале похода в Европу в 1813 г., тов. Готовцев показал активный характер кутузовской стратегии. Кутузов перед каждым сражением имел ясно намеченную стратегическую цель и, исходя из неё, строил операционные планы. Глубокое пропикнование в сущность стратегической обстановки позволяло Кутузову разгадывать замыслы противника. Не допуская в своих решениях шаблона, Кутузов каждый раз вносил новое в

военные операции. Прекрасно понимая главное, умея смело жертвовать частным во имя целого, свои военные планы Кутузов проводил гибко и твёрдо. Результатом этого было подчинение своей воле планов противника и нанесение ему решительного поражения.

Подробному анализу кутузовской тактики в Бородинском сражении был посвящён доклад преподавателя Высшей академии имени Фрунзе полковника Прунцова.

На следующем заседании сессии, 5 октября, был заслушан доклад доктора военных наук профессора Артиллерийской академии имени Дзержинского генерал-лейтенанта Четкова. На материале исследования ряда важнейших операций докладчик показал, какое первостепенное значение придавал Кутузов артиллерии и с каким искусством он умел пользоваться в бою этим могучим средством войны. Русская артиллерия не уступала французской, а благодаря высокому боевому духу русских артиллеристов, в решающих операциях имела преимущество над врагом.

Доклад кандидата технических наук, доцента Военно-инженерной академии имени Куйбышева полковника Ефремова был посвящён теме «Кутузов и военно-инженерное дело». На сравнительном анализе системы военно-инженерных укреплений лрисского лагеря и Бородинского поля сражения докладчик показал, насколько умело и искусно под руководством Кутузова строилась система обороны и как тонко учитывались при этом малейшие недостатки и преимущества местности, а также тактика врага.

В заключение заместителем начальника Центрального военно-исторического архива полковником Кузнецовым был сделан доклад на тему «Архивные документы о полководческой деятельности Кутузова», в котором был дан подробный обзор наличия архивов, хранящих документы об эпохе и деятельности великого полководца.

Закрывая сессию, генерал-лейтенант Мордвинов отметил, что проделанная сессией работа есть только начало научной разработки наследств великого русского полководца, и призвал военных историков к более глубокому его исследованию и изучению.

На сессии приняли участие профессора и слушатели военных академий, а также представители Московского университета, Академии наук СССР и других научных учреждений столицы.

В аванзалах Центрального дома Красной Армии участники сессии с интересом знакомылись с экспонатами выставки, посвящённой жизни и деятельности великого полководца.

◆ Кафедра истории СССР исторического факультета МГУ под руководством чл.-корр. АН СССР проф. Минца организовала 19 сентября 1945 г. заседание, посвящённое 200-летию со дня рождения великого русского полководца М. И. Кутузова.

Заседание открыл проф. Минц. В своём докладе он остановился на значении Кутузова — политика, дипломата, полководца и

патриота своей родины. Кутузов близок нам и делам наших дней. Сталинское военное искусство и Красная Армия не только критически освоили опыт и искусство великих русских полководцев, но и создали свою, победоносную сталинскую тактику. Гениальность Кутузова состоит в том, что он понял то новое, что вносили условия XIX в. в военное искусство тех дней, и сумел это блестяще реализовать в войне 1812 г., в то время как Наполеон не постиг этого.

Именно в этом и кроется одна из причин поражения Наполеона. Кутузов был гениальным политиком. Он любил свой народ и верил в него. Он понимал, что национальные интересы совпадают с интересами русского крестьянства, и безбоязненно доверил народу оружие для партизанской борьбы против врага. Это было совершенно необычно для крепостной, помещичьей России. Жизнь показала глубокую мудрость кутузовского ума, близость к народу и патристичность великого полководца. Народы Советского Союза и советское правительство чтят память великого полководца. Орден Кутузова — ярчайшее тому доказательство, говорит докладчик.

На заседании с докладом о Бородинском сражении выступила проф. Нечкина. Она указала на отсутствие монографий о Бородине и дала критический разбор историографии сражения, указав на то, что исследователи Бородина не давали анализа кутузовских стратегических замыслов и их воплощения в сражениях.

Желая ответить на вопрос о том, какие задачи были поставлены Кутузовым в Бородинском сражении и как они были решены им, докладчица производит анализ этого сражения. Опираясь первоисточниками (кутузовская диспозиция, переписка с Александром I, кроки, реляции отдельных командиров и французские военные документы и мемуары полковника Пеле), она показывает, что Кутузов замыслил это сражение как оборонительное, могущее перейти в наступление и преследование противника. Зная наполеоновскую тактику, Кутузов расположил на левом фланге с более слабыми природными укреплениями, чем на правом, резервы — корпус Тучкова, задачей которого было не допустить прорыва левого фланга. Неудачи в прорыве левого фланга русских войск нарушили первоначальный план Наполеона и вынудили его с некоторым промедлением изменить план сражения, перенеся прорыв фронта в центр. Однако кутузовские войска отстояли и центр фронта. Это окончательно нарушило планы Наполеона и заставило его отказаться от использования последнего своего резерва — гвардии. Наполеон первый приказал прекратить канонаду.

Стало быть, Кутузов ещё до начала Бородинского сражения разгадал наполеоновский замысел сражения и выполнил поставленную себе задачу, сорвав этот замысел. Наполеон же не смог выполнить намеченной им задачи. Это положение докладчица обосновывает документами русскими и французскими. Бородинское сражение, говорит

докладчица, — это смертельная рана, нанесённая Кутузовым в сердце французской армии. Бородино — первоклассная военная и моральная победа Кутузова над Наполеоном. Бородинское сражение, задуманное Кутузовым как активно-оборонительное сражение, направленное к срыву наполеоновского стратегического замысла, было блестяще выполнено кутузовскими войсками и принесло победу Кутузову, которую вынужден был признать и сам Наполеон.

◆ 12 октября 1945 г. под председательством проф. Минца состоялось второе расширенное заседание кафедры истории СССР, на котором был заслушан доклад доц. И. Г. Рындоносского на тему «Кутузов и русская армия».

Указав на крайне недостаточную разработанность данного вопроса в военно-исторической литературе, докладчик подчеркнул огромную роль Кутузова как организатора русской армии, военно-организационные мероприятия которого, особенно решение важнейшей проблемы резервов, оказали большое влияние на ход Отечественной войны 1812 года.

Накануне войны среди русских руководящих военных кругов существовала недооценка сил неприятеля и преуменьшался количественный состав наполеоновской армии. Это отрицательно отразилось на стратегических планах русского командования («план Фуля»). В момент назначения Кутузова главнокомандующим русская армия не имела достаточных резервов, и это обстоятельство в значительной мере обусловило августовский кризис.

Докладчик подробно изложил мероприятия Кутузова по укреплению русской армии с момента его назначения и особенно в тарутинский период и показал стремление Кутузова пополнять действующую армию лишь наиболее обученными и подготовленными частями. Были случаи, когда главнокомандующий возвращал из Тарутина в районы комплектования плохо подготовленные и небоеспособные подразделения. Результатом этой деятельности Кутузова в тарутинский период были пополнение действующей армии наиболее боеспособными частями и создание второй резервной армии.

Далее докладчик высказал мнение о том, что накануне войны 1812 г. началась ломка старой военной системы, предпринятая Александром I и его ближайшим окружением под влиянием генералов — немецких эмигрантов. Кутузов проводил политику восстановления старой, исторически сложившейся в России военной системы, причём в эту систему Кутузов внёс новое — сочетание в войне действий регулярной армии с народной войной. Это нашло своё выражение не только в том, что Кутузов содействовал развитию народной партизанской войны, но также и в том, что отряды народного ополчения органически включались в войсковые соединения. Кутузов создал новые формы военной организации, например корпуса, включающие стряда лёгкой кон-

ницы (казаков) и отряды народного ополчения. Особое внимание уделял Кутузов кавалерии.

В заключение докладчик сделал вывод о том, что военная организация русской армии, созданная Кутузовым к концу кампании 1812 г., стояла выше военной организации французских войск.

По докладу развернулись прения, в которых все выступавшие единодушно отметили большое научное значение и интерес самой темы доклада, а также новое и правильное решение докладчиком ряда вопросов. Однако некоторые тезисы докладчика встретили критику и возражения.

Проф Нечкина считает необходимым обратить большее внимание на выяснение роли помощников и сподвижников Кутузова в деле реорганизации русской армии в ходе войны 1812 года. Она возражает против преувеличения автором влияния немецкой эмигрантской группы на разрешение военно-организационных вопросов в армии накануне войны.

Проф. Дружинин отметил преувеличение докладчиком значения частных причин слабости русской армии в первый период войны и недооценку общей важнейшей причины, коренившейся в системе комплектования армии посредством рекрутских наборов, в то время как французская армия пополнялась по принципу всеобщей воинской повинности. Рекрутчина, самое существование которой было связано с феодально-абсолютистским строем, не обеспечивала армию резервами. Проф. Дружинин не согласился с утверждением докладчика о том, что Кутузов был против всех нововведений, что он их частично или полностью отменил и, таким образом, восстановил старую систему. По мнению проф. Дружинина, главная заслуга Кутузова состояла в том, что он понял, что армия мала и плохо обучена. Его военно-организационные мероприятия определялись условиями и требованиями войны.

Вывод докладчика о военно-организационном превосходстве русской армии над французской к концу войны 1812 г. проф. Дружинин нашёл недостаточно обоснованным, считая, что русская армия к этому времени не была полностью преобразована и нововведения Кутузова не успели упрочиться.

Проф. Минц отметил как ценную и новую попытку докладчика поставить вопрос — в чём значение Кутузова как стратега, — и напомнил сравнительную оценку Кутузова и

Суворова товарищем Сталиным. Великому русскому полководцу Суворову, выигравшему ряд блестящих сражений, никогда не приходилось иметь дело с русской армией в целом. На Кутузова же легла тяжесть защиты всей страны и руководство военными действиями всей армии.

Значение и сила Кутузова состоят в том, что он первый понял, что современные войны решаются не одним — двумя выигранными сражениями, исходя из чего он и строил свою стратегию. Кутузов видел, что одной профессиональной армией исхода войны не решить, и гениально понимал роль народа в Отечественной войне. Этим обуславливалось его отношение к народной войне.

Проф. Рубинштейн отметил правильность постановки вопроса о различном понимании народной войны в официальных кругах и Кутузовым и высказал пожелание дополнительно изучить этот вопрос.

Доц. Епифанов присоединился к мнению проф. Дружинина о рекрутской системе как главной причине слабости русской армии и отсутствия у неё резервов. Именно из-за отсутствия резервов Кутузов не мог дать второе сражение, под Москвой.

♦ В Историческом музее открылась новая экспозиция, посвящённая истории России первой четверти XIX в. и М. И. Кутузову.

На выставке представлены редкие и ценные экспонаты: подлинники кутузовских приказов (две записки Кутузова Дохтурову, написанные на Бородинском поле), донесения Багратиона, автографы Александра I, Кутузова, Багратиона, Дохтурова и других полководцев Отечественной войны 1812 года.

Здесь выставлены личные вещи Кутузова, вещи Наполеона, оставленные им в России, гробен войны 1812 года. На выставке представлены редкие портреты Кутузова и других полководцев, а также известные картины Верещагина. Зал красиво убран трофейными знамёнами, простреленными пулями и разорванными снарядами. Богато представлены на выставке искусство русского народа первой четверти XIX в.: художественные изделия крепостных, ткани, резьба по дереву, изделия тульского оружейного завода и русский фарфор тех времён. Очень ценны и полезны разделы, показывающие науку и литературу тех дней.

Открывшаяся выставка является прекрасным подарком работников Исторического музея к кутузовским дням.

Центральный государственный архив военно-морского флота в Ленинграде

Центральный государственный архив военно-морского флота в Ленинграде был основан в 1724 году.

В настоящее время в нём сконцентрировано 2659 фондов, или около 1,5 миллиона единиц хранения (архивных дел), с материалами, относящимися не только к дореволю-

ционному, но и к пореволюционному периодам. В архиве хранятся также многочисленные печатные издания по истории военно-морского дела, по истории гражданской и Отечественной войны.

В отделе фондов дореволюционного военно-морского флота хранятся материалы по

организации, строительству, боевой деятельности русского флота и по истории революционного движения во флоте. Материалы этого отдела охватывают период с середины XVII столетия до февральской революции 1917 года.

Исключительное значение для истории флота имеют такие фонды, как «Приказ всинского морского флота», «Приказ Большой казны», «Азовская приказная палата», «Царский шатёр на Воронеже», «Адмиралтейств-коллегия», военно-походные канцелярии: генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, адмирала К. И. Крюйса, вице-адмирала М. И. Змаевича, П. П. Бредалья, Н. Ф. Годовина, генерал-фельдмаршала фон Миниха, И. Г. Чернышёва, адмирала С. И. Мордвинова, Г. А. Потёмкина-Таврического, П. А. Зубова и др. Не меньший интерес представляют личные фонды вице-адмирала В. М. Голёвина, Л. Л. Гейдена, де-Траверсе, А. С. Грейга, А. С. Меншикова, В. А. Корнилова, его флаг-офицера А. П. Жандра, И. Ф. Крузенштерна, П. И. Крузенштерна, Ф. П. Литке, Б. А. Глазенапа, В. И. Мелихова, К. В. Стеценко, И. И. и Г. И. Бутаковых, С. О. Макарова, морских министров Бирилёва, Григоровича и др., а также коллекция рукописей исторической части морского генерального штаба и обширные коллекции шкапных и вахтенных журналов, клерских протоколов, формулярных списков.

В этом же разделе сосредоточены материалы по исследованию северовосточного морского пути и по экспедициям к Северному полюсу, связанным с именами Беринга, братьев Лаптевых, Добрытвурского, Макарова, Седова, Сергеева-Вильжицкого, а также документы о выдающихся кругосветных плаваниях Литке, Крузенштерна, Беллинсгаузена, Лазарева, Васильева и др.

Здесь же хранятся подлинные бумаги Петра I, Екатерины II, материалы о выдающихся русских флотоводцах — Спиридове, Ушакове, Синявине, Нахимове, — подлинные приказы великого русского полководца А. В. Суворова.

В отделе собрано большое количество чертежей и планов по строительству кораблей, портов, баз, зданий, памятников, начиная со времён Петра I. Богато представлена история военно-морского оружия, развитие рационализаторской и изобретательской мысли во флоте.

Наряду с документальными материалами, всесторонне отражающими историю военно-морского флота, в отделе фондов дореволюционного флота хранятся также весьма ценные материалы, относящиеся к истории СССР. Из этой группы документов следует прежде всего отметить материалы по истории отдельных народов СССР, их культуре, быту, экономике. В особенности широко представлена история народов Севера, Дальнего Востока, Кавказа, башкир, татар, украинцев. Имеется много материалов по истории Крыма, Валахии, Молдавии, Карело-Финской республики, Камчатки, Амурского края, а также по истории казачества.

Далее следует указать на материалы по истории городов Москвы, Ленинграда,

Кронштадта, Казани, Воронежа, Оренбурга, Архангельска, Мурманска, Ревеля, Либавы, Фиги, Выборга, Петрозаводска, Нижнего Новгорода, Севастополя, Николаева, Одессы, Херсона, Владивостока, Николаевска на Амуре и др.

Имеется обширный материал по истории заводов и фабрик: Новгородской парусной фабрики, Обуховского, Балтийского, Ижорского, Сестрорецкого, Нерчинских, Воткинских, Тульских, Петровских и других заводов, по рабочему и крестьянскому движению. Имеются также материалы по истории народного образования (цифирные школы и навигационная школа) в России.

В материалах отдела находит своё отражение и деятельность таких выдающихся представителей русской научной мысли, как М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев, А. С. Попов, Пирогов, Миклуха-Маклай, Шокальский, Крылов и др., а также деятельность великого русского зодчего Захарова (имеются подлинные его чертежи и планы), гениального русского композитора Римского-Корсакова, знаменитого художника-мариниста Айвазовского, писателей: Григоровича, Гончарова, Островского, Писемского, Потехина и др.

В отделе фондов Наркомата военно-морского флота сосредоточены документальные материалы об участии военно-морского флота в февральской революции 1917 г., в Великой Октябрьской социалистической революции, в гражданской войне. В материалах этого отдела находит яркое отражение роль нашей партии и великих вождей пролетарской революции Ленина и Сталина в организации и строительстве флота, его восстановлении и реконструкции. В них освещена деятельность ближайших соратников Ленина и Сталина — Кирова, Куйбышева, Фрунзе, Ворошилова и др. Материалы этого отдела охватывают период с 1917 по июнь 1941 года.

Отдел фондов Отечественной войны содержит документальные материалы об участии флота в народной войне против немецко-фашистских захватчиков.

В книгохранилище размещены печатные материалы, главным образом научно-справочного характера, по истории военно-морского флота (словари, справочники, научные описания и т. п.), а также военно-морские периодические издания. Здесь же собраны многотиражки, листовки, воззвания и другие печатные документы.

При архиве имеется читальный зал, посещаемый не только научными работниками Ленинграда, но и сотрудниками научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений Москвы, города Горького, Казани, города Молотова, Украины, Туркестана, Карело-Финской республики и др. За последнее время среди занимающихся в читальном зале значительно повысился процент работающих по документальным материалам архива над дипломными работами и диссертациями (студенты, аспиранты, кандидаты исторических наук). Большинство посетителей архива работает над темами по истории военно-морского дела, как например

«Первая архипелажская экспедиция и военно-морское искусство адмирала Спиридова», «Адмирал Ф. Ф. Ушаков», «Вторая архипелажская экспедиция и военно-морское искусство адмирала Сенявина», «Флот в Отечественной войне 1812 г.», «Адмирал С. О. Макаров» и др.

В читальном зале занимаются многие архитекторы и инженеры, работающие над восстановлением Ленинграда и портов Балтийского и Чёрного морей, разрушенных немецко-фашистскими извергами.

Работники архива проделали большую работу по выявлению строительных чертежей и планов всех перечисленных объектов.

По заданию НКВМФ Союза ССР, сотрудники архива выявили значительное количество документов, относящихся к участию Черноморского и Северного флотов в гражданской войне.

В связи с широко развернувшейся работой по подготовке к 50-летию радио-архив оказал существенную помощь Академии наук СССР и другим научным учреждениям по сбору документальных материалов о жизни и деятельности А. С. Попова. По материалам ЦГАВМФ были выпущены два сборника об А. С. Попове — один в издании Академии наук СССР, другой — Ленинградского газетно-журнального и книжного издательства. Материалы эти были особенно широко использованы многочисленными посетителями читального зала в дни подготовки к юбилею.

В 1944 г. архивом были подготовлены к изданию следующие документальные сборники: «Адмирал П. С. Нахимов» и «Адмирал Б. А. Корнилов». Оба сборника сданы в печать. В 1945 г. заканчиваются сборники: «Адмирал Ф. Ф. Ушаков» (составляемый совместно с московскими архивами) и «Адмирал М. П. Лазарев». В настоящее время научные сотрудники архива работают над новым сборником об адмирале С. О. Макарове.

Кроме этого за 1944 г. и первую половину 1945 г. в журналах и газетах архивом были опубликованы следующие статьи: «Киров и моряки», «Гангутское сражение», «А. С. Попов — изобретатель радио» — и подготовлены две статьи для сборника, выпускаемого Боемориоздатом, на темы: «Адмирал Завойко» и «Изобретатель подлодки И. Ф. Алексидровский». В одном из специальных журналов будет напечатана также статья — публикация о Н. А. Римском-Корсакове.

Ведутся подготовительные работы по выпуску сборников документальных материалов: «История подводного плавания в России» (до первой мировой войны), «Революционное движение в Балтфлоте 1901 — 1906 гг.», а также готовится «Путеводитель по фондам Центрального государственного архива военно-морского флота», который должен быть закончен в конце 1946 года.

Н. Жмакин

В Горьковском педагогическом институте

В 1945 г. исторический факультет Горьковского педагогического института провёл ряд научных заседаний.

Цикл докладов, прочитанных на этих заседаниях, был посвящён истории Англии и англо-русских отношений. Доктор исторических наук профессор С. И. Архангельский доложил о своей работе «История крестьянских движений в Англии в эпоху революции, в 40 — 50-х годах XVII века». Эта работа делится на главы: I. Источники. II. Английская деревня накануне революции. III. Борьба общинников «великой низины болот» в Восточной Англии в 40-х годах XVII века. Борьба крестьян против огораживания в Соммерсете, Дорсете, Уилтсе и других областях государства в первой половине 40-х годов XVII века. V. Борьба крестьян за лесные сервитуты и за уничтожение парков в начале 40-х годов XVII века. VI. Движение клубменов в 1645 году. VII. Движение левеллеров и диггеров. VIII. Борьба общинников «великой низины болот» в 50-е годы XVII века. IX. Борьба крестьян против огораживаний и контрастипульные лендлордов в 50-х годах XVII века. X. Борьба крестьян за лесные сервитуты в 50-х годах XVII века. XI. Итоговые замечания.

Кандидат исторических наук доцент А. С. Самойло прочитал доклад «О зарождении Британской империи». В этом докладе была

охарактеризована колониальная экспансия Англии в Северную Америку в начале XVII в., подчеркнута связь пуританской экспансии с оппозиционным течением против абсолютизма Стюартов. По мнению докладчика, в этих кругах зародилась борьба с абсолютизмом Стюартов, которая принимает в Долгом парламенте новые формы.

В. Я. Лотович, студент-выпускник института, прочитал свою работу «Англо-русские отношения в конце XVI и начале XVII в. и борьба партий, группировавшихся вокруг них в Англии и в Московском государстве». Автор показал состав двух группировок в Московском государстве — сторонников союза с Англией и противников этого союза — и наличие трёх группировок, образовавшихся в тайном совете королевы Елизаветы. В одну группировку входили сторонники решительной политики в отношении католических государств и сторонники сближения с русским государством, возглавлял её Уолсингем. Другую группировку представляли сторонники осторожной политики в отношениях с католическими государствами. Эту группировку возглавлял Вильям Сесиль. Третья группировка стояла за сближение с католическими державами; возглавлял её Норфольк и Мария Стюарт.

А. И. Нечаев, студент-выпускник института, сделал доклад «Англо-русские отношения в эпоху Грозного». Автор прослежи-

влет, как появились в Московском государстве англичане, как они стремились использовать Волгу в качестве пути, связующего Англию с восточными странами, в частности с Индией. Докладчик остановился на попытках правительства Грозного установить союз с Англией и на отклонении Англией этого союза. Показано какую военную помощь оказала Москве Англия в Ливонской войне.

Н. П. Сёколов, кандидат исторических наук, доцент, доложил о своей работе «Образование и распад Венецианской торговой империи». Автор ставит себе задачей выяснить вопросы славяно-венецианских отношений и необоснованность «исторических прав» Италии на Илирийское и Далматинское побережье Адриатики.

В. Т. Илларионов, кандидат исторических наук, доцент, сделал краткое сообщение о

состоянии своей работы над общей историографией палеолита.

Профессор Д. А. Балака выступил с докладом «Культурная и политическая жизнь Нижнего Новгорода в половине XIX столетия». Он охарактеризовал общественную жизнь в Нижнем в 40-х и 50-х годах, в частности деятельность нижегородца Я. М. Певеорова, друга Станкевича, и круг его знакомств, в который входил и Ганс, учитель Маркса. Автор утверждает, что в Нижнем существовала подпольная группа сторонников Чернышевского и что с этой группой был связан отец В. И. Ленина — Илья Николаевич Ульянов. В докладе дана характеристика жизни и деятельности И. Н. Ульянова в Нижнем и борьбы либералов с революционно-демократической интеллигенцией в Нижнем в 60-е годы.

В. Илларионов

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ С 1940 г. в Соединённых Штатах Америки начал выходить журнал, посвящённый изучению истории идей, под названием «Journal of the history of ideas». Основан он был по инициативе и при непосредственном содействии «American Philosophical society» и «American council of learned societies». Цель журнала — выявить и подчеркнуть взаимосвязь между различными областями исторического исследования: историей философии, литературы и искусства, естественных и общественных наук, религии, политических и социальных теорий. Наличие подобного периодического органа даёт возможность публиковать работы, могущие заинтересовать учёных самых различных специальностей, и тем самым способствует установлению более тесного сотрудничества специалистов во всех областях истории культуры.

В состав редакционной коллегии журнала входят такие крупные учёные, как Дж. Рендолл (J. H. Randall), А. Лёвджой (A. Lovejoy) и М. Никольсон (M. H. Nicolson). В издании журнала принимают активное участие несколько крупных немецких учёных, эмигрировавших из Германии в годы фашистской диктатуры; в частности Эрнст Кассирер, Ганс Барон, Ганс Кон и другие являются его постоянными сотрудниками. Журнал выходит четыре раза в год. Объём его — около 120 страниц в каждом номере. Некоторые номера посвящены целиком одному вопросу. Так, например, № 1 тома IV за 1943 г. посвящён дискуссии о проблеме Возрождения. В 1945 г. намечается выпуск серии «небольших книг» (small books) по истории идей. Первый в этой серии выходит работа Э. Кассирера «Руссо—Кант—Гёте».

◆ Огромный интерес в Америке вызывает германская борьба русского народа против немецких захватчиков. Об этом свидетельствует работа Б. Скоморовского и Э. Морриса об осаде Ленинграда (S k o m o r o v-

sky B. and Morris E. C «The siege of Leningrad» New York. 1944. 196 p. Книга написана на основании ознакомления авторов с письмами, документами и рассказами героических участников обороны Ленинграда и даёт картину жизни города в труднейших условиях осады.

◆ В «American Journal of Archaeology», vol. XLVIII, № 2, April—June, 1944 (p. 201—210), помещена заметка о раскопках в Хорезме в 1940—1941 гг., основанная на русском отчёте ВОКСа, полученном Фильдским музеем естественной истории в феврале 1940 года. Заметка подписана Простовым и Фильдом. Статья обстоятельно трактует о приемах экспедиции С. П. Толстова, об её размахе и в конце даёт хронологическую схему трёх доисторических культур, пяти древних и трёх средневековых. Таким образом, западноевропейские и американские археологи имеют возможность составить себе представление об этом важном достижении советской археологии. В примечаниях дана библиография на русском и английском языках.

◆ В небольшой заметке под названием «Оживление древних традиций» («The revival of ancient traditions») в журнале «Antiquity», September 1944, p. 159—160 рассказано, как в Советском Узбекистане, в частности в Самарканде и Бухаре, оживают славные традиции великого искусства эпохи Тимуридов. Упоминаются имена крупных художников нашего времени — Ширина Мурадова, Ибрагима Гафизова, Шамсуддина Гафурова, Кули Джалилова, Акрама Мирбабаева и др. Автор заметки рассказывает о расцвете народного искусства в обстановке демократического быта. Статья иллюстрирована таблицами, дающими представление об этом своеобразном творчестве.

◆ К трёхсотлетию юбилею английской революции середины XVII в. в Англии появился ряд работ как по общей истории революции, так и по отдельным её проблемам.

В серии «Marxist text book reviews» К. Хилл, М. Джемс и Э. Рикурд дали популярные очерки по истории революции (Hill Chr., James M., Rickword E. «The English revolution 1640». Three essays. London 1940. 136 p.). Автор первого очерка — Хилл — даёт общую картину политических и экономических предпосылок революции и краткий очерк важнейших её этапов. Джемс, полемизируя с Тревельяном, подчёркивает классовый характер революции. Рикурд в своём очерке выявляет факторы, способствовавшие превращению Мильтона в идеолога революционной буржуазии. Тому же Мильтону посвящена обширная монография Д. Уольфа (Wolfe D. «Milton in the Puritan revolution». New York — London. 1941. XIV, 496 p.). В 1940 и 1941 гг. изданы две биографии одного из вождей английской революции — Джона Пима (Brett S. R. «John Pym (1583—1643). The statesman of the Puritan revolution». London 1940, XXVIII, 279 p.; Hexter J. H. «The reign of king Pym». Cambridge. 1941. 245 p.). Книга Бретта является подробной биографией Пима. Работа Хекстера, представляющая большой интерес, посвящена последнему году жизни и деятельности Пима (1642 — 1643), когда Пим оказывал особенно большое влияние на события начального этапа революции. В книге использован обширный документальный материал.

Накануне юбилея вышел второй том много томного собрания речей Оливера Кромвеля и документов, имеющих его подпись (Cromwell O. Writings and speeches; with an introd. and an account of his life by W. C. Abbot. Vol. 2. The commonwealth. Cambridge. 1939, XVI, 806 p.). Редактор, профессор Гарвардского университета В. Эббот, составитель обширной библиографии по Кромвелю (A. bibliography of Oliver Cromwell. Cambridge Mass, 1929, XXVIII, 540 p.), вставил собранные им документы в рамки исторического повествования о Кромвеле и его времени. Первый том, вышедший в 1937 г., заканчивается казнью короля; второй том охватывает период республики (1649—1653). В 1940 г. вышла также книга М. Эшлея «Оливер Кромвель — консервативный диктатор» (Ashley M. «Oliver Cromwell, the conservative dictator». London. 1940. 351 p.).

Наконец, в 1942 г. переиздана вышедшая первым изданием в 1934 г. биография Кромвеля, написанная J. Vuchan (рецензию на эту книгу проф. Семёнова см. в № 1 «Вопросы истории», стр. 139—141).

Сочинения вождя левеллеров Уинстэнли с приложением документов, относящихся к движению диггеров, изданы под редакцией и с предисловием Дж. Сэбина (The speeches of Gerard Winstenley... Ed. with an introduction by V. H. Sabine. Ithaca, N. Y. 1941. 686 p.). Опыт характеристики социальных воззрений Уинстэнли дан в книге Петегорского D. Left-wing democracy in the English civil war. A study of the social philosophy of Gerard Winstenley. London. 1940. 254 p.

◆ Вышла в свет новая работа по социальной истории Англии крупнейшего английского историка — Дж. М. Тревельяна (Trevelyan G. M. «English social history. A survey of six centuries. Chaucer to Queen Victoria». London — New York. 1944, 628 p.). Опубликована лишь часть задуманной автором истории Англии с древнейших времён до наших дней: изложение начинается с 1340 г. — года рождения Чосера — и кончается 1901 г. — годом смерти королевы Виктории. Тревельян выделяет наиболее характерные периоды в истории Англии XIV—XIX веков. Книга рассчитана на широкий круг английских читателей с целью возбудить в них интерес к более детальному изучению истории своей страны.

◆ Молодой историк, преподаватель Кембриджского университета, А. Стил поставил себе целью дать на основе многочисленных частных исследований общую картину царствования Ричарда II, столь значительного в истории Англии (Steel A. «Richard II». Cambridge. 1941. 320 p.). Картина эта вносит существенные изменения в сложившуюся на протяжении нескольких столетий традиционную оценку царствования Ричарда II и его личности. Книга снабжена предисловием известного историка Англии Дж. Тревельяна. Нельзя не отметить, что такая крупная и значительная работа, как исследование покойного академика Д. М. Петрушевского о восстании Уота Тэйлора, осталась автору неизвестной.

◆ Шотландский историк Агнесса Макензи издала в 1940 г. краткий очерк истории Шотландии (MacKenzie A. M. «The kingdom of Scotland. A short history». London. 1940. XII, 384 p.). Макензи известна своей много томной историей Шотландии, первые пять томов которой, охватывающие период от древнейших времён до 1748 г., вышли в 1934—1938 годах. Шестой том, доводящий изложение до наших дней, вышел в 1941 году.

◆ Вышло из печати обширное собрание актов и документов, относящихся к истории Ирландии от утверждения в ней английского управления до соглашения от 6 декабря 1921 г. между Великобританией и Ирландией, юридически закрепившего существование «Ирландского свободного государства». Освещены основные этапы становления и развития государственных, политических и правовых норм, институтов и учреждений Ирландии (Irish historians, documents 1172 — 1922. Ed. by E. Curtis and R. V. McDowell. London. 1943. 331 p.). Наиболее полно представлены документы, относящиеся к новой и новейшей истории Ирландии. Документы, характеризующие социально-экономическую, церковную и муниципальную историю Ирландии, включены лишь в незначительном количестве ввиду невозможности вместить столь большой материал в одну книгу. Редакторы её — ныне покойный Э. Кертис и Р. Макдоуэл.

◆ В 1942 г. вышло обширное исследование американского историка В. Эскью по дипломатической истории итало-турецкой

войны 1911—1912 гг. (A skew W. C. «Europe and Italy's acquisition of Libya 1911—1912». Durham N. C. 1942, XI, 317 p.). Это первая подробная работа о захвате Триполи (Ливии) Италией.

◆ В 1944 г. вышла новая работа американского специалиста в области политической истории проф. У. Бинкли по истории возникновения и развития политических партий в Соединённых Штатах Америки (Binkley W. E. «American political parties. Their natural history». New York. 1944. XII, 407, XII p.). В книге даётся история возникновения и разложения ряда политических партий, как-то партии федералистов, Джефферсоновских республиканцев, Джексонских демократов и вигов. Затем рассматривается образование в середине XIX в. двух важнейших современных политических партий США — республиканцев и демократов. Автор ставит своей задачей, во-первых, показать социальный состав всех основных политических партий США и, во-вторых, выяснить роль политических вождей в организации партий и руководстве ими.

◆ Видный американский историк Дж. Ф. Милтон посвятил свою книгу исследованию о фактическом использовании президентами США предоставляемых им конституцией США прав и полномочий (Milton G. F. «The use of presidential power 1789—1940» Boston. 1945, XIII, 349 p.). На большом материале автор показывает, что общая тенденция развития власти президента, укрепления и расширения её особенно ясно сказывается в критические моменты в истории США — такие, как гражданская война и мировые войны. Своё утверждение Милтон особенно рельефно аргументирует анализом деятельности покойного Ф. Д. Рузвельта в годы второй мировой войны.

◆ Спасаясь от фашистских варваров, журнал по истории Византии «Byzantion», издававшийся ранее в Брюсселе, перенёс своё местопребывание в США, где и вышел том XV (1940—1941) и 1-й выпуск тома XVI (1942—1943). Журнал сохранил свой интернациональный характер со значительным преобладанием, однако, английского языка. Среди статей отмечаемых двух томов «Byzantion» обращают на себя внимание несколько статей, подвергающих серьёзному пересмотру широко распространённое представление о византийском государственном строе как о деспотии или деспотизме; так, в статье С. Н. Coster «Synesius, a eunuch of the time of emperor Arcadius» (vol. XV, p. 10—38) пересматривается вопрос о положении курiales поздней империи в связи с вопросом о правовом характере императорской власти; та же обширная тема о правовом характере императорской власти затронута в статье P. Charanis «Coronation and its constitutional significance in the later Roman Empire» (vol. XV, p. 49—66) в связи с проблемой взаимоотношений церкви и государства. Другая статья того же автора «Internal strife in Byzantium during the fourteenth century» (vol. XV,

p. 208—230) характеризует внутреннее положение Византии XIV в. с особым вниманием к правовым и политическим вопросам. Третья статья, P. Charanis «The strife among the Palaeologi and Ottoman Turks» 1372—1402 (vol. XVI, p. 286—314), исследует международные отношения Византии и формировавшейся турецкой державы, отмечая моменты сближения османских правителей с византийскими императорами на почве общей борьбы против революционных выступлений масс. Большой интерес представляет статья A. Segre «Inflation and its implication in early Byzantine times» (vol. XV, p. 249—279), в которой автор даёт очерк истории денежного обращения и финансовой политики в империи IV—V вв. Группа статей посвящена исследованию мировых политических и культурных связей Византии, в том числе связей между Византией и Русью; таковы статьи. «Giorgio Levi della Vida», «A christian legend in Moslem garb» (vol. XV, p. 144—157) — мировое распространение византийского литературного сюжета о женщине, в защиту своей чести идущей на смерть; С. Bonner «The maiden's stratagem» (vol. XVI, p. 142—157) — публикация нового греческого варианта того же сюжета, подчёркивается его английское происхождение. В статье I. Вернадского «Byzantium and Southern Russia» (vol. XV, p. 67—86) автор исследует процесс христианизации северных причерноморских народов в середине IX в. из Византии, главное внимание он уделяет Тьмутараканской Руси и готам, а также борьбе Византии за христианизацию хазар. Ученица H. Grégoire — G. da Costa Louillet в статье «Y eut-il des invasions russes dans l'Empire Byzantin avant 860?» (vol. XV, p. 231—248) оспаривает выдвинутое В. Г. Васильевским (во введении к «Житию св. Георгия Амастридского») утверждение о том, что уже до 850 г. имели место нападения руссов на Византию. Учитель её H. Grégoire в предисловии к этой статье резко выступает против того же утверждения. В своей собственной статье «The question of the diversion of the fourth crusade or, an old controversy solved by a Latin adverb» (vol. XV, p. 158—166) Грегуар поддерживает мнение, что взятие Константинополя было заранее поставленной целью 4-го крестового похода. E. Voegelin «The Mongol orders of submission to European powers, 1245—1255» (vol. XV, p. 378—413), доказывает наличие высоко развитого политического сознания в монгольской державе и влияние Византии на формирование у монголов теории мирового господства. Статья R. Blake and S. Der Nersessian «The Gospels of Bertay: an old Georgian ms. of the tenth century» (vol. XVI, p. 226—285) представляет собой палеографо-искусствоведческое исследование до сих пор не известной рукописи X в., устанавливающее культурное влияние Византии в Грузии и Армении. Из прочих статей рассматриваемых двух томов журнала отметим статью А. А. Васильева «The Life of St. Theodore of Edess» (vol. XVI, p. 165—225), где анализ малоизвестно-

го жития св. Федора Эдесского даёт важные данные об иконоборческом движении среди христиан халифата, и комментированную публикацию нового документа по истории церковного землевладения Alexander T. A. Chrysobull of the Emperor Andronicus III Palaeologus in favour of the See of Kanina in Albania (vol. XV, p. 167—207).

◆ Американская академия по изучению средних веков (Medieval Academy of America, основанная в 1925 г.) продолжает издавать монографии, посвящённые различным областям истории средних веков, и публикацию комментированных текстов средневековых авторов. За последние годы опубликован трактат французского философа XIV в. Иоанна Буридала «Questions super libris quattuor de saeculo et mundo», произведения крупнейшего англо-саксонского хрониста и писателя-энциклопедиста Беды Достопочтенного (672—735) «Expositio actuum apostolorum et retractatio» и «Opera de temporibus» и другие тексты. Из исторических монографий следует отметить прекрасно документированную монументальную работу проф. В. И. Лента о финансовых отношениях английского правительства и папства в средние века (W. E. Lunt «Financial relations of the papacy with England to 1327». Cambridge, Mass. 1939) и первый том коллективного труда нескольких историков об английской административной системе XIV в. (The English government at work 1327—1336. Vol. I. Central and prerogative administration. Ed. by J. F. Willard and W. A. Morris Cambridge, Mass. 1940, XX, 467 p.).

В последней работе особенно интересны главы по организации дипломатической службы, армии, флота и охраны королевских лесов. Кроме того Академия продолжает выпуск периодического органа — журнала «Speculum» (выходит четыре раза в год), содержащего небольшие по объёму исследования по истории средних веков.

◆ Среди журналов по классической археологии быстро выдвинулся на одно из первых мест основанный в 1932 г. орган американской школы изучения классической древности в Афинах журнал «Hesperia, Journal of the American school of classical studies at Athens». Он посвящён специальным работам, связанным с итогами археологических экспедиций этой школы. В 1-м выпуске за 1944 г. помещено десять статей, большинство которых анализирует надписи. Особо важное значение имеет статья В. Н. Хилл и В. Д. Меритт «An early Athenian decree concerning tribute». Надпись, анализируемая в статье, относится к середине V в. до нашей эры и заставляет пересмотреть многие вопросы, связанные со взаимоотношениями с членами Афинского морского союза. Второй выпуск целиком занят исследованием Leicester B. Holland «Colophon», которое суммирует все археологические и эпиграфические данные об этом важном культурном и торговом городе классического и эллинистического периода. Особенно детально освещён новый археологический ма-

териал. В третьем выпуске D. Burr Thompson пересматривает материал о золотых «никах» (богини победы), а крупнейший эллинист США В. Д. Меритт анализирует 19 недавно открытых греческих надписей. В четвёртом выпуске из шести статей особенно выделяется исследование Doro Levi «Aion». Левин анализирует весь археологический материал, особенно в связи с открытой в 1939 г. американской экспедицией в Антиохии на Оронте мозаики с изображением Эона и Хроносов.

◆ В Нью-Йорке в 1943 г. начал выходить новый нумизматический журнал — «Numismatic Review» посвященный специальным исследованиям монет, медалей и бумажных денег. Судя по первым номерам, новый журнал будет одним из руководящих в этой области.

◆ Выходом в свет в 1941 г. V и VI томов закончился капитальный труд по истории магии и экспериментальной науки с I по XVI в. известного американского историка науки Л. Торндайка (L. Thorndike «A history of magic and experimental science» Vol. I—VI London—New-York, 1923—1941). Основная идея автора — доказать, что развитие экспериментальной науки было тесно связано с алхимией, астрологией и другими «окультными науками», за которыми он, в связи с указанным, признаёт на определённой стадии развития известное положительное значение. Труд Торндайка является весьма ценным справочным изданием по истории науки и культуры, прежде всего благодаря использованию весьма значительного количества рукописных материалов, разбросанных по различным библиотекам Европы.

◆ Следует отметить появление нового труда английского историка науки А. Вольфа, посвящённого истории науки, техники и философии XVIII в. (A. Wolf «A history of science, technology and philosophy in the eighteenth century». New York. 1939, 814 p.). Эта работа является, по существу, продолжением вышедшего Вольфом совместно с Даннеманом в 1935 г. аналогичного труда по XVI—XVII векам. Большую ценность представляют многочисленные и разнообразные иллюстрации, среди которых имеются уникальные портреты, чертежи и таблицы той эпохи. Книга интересна как первая попытка дать в одной работе исторические области человеческого творчества и облегчить исследователю-специалисту ориентировку в смежных явлениях и процессах.

◆ Под названием «Война и классические памятники в Италии» в журнале «Antiquity» Vol. XVIII, № 72, December 1944 (p. 169—172) археологический советник при военном министерстве (War Office) поместил интересную статью, характеризующую вандализм, проявленный немцами в отношении классических памятников Италии. В частности сильно пострадали от немцев Помпеи, особенно в области раскопок последних лет. Некоторые дома разрушены, особенно жалко почти полностью разрушенного Casadel Fauno с фресками 1-го и 4-го стилей. Разрушен Кампанский музей в Капуе. Италия-

ские власти сосредоточили многие наиболее ценные вещи из ряда музеев Геркуланума, Помпеи и т. д. в Монте Кассино, по распоряжению Геринга, они якобы были полностью переданы Ватикану. Но из самого дела многое пропало. Немцами похищен ряд ценных этнографических коллекций. В Немцы немцы сожгли музей. Очень сильно пострадали памятники и музеи Этрурии. Автор статьи вообще затрудняется дать полный список хотя бы важнейших из пострадавших памятников, он ограничивается лишь перечислением того, что уцелело или может быть в какой-то мере реставрировано.

◆ Значительный интерес представляет изданное правительством Голландской Индии официальное сообщение о порывной деятельности японцев на архипелаге в течение последних десяти лет («Ten years of Japanese burrowing in the Netherland-East Indies, 2-d printing» New York 1944, 132 p.) В сообщении подробно описываются методы японской пропаганды и шпио-

нажа, разрушительная деятельность агенты Япони в сфере экономики и политики, также рассказывается о непосредственной подготовке к вторжению в Голландскую Индию предпринятому японским правительством. К сообщению приложены факсимиле и переводы ряда японских документов.

◆ Заслуживает внимания книга А. Гражданцева «Современная Корея» А. I. G. a j d a n z e v «Modern Korea. A study of social and economic changes under Japanese rule» New York 1944. 333 p.) На основании статистических данных автор доказывает лживость сообщавшихся японской пропагандой сведений о процветании Кореи в период японского господства. Подробно описав состояние промышленности, сельского хозяйства и транспорта Кореи автор приходит к выводу, что экономика Кореи целиком использовалась в интересах японской военной машины. Автор останавливается на проявлениях национального гнета в области культуры.

CONTENTS:

ARTICLES: Korobkov N., Prof. — Kutuzov's Military Skill. Pankratova A.—Formation of the Second Seat of War in Europe. Rubinstein N., Prof.—S. M. Solovyov and Fuss an Historical Science. Viatkin M.—On the Peasant Wars in Kazakhstan. Grabar V., Prof.—Ecumenical Councils of the 12th—15th Centuries as Organs of International Intercourse. INFORMATION, PUBLICATIONS, NOTES: Yugov A.—Danil of Galicia and Alexander Nevsky. Grunt A.—“The Progressive Bloc.” Svirskaya V.—“The Revolt of the Caravan.” Narochnitsky A.—The Jacobean Republic and the Neutral States during the Summer of 1793. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY, BIBLIOGRAPHICAL NOTES. CALENDAR OF EVENTS.

SOMMAIRE:

ARTICLES: Korobkov N., prof. — L'art militaire de Koutouzov. Pankratova A.—La formation en Europe du deuxième foyer de guerre. Rubinstein N., prof. — S. Soloviev et les études historiques en Russie. Viatkine M.—Contribution à l'histoire des guerres paysannes au Kazakhstan. Grabar V., prof.—Les conciles ecuméniques du XIIe au XVe siècles organes de relation internationale. COMMUNICATIONS, PUBLICATIONS NOTES: Jugov A.—Daniel de Galicie et Alexandre Nevski. Grounte A.—Un „bloc progressif“. Svirskaia V. La „Révolte des caravanes“. Narotchnitski A.—La république jacobine et les États neutres durant l'été 1793. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. NOTES BIBLIOGRAPHIQUES CHRONIQUE.

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (отв. редактор), Е. Н. Городецкий, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, А. М. Панкратова, С. Н. Ростовский, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239.
А 23069. Изд. № 850 Заказ № 2101.

Д 3-31-01.
Тираж 32.900

Подписано к печати 6/ХІІ 1945 г. 10 печ. л. 68 000 печ. зн в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.